

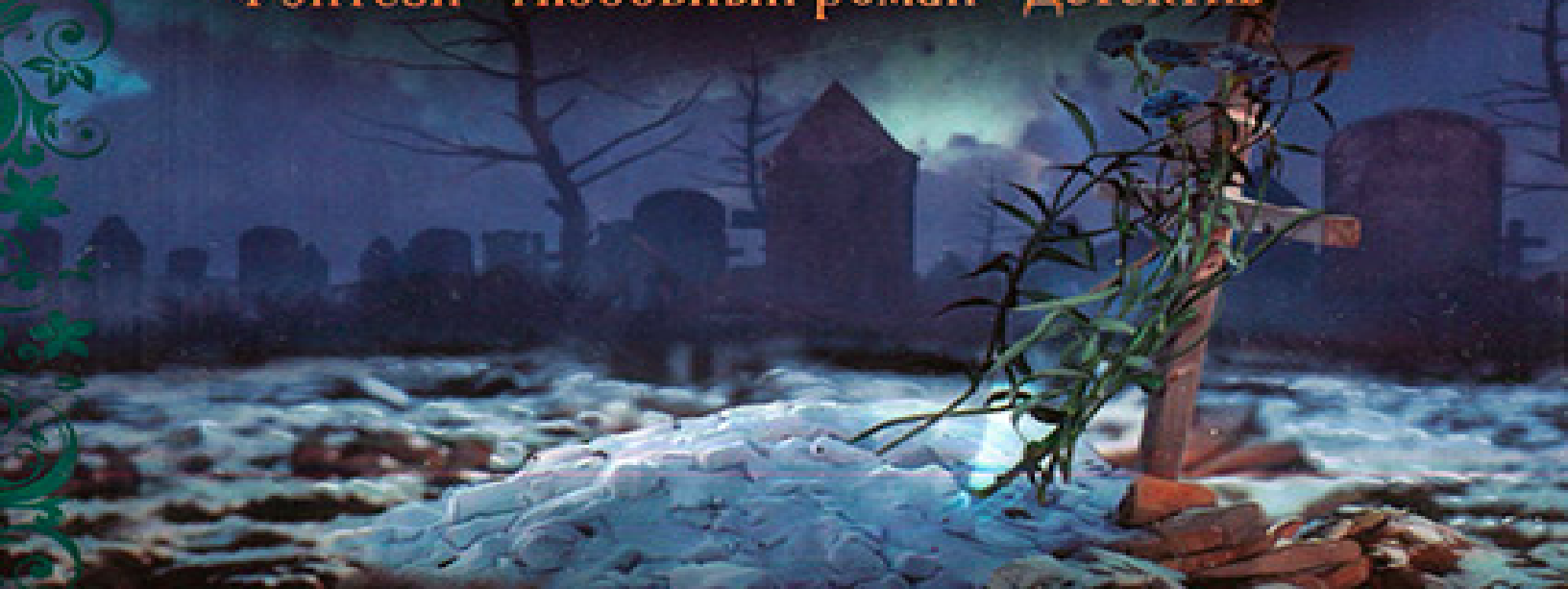


Татьяна Коростышевская

Уездный детектив.

Незванный, но желанный

Фэнтези • Любовный роман • Детектив



Annotation

Зло никогда не спит, убийства в Крыжовене продолжают. Казалось бы, дело о самоубийстве пристава раскрыто, но по ходу расследования вскрываются новые чудовищные обстоятельства. Кто главный злодей? Кто дергает за ниточки? Кто пытается водить за нос служителей закона?

Распутывая одну за другой загадки уездного городка, Евангелина Попович не замечает, что сама движется навстречу смертельной опасности. Или все-таки замечает, но не может свернуть с пути, ведь на кону теперь стоит больше, чем служебный долг?

Великий чародей Крестовский спешит на помощь барышне. Только пока непонятно, на помощь ли или прямо в заготовленную для него ловушку.

-
- [Татьяна Коростышевская](#)
 -
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВТОРАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ,](#)
 - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ПЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ШЕСТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,](#)
 - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,](#)
 - [ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ,](#)
 - [ЭПИЛОГ ВТОРОЙ,](#)
-

Татьяна Коростышевская
НЕЗВАННЫЙ, НО ЖЕЛАННЫЙ



УЛОЖЕНИЕ
НАКАЗАНИЙ

УЛОЖЕНИЕ
НАКАЗАНИЙ

KING OF GAMES

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в коей обязанности пристава уездного Крыжовеня ложатся на девичьи плечи неподъемным грузом, а долгожданная встреча радости не приносит

Всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц, есть преступление.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

Поезд из столицы прибыл в Крыжовень вечером. Семен Аристархович Крестовский, действительный статский советник сысского департамента, начальник чародейского приказа Мокошьграда, вышел из вагона в партикулярном платье и самом светском расположении духа. Трехдневное путешествие позволило ему восполнить чародейские силы, а нынче ждала его встреча с дамою сердца, зеленоглазой барышней Попович. Семен эту встречу предвкушал, представил даже в подробностях, как сперва бросится к нему Евангелина, щечки покраснелись, очи сверкают, после остановится в смущении, чтоб приличия соблюсти, о новостях своих расскажет, о столичных делах расспрашивать примется. И он привычно угреется в лучах ее бесхитростного обожания, расслабится, почувствует себя взрослым и сильным. Геля, Гелюшка... Какая все-таки удача, что именно ему пришлось ей вослед в этот уездный городишко отправиться, хоть ненадолго о столичных своих затруднениях забыть.

Высокому Крестовскому не составляло труда поверх голов оглядывать редющую толпу, однако Гели на перроне не было. Это

пока не тревожило, но несколько разочаровывало.

— Прощения просим, — остановил его немолодой тучный господин в полицейском мундире, — не вы ли, вашбродь, Эльдар Давидович будете?

Толстяк с почти суеверным ужасом оглядывал столичного франта от сверкающих туфель до крупных сапфировых серег в мужских мочках. Семен покачал головой, взметнув свою золотисто-рыжую гриву. Служивый тоскливо заозирался, более одиноких приезжих не узрел, вздохнул.

— Обознался. Чиновника важного велели встречать по фамилии Мамаев.

— Кто велел?

— Начальство. Пристав то есть.

Чародей посмотрел на перрон, тоже вздохнул и сунул толстяку саквояж.

— Будем считать, что приказ начальства вы исполнили. Действительный статский советник Крестовский вместо Эльдара Давидовича в ваше присутствие направлен.

Приняв багаж с видом покорного оруженосца, служивый гаркнул:

— Коллежский регистратор Давилов! — Щелкнул каблуками, добавил, понизив голос: — Извольте, ваше превосходительство, в сани.

Семен пошел за провожатым. Пристав? Любопытно, кого из Змеевичей эту обязанность прислали исполнять? Заметим, исполнять временно. Должность все еще числилась вакантной.

— Начальство велело вас в гостинице устроить, — сказал Давилов, прижимая к груди саквояж. — По случаю ярмарки мест свободных не было, но я исхитрился пристойный номер для вашего превосходительства добыть.

На вокзальной площади происходила битва за извозчика, но спутник кивнул в сторону, где с мраморного крыльца прямо в грязный ноздреватый снег спускались дощатые мостки.

— Туда извольте, ваше превосходительство. Приказной транспорт за углом ожидает, ее высокоблагородие велели...

— Как зовут? — спросил Семен, спрыгивая с крыльца.

— Евсей Харитонович, — смешался толстяк.

— А дальше?

— Так Давилов же...

Извозчик, узрев столичного чародея во всем его великолепии, натурально открыл рот. Семен поздоровался, уселся в сани, подождал, пока коллежский регистратор займет место рядом, и спросил снова:

— Как зовут его высокоблагородие? Начальство ваше? Пристава!

— Ее.

— Простите? — Сани дернулись трогаясь, и возглас получился ломким, будто солидный Крестовский пустил петуха.

— Ее высокоблагородие, — пояснил Давилов с затаенной гордостью. — Пристав наш Евангелина Романовна Попович.

Семен закрыл рот, выдохнул, вдохнул... Спутник продолжал, его состояния не замечая:

— Как прежний пристав наш того, — он закатил глаза, изобразив предсмертный хрип, — она дела все присутственные на себя приняла. Уж он-то ее упрашивал, не оставляй, говорит, Гелюшка, меня. А она: «Все в лучшем виде исполню».

— Блохин?

— Чего Блохин? А! Нет, Степан-то Фомич еще в грудне помер, другой пристав — Волков Григорий Ильич.

— Что-то у вас приставы как мухи мрут.

— Да нет, Григорий Ильич не помер вовсе. Он в сон чародейский погрузился, только и успел невесте своей дела передать.

— Невесте?

— Евангелине Романовне.

Крестовский понял, что сошел с ума, только не мог решить, когда именно. Попович пристав? Какая нелепица! Ей было велено в Крыжовене самоубийство Блохина расследовать. Потихоньку и внимания к своей персоне не привлекая. Пристав? Невеста?!

Служивый все болтал, захлебываясь от восторга и умиления. Волков, молодой такой, а вострый, они ему сперва не особо доверяли, потому еще, что образования Григорий Ильич заграничного, но после они на пару с надворною советницей себя столь чудесно в делах проявили, что никаких сомнений не оставили. Душегубицу арестовали, а Евангелика Романовна семь часов допрос вела, признания выбивая, а Григорий Ильич в полуобмороке орудие преступления отыскивал. А уж как получилось приютское начальство к ногтю прижать! Любо-дорого.

Седовласый глум у порога какого-то заведения поклонился приказным саням. Воспаленный взор Семена Аристарховича выхватил за витринным стеклом знакомое лицо. Рыжеволосая зеленоглазая Попович призывно улыбалась ярко-розовым ртом. Потихоньку и никакого внимания? Авантюристка! Актерка!

Уж они-то на пару в Крыжовене порядок наведут, ее высокоблагородие с женихом, всех лиходеев накажут. А уж как Евангелина Романовна встрече с его превосходительством обрадуется! Она другого чиновника, правда, ждала. Так и сказала Давилкову: «Евсей Харитонович, — говорит, — господин Мамаев мне друг и коллега, вы его наилучшим образом устройте, я сама встречать хотела, но сами видите...» Ну а он что, без понимания, что ли? Не до коллег, когда милый Гриня в падучей колотится. Уж они и лекаря позвали, и...

— Где Попович? — перебил Крестовский излияния коллежского регистратора.

— Известно где, на квартире у господина пристава. Велела вас сперва в гостиницу определить, а после...

— Правь туда! — велел Семен извозчику.

Извозчик послушно натянул поводья, сани описали полукруг, останавливаясь у будки часового.

— Это присутствие наше, — повел рукой Давилов. — А казенки на верхнем этаже располагаются. Через арку вход. Извольте, ваше превосходительство, ножку сюда... Что ж ты, Федор, прямо в грязище встал?

Крестовский лужу перепрыгнул, быстрым шагом пересек расстояние до арки. Давилов пыхтел за спиной, не поспевая. Мощный магический фон Семен ощутил еще на деревянной внешней лестнице, в общем квартирном коридоре он стал физически ощутим. Иностранная чародейская сила вихрилась в воздухе плотным рунным плетением. Почерк Семену был знаком. Бриты, Орден Мерлина, серьезные мастера. Где-то там, в центре этого чароворота спасала своего милого сыскарка Попович, «ни разу не чародейка». И Крестовский пошел туда, подсказок от спутника более не дожидаясь.

В спальне на кровати лежал молодой человек самой смазливой наружности, то есть не лежал, а парил вершках в двух над постелью. Да и смазливость его была под вопросом — тело страдальца, по пояс обнаженное, корежила судорога, суставы изогнулись под невероятным

углом, рот оскалился, из него фонтанировала желтая пена. Геля стояла подле на коленях, пытаясь двумя руками прижать торс молодого человека к кровати. Еще какой-то господинчик, видно лекарь, суетился вокруг, и еще кто-то тоже суетился. Но Крестовский их не замечал, его вниманием завладел обручальный сапфировый перстень на безымянном пальчике сыскной барышни.

Собою я была довольна. При всей своей нелюбви командировать, с обязанностями пристава справлялась перфектно. Невелика премудрость. Служивые местные дело свое знали, даже ярмарочное городское многолюдие не мешало четкой приказной работе. Мы с коллежским регистратором Давиловым занимались отловом чиновных разбойников в богадельне, Старунов, по должности письмоводитель, разбирал мелочовку. Единственное, расстраивало, что второго допроса с арестанткою мне провести не удалось, поплохело ей, опиумнице злостной, сразу после того, как я на допросе признание в убийстве Чиковой получила. Лекарь Халялин, которого мне в приказ на помощь призвали, заявил, что либо зелья Мишкиной дать требуется, либо ждать, пока попустит. Я решила ждать. Потому что неправильно это, для служебных целей арестанток травить, даже и душегубиц. Ничего, время терпит. Нынче Мамаев из столицы прибудет, вдвоем мы великолепно со всем справимся. Встречу его на вокзале, в отель сопровожу, Давилов обещал номер приличный забронировать, а уж завтра...

Зевнув, я допила свой кофе, поглядела на часы. Можно было собираться.

Старунов вышел из-за конторки, когда я появилась в общем зале, сообщил, что происшествий никаких, сани у крыльца готовы и что на дежурстве в приказе остается именно он, Иван Старунов. Какие-то оборванцы в арестантской клетке рапорту заулюлюкали, прижались к решетке сизыми носами.

— Девка? Слышь, девка, отпусти!

— Во-первых, — веско проговорила я, — не девка, а ваше высокоблагородие, во-вторых, отпускания в приказе проводятся...

— Евангелина Романовна! — вбежал с улицы Давилов. Евсей Харитонович запыхался, что при его корпулентности неудивительно. — Беда! Господин Волков... он...

Недослушав, я выскочила за дверь. Григорий Ильич более суток находился в своей квартире, погрузившись в чародейский сон, и никаких проблем до сего момента не доставлял. Утром я его навестила, послушала спокойное размеренное дыхание, поправила на груди одеяло и сочла свой дружеский долг исполненным.

Давилов со Старуновым устремились за мной в боковую арку.

— Иван, — велела я на бегу, — лекаря, срочно!

Гриню колотило как в падучей, он подпрыгивал на разоренной постели и так стучал зубами, что я испугалась, что он откусит себе язык. Евсей Харитонович, видимо, подумал так же, дернул из гардеробной кожаный ремень и засунул его в рот страдальцу на манер лошадиного трензеля. Гришка застонал, его вырвало. Спальня наполнилась сильным кислым запахом. Схватив спящего за плечи, я повернула его на бок, чтоб не захлебнулся.

— Сани-то, вашбродь... — бормотал стоящий у двери приказной извозчик Степанов. — Поезд прибывает.

— Лекарь вот!

Быстро обернувшийся Старунов подтолкнул к кровати Халялина, тот уже раскрывал докторский саквояжик, кропил чем-то вонючим тряпицу, чтоб сунуть ее в лицо Волкову. Гриня затих, тяжело привалившись к моим коленям.

— Евсей Харитонович, — сказала я со вздохом Давилову, — отправляйтесь на вокзал, столичного чиновника встречать.

— Будет исполнено, вашбродь. Сюда доставить прикажете?

Я посмотрела на спокойное лицо Волкова.

— В отель, устройте со всеми удобствами, ужин закажите. Я после к господину Мамаеву присоединюсь.

— Как прикажете.

Регистратор с извозчиком ушли, лекарь велел Старунову принести воды, а мне — снять с Грини сорочку для тщательного осмотра с последующим обтиранием. Мы раздели страдальца, Халялин принялся нажимать ему на живот под ребрами, послушал грудь стетоскопом, приподнял веки, ложечкой открыл рот, чтоб осмотреть язык и гортань. В чародействах эскулап не поднаторел, прочее же счел для жизни неопасным.

— Пить ему надобно чаще, организм без влаги страдает.

Поить спящего человека мне прежде не приходилось. Тоненькая струйка из чашки, попытка с ложечкой... Старунов предложил намочить тряпицу и выжимать понемногу прямо спящему в рот, или за соской младенческой сбегать.

— Отставить, — сказала я, — он глотать не хочет.

Возились мы долго, нажимали на горло, чем вызвали у Григория Ильича болезненный кашель, вставляли в рот соломинку, тоже без успеха. От манипуляций над собою Волков начал хрипеть, сызнова изогнулся спиной, колотя затылком о кровать. Кислый рвотный запах перебивался чем-то пряным, явно чародейским. Гриню вознесло над постелью, перекорежило. Что я могла? Меньше чем ничего, прижимала растерянно мужское тело, чтоб к потолку не взлетело, да чертыхалась плохими словами. Мундира еще было жалко, другого из Мокошь-града я не прихватила, а этот оказался безнадежно испорчен. Шумно, грязно, бестолково. Положеньице... Эх, зря велела Эльдара в отель сперва везти, его помощь сейчас пришлась бы кстати.

Прижав грудь Григория Ильича локтем, свободной рукой я вытерла замаранное лицо, велела громко:

— Чародея мне сюда немедленно доставить! Либо Квашнину везите из богадельни, либо... Поезд уже прибыл?

Ответа не услышала, Гриню вознесло, низвергло, снова подняло в воздух; голоса прочих присутствующих слились в нестройное бормотание. Я поднажала изо всех сил, закричала:

— Да вяжите его, ироды, к кровати приматывайте!

— Всем разойтись. — Уверенный баритон отчего-то имел запах мяты.

— Обезвоживание, — пискнул лекарь, — от него все беды. Мы уж и так и эдак пытались...

Руки, чтоб убрать с глаз мокрые волосы, я отнять не могла, фыркнула в безуспешной попытке открыть обзор.

— И что же, — продолжал баритон, который был бы мной непременно опознан, если бы не уверенность, что обладатель его сейчас находится от меня за сотни верст, — Евангелина Романовна по примеру фильмотеатральных героинь не напоила своего возлюбленного изо рта в рот поцелуем? Попович, брысь отсюда.

Сквозь завесу волосяных сосуллек я рассмотрела высокий мужской силуэт йодле кровати, сердце пропустило удар, в голове зашумело.

— Семен?.. Аристархович...

Крестовский подтвердить эту смелую догадку не стал, взял меня за шиворот и поставил на пол шагах в трех от постели.

Мамочка, как же мне было в этот момент стыдно! Ведь один в один как с нашкодившей кошкой обращается. Самодур и мизогин.

Означенный господин на меня не смотрел, воздел руки с туманными чародейскими плетями, забормотал что-то гортанно-мелодичное, отчего всю мебель тряхнуло, как при землетрясении, хлопнул в ладоши. Волков, успевший уже додрейфовать до потолка, рухнул спиной на кровать. Наступившая тишина сперва оглушила, но скоро разбавилась весенним звуком капли. Из дырочки в боку медного умывального таза, стоящего на столике, вытекала струйка воды. Крестовский сжал ладонь, струйка зависла в воздухе, собираясь в огромную дрожащую каплю, даже скорее в водяной пузырь, который медленно поплыл к постели, лопнув мириадой брызг над лицом Волкова. Кадык Грини дернулся раз, другой...

Лекарь заплодировал, а Давилов с видом кафешантанного конферансье провозгласил:

— Действительный статский советник, господин Крестовский Семен Аристархович, из чародейского приказа Мокошь-града!

Шеф обжег обоих гневным взглядом.

— Прекратить балаган! — Повернулся ко мне. — А с вами, Попович, мы сейчас будем беседовать.

Его синие глаза с брезгливостью остановились на моих руках, я быстро вытерла их о подол.

— Здесь беседу проводить изволите? Ох, простите. Здравия желаю, ваше превосходительство! Добрый вечер, с приездом. Добро пожаловать в...

Болтливость моя носила характер нервический и вполне мне свойственный. Я даже реверанс попыталась изобразить и даже неоднократно.

Шеф фыркнул.

— Вы, Степанов, отвезите госпожу пристава на ее квартиру, Евангелине Романовне следует немедленно принять ванну и переодеться. Или вы, Попович, в этих же апартаментах обитаете? — Он поморщился, обводя спальню широким жестом.

Григорий Ильич в этот момент исторг жалобный стон:

— Гелюшка...

Не вовремя как. Отчаянно покраснев, я щелкнула каблуками.

— Никак нет, проживаю на Архиерейской улице, в доме мещанки Губешкиной. За час обернусь.

— Ступайте, — разрешил Крестовский. — Давилов, не стойте столбом, проводите лекаря, его услуги нам нынче больше не понадобятся. Вы, юноша... Старунов? Чародей? Прекрасно. Значит, без труда отыщете где-то в квартире артефакт. Вы...

Дальше я не слышала, уже бежала по общему коридору на лестницу.

Семен? Приехал он, а не Эльдар. Почему? Зачем? Неужели настолько в меня не верит, что лично контролировать отправился?

— Экий, — сказал Федор, правя лошадкой через ярмарочную толпу, — чардей-чардеище, даже удивительно, какие чиновники в столицах обитают.

Я согласно вздохнула, вспомнив, какое впечатление на меня произвел Семен Аристархович при первой нашей встрече. Истинный лев, и грива его золотисто-рыжая, и вся повадка, высокомерная, уверенная, присущая царю зверей. Это уже потом я узнала, что бывает Семушка и нежным, и милым, и забавным, и что не прочь рядом с собой дворовую кошку терпеть. То есть не терпеть, плохое слово, на «терпеть» я бы ни тогда, ни сейчас не согласилась. Рядом видеть. Так хорошо. А вот нынче нехорошо у нас получилось, по-дурацки. До сих пор на меня за самоуправство зол? Так мне есть чем задобрить. Отчитаюсь по всей форме, гнев на милость непременно сменит. Я ведь молодец, немало в Крыжовене успела.

Губешкина охала, ахала и зажимала нос, когда явилась я к ней в шлейфе гадостных ароматов. Прислуга ее Дуняша запаха даже не заметила, очень уж визиту приказного возницы Степанова обрадовалась.

— Федор Федорович, — стрельнула она глазками, — не поможете девушке?

Мужик не отказался, они ушли на кухню, мы же с хозяйкой — в мою горницу.

Дуняша хлопотала, заставила Степанова притащить мне лохань, наполнила ее теплой водой.

— Вы плещитесь, барышня, мы с Феденькой пока чайку попьем.

Пока я мылась и кое-как вычесывала волосы, Захария Митрофановна сидела в кресле и развлекала меня разговором.

Новый чиновник из столицы? Не тот, которого ждала? То-то ей нынче в раскладе незванный гость выпал.

Губешкина была известной в городе гадалкой, работающей под псевдонимом «провидица Зара».

Да не валет выпал желторотый, а целый король кубков... Почему кубков? А она не знает, но он и есть. Ополовиненный. Не мужик, посуда. Тоже не знает... Незванный гость, да желанный... Эх, разбередит он сердчишко одной барышне... Да уж известно которой...

Слушала я рассеянно, потому что в гадания верила не особо. Нет, в само провидчество хозяйки я верила, только допускало оно такое количество толкований, что опознать предсказание было проще уже после события. Ну, например, предсказала мне Губешкина поломанный каблук, так дело оказалось вовсе не в обуви, а в противном пьянице с такою кличкой — Каблук.

И с Крестовским так же. Незванный и желанный. Оба определения в точку. А отчего бокал его неполон, выясним со временем. И о том, как Семену переобуться на ходу удалось. Он же раньше червовым выпадал? Кубки-то почти наверняка бубны.

На вопрос про масти хозяйка пожала плечами и сообщила:

— Зол он, король твой.

— На меня?

— В том числе. И тревожен изрядно.

— Отчего?

— Не ведаю. Только до следующего полудня будешь с ним у повешенного.

— У дерева? На котором Блохина покойного нашли?

— Нет.

Ну вот как это все понимать прикажете? Потому гадания провидицы Зары в расчет я принимать не собиралась.

Платье я надела буднее, темно-зеленое, с воротником под горло. Приличное, но не особо удобное, карманов на нем не было, пришлось полезные чародейские артефакты прятать в дамскую сумочку.

— Мундир Дунька почистит, — пообещала хозяйка, — попытается то есть.

Воодушевленная этими словами, я освободила приказного Степанова из страстной девичьей осады (женит на себе его горничная, как пить дать), попросила у Губешкиной запасной ключ (неизвестно, насколько беседа с шефом затянется) и отправилась к начальству.

Семен Аристархович ждал меня в моем кабинете, то есть в кабинете Волкова, то есть даже не Волкова, потому как Гриня официально приставом еще не являлся, а в бывшем блохинском. Как-то так. Вопросы владения шефа не волновали нисколько, обосновался он в помещении до того по-хозяйски, что даже сделал мне замечание, что-де вошла без стука. Я обиделась, но браво отрапортовала:

— Надворный советник Попович по вашему приказанию прибыла!

Крестовский отодвинул поднос с ужином, будто мое появление отшибло аппетит. Давилов, стоящий подле стола с видом услужливого официанта, посмотрел на меня укоризненно.

— Позвольте доложить, — продолжала я, — о выполнении сыскарского задания...

— Сядьте, — перебил Семен Аристархович и кивнул регистратору. — Евсей Харитонович, будьте любезны прибраться.

— Чайку не желаете? — Давилов подхватил поднос.

Вот ведь подхалим, раньше меня так обихаживал, а теперь на другой объект переключился.

Крестовский чаю не пожелал, а меня о том даже не спросили. Дождавшись, пока за регистратором закроется дверь, шеф протянул ко мне через стол ладонь:

— Оберег.

А где же «здравствуй, милая», улыбка где, взгляд нежный? Дрожащими руками сняла я с шеи серебряную цепочку с подвеской-буковкой, положила на стол, пробормотала:

— Думала, Эльдар в Крыжовень едет.

— Ошиблась. — Шеф ткнул оберег кончиком пальца, будто дохлого жука. — Он пуст!

— Чего?

— Того, Попович. Когда мы виделись с вами на перроне столичного вокзала, ваша «ять» была заряжена полностью, я специально проверил, теперь же... — Он сжал кулон в ладони, прикрыл глаза. — Будто постоянно чародейские атаки отбивал.

— Не было ничего такого.

— Понятно, — сообщил Крестовский в пространство.

Хорошо ему, мне-то понятно ничего не было. Что за ерунда? Ну ладно, положим, между нами с Семеном Аристарховичем все кончено. Ну, решил он чувства на более достойный предмет направить, бывает. На эту версию «вы» с «Попович» указывают. Но меня-то в известность поставить надобно?

Посмотрев на шефа пытливо, я заметила испарину у него на лбу, видимо, немало сил на Волкова потратить пришлось.

— Григорий Ильич в порядке? — спросила я осторожно.

Ну правильно, отставку мне после дадут, не в приказе же личные дела обсуждать. Сейчас разговор деловой.

— Кто? — распахнул Семен свои сапфировые очи. — Ах, Чарльз Гордон уездного разлива, господин Волков. Разумеется, в порядке, хороводится с великими островными чародеями, в сонных пределах находясь. И дней семь еще там находиться будет.

— Перфектно... — Я запнулась, потому что мое паразитное слово шефа не радовало. — Он хороший парень, Волков этот, и добрый сыскарь, не хотелось бы...

И снова запнулась, подвесив окончание фразы, голос дрожал, реветь хотелось. Экая ты, Крестовский, дрянь. Неужели трудно было со мною как-то мягче порвать? Хотя бы письмом. Чтоб у меня чуточку времени на страдания осталось. Я ведь не железная и сразу про несколько вещей думать не могу.

— Хороший? — Семен протянул мне цепочку. — Ну-ну...

Наши пальцы соприкоснулись, когда я брала с его ладони оберег, привычная искорка пробежала под кожей к локтю. Спокойно, Геля, дыши. Забудь обо всем, отпусти, с самого начала понятно было, что не сладится у вас. Ты женщина современных взглядов, сильная и независимая, а он... Он это он. Твой начальник. И хороший, кстати, начальник, лучший из возможных. Поэтому страдать ты после будешь, в одиночестве. Сейчас честь мундира блюди.

Медленно вернула я цепочку на шею, спрятала ее за воротом, расслабленно опустила руки на колени.

— Думаю, про господина Волкова вам уже приказные все рассказать успели.

Крестовский кивнул, указывая на картонную папку:

— Рассказать и показать.

— Тогда я, с вашего позволения, повторяться не буду. — Голос уже не дрожал, только смотреть я старалась не на собеседника, а чуть в сторону. — Приступлю непосредственно к делу, за которым вы меня в этот город направили. Блохин Степан Фомич, покойный пристав...

Рапорт длился минут двадцать. Подробно изложив все свои предположения и перечислив действия, я двигалась от события к событию. Шеф слушал внимательно, не перебивал, ему, в отличие от меня, записывать для памяти не требовалось.

Закончив, я налила из графина воды в стакан и осушила его до доньшка.

— Понятно...

Я повторила манипуляции. Подождав, пока я отставлю посуду, Семен спросил с фальшивым дружелюбием:

— Стало быть, по факту у нас в приказе находится арестованная ониумщица, обвиняемая в убийстве госпожи Чиковой, и тело супруга последней?

— Именно. Мишкина в этом убийстве призналась, и как только будет возможно продолжить допросы, убийство Блохина...

— А Чиков?

— Что Чиков?

— Его застрелил некий мальчишка по фамилии Степанов из вашего револьвера?

— Да.

Смысл его вопросов от меня ускользал, потому что буквально пару минут назад я это все другими словами уже излагала. Застрелил в целях самообороны, сам о том пока не знает. И никто не знает, кроме меня, Волкова и приказного извозчика, который тело в морг отвез.

Ноздри Семена Аристарховича гневно раздувались, а глаза метали молнии, я даже о страданиях в испуге позабыла.

— То есть... — начал шеф едко, но тут в дверь постучали, и он громко велел: — Войдите!

— Ваше превосходительство, — Давилов посторонился, впуская посетителя, — тут к ее высокоблагородию...

— Евангелина Романовна! — возник на пороге адвокат Хрущ. — Доброго вечерочка.

Цепкий его взгляд метнулся от меня к Семену.

— Невыразимо счастлив лицезреть, так сказать, воочию великого чародея. — Он поклонился. — Наслышан, наслышан. Весь Крыжовень новостями бурлит. Андрон Ипатьевич Хрущ, так сказать, адвокат, к услугам вашего превосходительства.

Крестовский кивнул и посмотрел на меня со значением, я привычно подхватила мяч.

— Присаживайтесь, — предложила гостю, указывая на свободное кресло. — Здравствуйте, драгоценный Андрон Ипатьевич. В каком качестве визитируете? Защитником убийцы или распорядителем похорон?

Посетитель поправил траурную повязку у локтя.

— Поверенным в делах господина Бобруйского, о покраже заявить явился.

— Что похищено? Когда? Кем? — изобразила я деловитость.

Адвокат сел вполоборота к столу, на колени его легла кожаная папка.

— Из конторского сейфа моего клиента деньги пропали. Сто тысяч рублей ассигнациями. Когда, он не знает, с вересня в тот сейф не заглядывали, а нынче... — Он достал из папки стопочку бумаг. — Номера банковских билетов переписаны.

Я посмотрела на стопку. Адвокат продолжал:

— Подозревается в хищении господин Чиков Сергей Павлович.

Крестовский хмыкнул, я похолодела. Только что купец Бобруйский меня переиграл, даже напрягаться не пришлось. О смерти Чикова никто пока не знает, то есть кроме меня, Волкова, приказного извозчика и теперь шефа. Да и узнают, покойник оправдаться не сможет. Номера билетов банковских я, разумеется, сверю, но они сойдутся, к гадалке не ходи. И все, и концы в воду, ниточка, связывающая купца — заказчика убийства с исполнителями оборвалась.

Хрущ поглядывал горделиво, вытягивал шею, будто гриф-падальщик из школьного учебника.

— Пропал наш Сереженька со всеми деньгами. Вы уж, господа хорошие, непременно злодея арестуйте.

Семен встретился со мною глазами и приподнял саркастически брови, я залилась краской стыда. Сейчас пообещаю «всенепременно» и... Делать-то что?!

— Какая удача, Андрон Ипатьевич, — неожиданно сказал Крестовский, — что вы именно сейчас, во время отнюдь уже не присутственное, к нам заглянули.

— Простите? — Хрущ спросил, а я подумала.

— Надеюсь только, — шеф развернул на столешнице носовой платок и стал щедро умащивать его ментоловой мазью из жестянки, — что плотно поужинать вы не успели.

— Простите?..

Тут я мысленным дуэтом с адвокатом не выступала, пропитанный ментолом платок предполагал посещение морга.

— Попрошу вас в опознании поучаствовать. — Крестовский, лучась дружелюбием, поднялся из-за стола. — Евангелина Романовна...

— Могу пока номера банкнот сверить, — предложила я быстро.

Покойников я боялась, шеф об этом прекрасно знал, и в любое другое время от совместного визита к ним воздержаться позволил бы, но не сегодня.

— Не трудитесь, — улыбнулся он с нежностью, от которой у меня чуть волосы дыбом не встали, — использовать чиновницу вашего ранга для столь мелкой конторской работы...

Вздыхнув, я перегнулась через стол и достала из ящика связку ключей.

— Пройдемте, господа.

За конторкой дремал письмоводитель, Давилов же устроился подле арестантской клетки, видимо, наше появление прервало его задушевную беседу с давешними забулдыгами.

— К покойникам, — сообщила я в пространство, и голос предательски дрогнул. — Сопровождать не надо.

Ключи не попадали в замочные скважины, руки мелко дрожали. Семен Аристархович вздыхал при виде моей нерасторопности, отвечал на расспросы адвоката общими фразами, оказавшись в подвальном коридоре, раздул ноздри, будто принохиваясь, похвалил:

— Добротные какие казематы. Вы, Евангелина Романовна, не забывайте каждую дверцу за нами запирать, так в приказе положено.

Злоба, всколыхнувшаяся во мне после этих слов, привела меня в чувство. Поучать он меня еще будет!

— Всенепременно, ваше превосходительство, это запишу, чтоб запомнить крепко-накрепко.

Хлопнула дверью, заперла, холодно указала:

— По коридору прямо. Здесь, извольте видеть, у нас арестантские камеры, а покойницкая — в подподвальном помещении.

— И вы его, Евангелина Романовна, посещали?

— Да как-то времени не нашлось.

— А необходимости?

— Мне, Семен Аристархович, простой берендийской бабе, ваши чародейские подземные бдения чужды.

Хрущ кашлянул.

— Простите великодушно, господа приказные чиновники, но... Еще одного платочка от смрада не найдется?

Крестовский отдал ему свой. А разило действительно даже здесь, меня немедленно замутило от сладковатой вони разложения.

Спустившись в конце коридора по трем каменным ступеням, мы оказались в обширном зале. Потолочные светильники, ожившие при нашем появлении, покрывал слой наледи, разводы инея украшали стены, возле которых стояло около десятка простых дощатых столов. Свет был синеватым, неживым и очень ярким.

— Какое расточительство, — сказал шеф громко, и эхо его голоса пронеслось под низкими сводами, — использовать морозный кристалл в это время года.

Дыхание наше застывало у рта, Хрущ прикрывался платком, но никакой вони здесь не ощущалось, вымерзла, не иначе.

— Итак... — Крестовский быстро прошел к единственному столу, на котором, накрытое простыней, лежало тело, прочие были пусты. — Андрон Ипатьевич, извольте взглянуть.

От холода пальцы мои примерзли к связке ключей, а зубы стучали. Да, от холода, а вовсе не от страха.

Шеф дернул простыню, я прикусила язык. Адвокат вытянул шею. Чиков лежал на спине, вытянув руки вдоль тела, был он в черном костюме и черном же пальто, застегнутом на груди, на голове нечто похожее на колпак, опущенный до самого подбородка. Этот подбородок торчал к потолку подобно ледяному утесу. Семен потянул колпак, открывая лицо покойника.

— Как мы могли заметить, обязательного осмотра тела не проводилось.

— Сережа! — ахнул сдавленно Хрущ и высморкался в ментоловый платок. — Как? Кто? Почему?

Шеф продолжал деловито:

— Исходя из видимых повреждений одежной ткани...

Подбородок-утес дернулся, покойный Сергей Павлович Чиков сел на столе. Я лишилась чувств на секунду позже Андрона Ипатьевича.

Волков сызнова нес меня на руках, привычно даже.

— Гриня-а, — шепнула я сквозь сон, устраивая голову на мужском плече, — напортачили мы с тобою изрядно, по всей строгости отвечать придется. Нельзя было... Но не бойсь, всю вину на себя возьму, потому что чином старше и... Ты только целоваться сейчас не смей, потому...

— Замолчите, Попович, — шефов баритон влажным холодком щекотал скулу, — или я вас на прозекторский стол уложу.

— Чего? — забившись рыбкою, я скользнула на пол, царапаясь о пуговицы шефова сюртука. — Не желаю на прозекторский!

Мы с Крестовским стояли уже в присутственном зале, развлекая арестованных забулдыг и прочую публику. Семен Аристархович скомандовал:

— Давилов, Старунов, рысью в морг! Чикова в свободную камеру, Хрущу помощь оказать, он в обмороке.

— Ч-чикова? — перекрестился регистратор.

— Не спрашивать! — рявкнул шеф. — Исполнять! Всех конвойных сюда! Лекаря! Быстро!

— Девка, — позвали из-за решетки, — а чего здесь деется? Страшно, девка...

Сапоги служивых грохотали по полу, сквозняк ворошил бумаги, я пошатнулась.

Отвлечшись от командования, Крестовский обернулся ко мне.

— За этот кафешантан, Евангелина Романовна, я с вас спрошу по всей строгости. Готовьтесь петлички перешивать.

Гневное лицо начальство увеличивалось, покачивалось отдельно от всего остального, будто нарисованное на воздушном шарике. Петлички?

Семен успел удержать меня от падения. Сцена какая театральная. Девушка без чувств и благородный неклюд... Неклюд? Бесник подмигнул мне с экрана:

— Запуталась, чавэ?

Проектор громко тренькнул, погас, все исчезло.

— ...допрос, Андрон Ипатьевич, будет проведен в свой черед, — говорил шеф негромко, — вашему подопечному так и передайте...

— Немыслимо, — всхлипывал Хрущ, сморкаясь, — невероятно...

— Нервический припадок, — растирал мои руки лекарь Халялин, — обычное дело для барышни. Ну раз к кровопусканиям вы, ваше превосходительство, столь предвзяты, позволю себе откланяться.

Высвободив руки, я натянула плед на лицо; подошвы упирались в подлокотник кабинетного диванчика, я его уже могла определить, зажмурившись и на ощупь. Позорище ты, Попович. Как есть позорище. Два обморока подряд. Судя по звукам, лекарь удалился.

— Однако... — Хрущ чем-то булькал, видимо, прикладываясь к бутылке. — Я вправе узнать о причинах... Немыслимо...

Шеф скрипнул стулом.

— Ничего невероятного, Сергей Павлович Чиков, арестованный нами четверть часа назад по вашему обвинению в краже...

Так-так... Это уже любопытно. Я выдвинула ухо из-под пледа. Семен выдержал паузу и закончил:

— Неклюд!

— Что, простите? — переспросил адвокат, а я вовремя рот себе заткнула. Брежу?

— Сами рассудите, — скрип, вздох, бульк, — узнаваемый фенотип, телесная структура, нечеловеческая регенерация...

— Но... неклюд?

— Нечистокровный. Скорее всего, лишь по отцу, но у полукровок от смешанных браков часто наблюдаются расовые особенности...

— Но позвольте, я был лично знаком с его батюшкой.

— Ах, Андрон Ипатьевич, уж не нам ли, мужчинам, знать, сколь коварны бывают наши спутницы в вопросах телесных.

— Однако...

Бульк... бульк... бульк...

— Приказные работники ошибочно определили господина Чикова покойником и до официального опознания определили его в казенной

мертвецкой. Там он регенерировал, и мы с вами смогли наблюдать результат этого, повергший вас в такой аффект.

— Аффект? Да я чуть богу душу не отдал! Если бы не ваша волшба, Семен Аристархович... Как вспомню, — бульк, — рычание это утробное...

— Побочный эффект звериной ипостаси, — быстро пояснил шеф. — Ступайте, господин Хрущ, нервишки поправьте, о результатах следствия мы непременно вас известим.

— Какое счастье, господин Крестовский, — нетрезво тянул адвокат, — что вы столь вовремя в Крыжовень прибыли. Мужчина, чародей! На барышень... и-ик... надежды мало. Чуть что — в обморок.

Он еще повозился у вешалки, попрощался и наконец ушел.

— Неклюд? — отбросила я плед.

— Почему ты сразу тело не осмотрела? — Семен вернулся к столу и присел на краешек.

— Так полномочий не было и времени.

— И желания?

Смутившись, я покачала головой и вытерла руками мокрые щеки.

— Не сочла необходимым.

— Ты плачешь?

— Ага! — шмыгнула я носом. — От облегчения. Меня труп этот невероятно мучил, потому что Мишка его застрелил, и по закону дело против пацана открывать было надобно, а...

Через кабинет по воздуху поплыл ко мне белоснежный носовой платок, схватив его, я трубно высморкалась.

— Повезло, — сказал шеф. — Покойник ожил, и твой уездный Гаврош убийцей не стал.

— Перфектно. — Скомкав мокрый шелк, я затолкала его за манжету, не возвращать же владельцу. — И теперь Бобруйский от меня никуда не денется, прижму мерзавца с живым-то свидетелем.

— Не факт.

Я удивленно воззрилась на начальство.

— Лекарь что про арестанта говорит?

— Ничего. — Семен устало потер виски. — Буйный у нас арестант, к медицинским осмотрам не приспособленный.

Шефа повело, я едва успела подскочить, чтоб придержать за плечи.

— Чародеить пришлось изрядно, — признался он вполголоса, — не ко времени, три дня силу накапливал, чтоб в одночасье ее спустить.

— Чародеил? — Я подвела начальство к диванчику. — Против неключа? Так ведь серебро только против них... никак не возможно колдовством...

Тяжело опустившись, Крестовский откинулся затылком на спинку дивана.

— Брось, Геля, ну какой из твоего Чикова неключд? Это прочим штатским можно пока глаза замылить.

— погоди! — незаметно перешла я на «ты». — Тогда что он вообще такое? Волков говорил, пуля в грудь вошла, да и по приметам на месте... Люди после таких ран не выживают.

Семен устало прикрыл глаза.

— Нет у меня ответа, пока нет. Поздно уже, домой ступай, выпишь. Ты за неделю измотала себя изрядно, оттого и слабость. Завтра думать будем.

Возражения мои были проигнорированы. Пришлось исполнять. Федор отвез меня на Архиерейскую, где я, от души поревев, забылась усталым сном.

Бесплотным духом парил Григорий Ильич над ночным Крыжовенем, все успевал, все подмечал. Не зрением либо слухом, ибо слов для определения такого процесса даже не изобрели. Город казался ему из туманных пределов огромным гнойным фурункулом, созревшим и готовым лопнуть от малейшего нажатия. Клоака уездная, а в ней ярким огоньком рыжая красавица-сыскарка Евангелина, Геля... Эх, жаль, невозможно сейчас к ней под бочок подкатиться, он бы с превеликим удовольствием, не духом — во плоти утешил бы бедняжку, похвалил. Непросто ей приходится, ох непросто. Не по размерчику шапку надела надворная советница, не сдюжит. Гриня бы помог, он сейчас все знает, все ведает, и нет для него в мире нынче тайн. Да только забудет он при пробуждении всю мудрость, с чародейскими снами именно так все устроено. Проснется и не вспомнит ничего. Далеко внизу, в корявых отвратных домишках жители спали либо полуночидали, Волков слышал их всех одновременно, осязал и

обонял все их мысли, сны, мечтания. Звуки были оранжевыми пузырями, лопающимися на поверхности гнойного варева.

«...жив-то, оказывается, Чиков... — булькнуло бесполом голосом. — На Гаврилу покажет... сыскарка столичная, фифа...»

Гриня расслабленно внимал.

«...поспешать придется... девица романтическая... не в лоб, пусть с загогулиной... чародей новый...»

Про Семена Аристарховича Волков и без голосов знал. Удачно Крестовский подле его тела нынче оказался, силы чародейские направил, Гриню, можно сказать, спас. Только благодарности к нему Григорий Ильич не испытывал. Ревности, впрочем, тоже. Его состояние полное бесчувствие предполагало. Та тень любопытства, что оставалась у него к Геле, уже была удивительна. Семушка... Так вот ты каков, загадочный жених. Хорош. Только ничего у тебя с дамою сердца не сладится, ты знаешь почему, и Гриня знает. Жаль, что потом забудет.

«...не опасно, — пузырились голоса, — сентиментальная барышня... слопает и не поперхнетя...»

Какая скука! Мелкие человеческие делишки.

— Грегори! — разнеслось гулко и тревожно. — Грегори сын Илии, круг Мерлина призывает тебя!

Пауза заканчивалась, и дух мистера Волкава устремился на призыв.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в коей происходит долгое прощание с уездным Крыжовенем

В преступлении, учиненном несколькими лицами без предварительного их на то согласия, признаются...

главными виновными: во-первых, распорядившиеся или управлявшие действиями других; во-вторых, приступившие к действиям прежде других при самом оных начале или же непосредственно совершившие преступление; участниками: во-первых, те, которые непосредственно помогали главным виновным в содеянии преступления; во-вторых, те, которые доставляли средства для содеяния преступления, или же старались устранить препятствия, к тому представлявшиеся.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

Завтрак в доме на Архиерейской улице был ранним, но обильным.

— Ешь, — приговаривала хозяйка, — сил набирайся, они тебе пригодятся.

— Карты подсказали? — слабо улыбнулась я, без аппетита расправляясь с рассыпчатым манником. — Так они у вас не особо правдивы, то в мастях моего короля путаются, то с покойниками в счете.

— Это еще почему?

— Потому. — Я облизала ложку. — Троих посулили, а их два всего, даже один, Сергей Павлович-то живехонек.

— Значит, — смутилась Захария Митрофановна, — значит...

— Ничего!

— А вот мы сейчас посмотрим. — Гадалка раздвинула посуду, освобождая место на столе. — Разложим и поглядим. Сдвигай! Руки сперва оботри.

Воспользовавшись салфеткой, я сняла колоду.

— Ну! — Губешкина ткнула пальцем в картинку. — Сердца и кубки, и король. Это ты, это он, это валет с мечами, только...

— Минуточку, — перебила я, — мечи это пики, а валет ваш в крестах.

— Может, номер?

— А может, вы толкуете наобум?

Посопев в молчании и наградив меня недобрым взглядом, хозяйка вздохнула:

— Молодежь нынче пошла... А покойников все равно трое. Вот, вот и вот. Баба и два мужика, помоложе и постарше. Старший золоченый, видать, купец. Баба служивая при казенной отметине, а последний...

Я налила еще чашку чаю, отпила, поморщилась, и вовсе не от горячего.

— На нем какая отметина?

— Поганая. — Захария смешала карты и собрала их. — И ни словечка больше тебе, привереде, не скажу.

Отставив пустую чашку, я поднялась из-за стола.

— Простите великодушно, не стоило мне в таком тоне с вами беседовать.

— Да ладно, — отмахнулась хозяйка, — дело понятное, сердце твое не на месте, оттого и раздражаешься по пустякам.

— Не на месте.

— Полночи в подушку проревела.

Смутившись, я сделала вид, что рассматриваю слякотный пейзаж за окном.

— И вот что скажу: зря. И кручинишься зря, и думу черную думаешь. Прилетел к тебе сокол твой за сотни верст, это ли не радость?

«Вот нисколечко не радость. Странный прилетел, чужой, строгий. И говорить о том, что меня волнует, не стал. И как работать мне теперь прикажете? Нет, все, довольно. Немедленно все точки над „и“ расставляю, еще до начала присутственного времени. Перехвачу

Крестовского в отеле для беседы личного характера, порву с ним пристойно и, обновленной и строгой, начну с чистого листа. Решено!»

Губешкина за моею спиною продолжала:

— А ты бы, Гелюшка, придумала лучше, как суженому своему чужое обручальное колечко на пальце объяснить.

Быстро повернувшись, я поднесла руку к лицу.

— Колечко? Да это ведь просто фикция. Григорий Ильич его с меня по первой же просьбе снимет, только ото сна пробудится чародейского.

— Так прямо своему и скажи, достоверно получится.

— Это правда!

— И глазами точно так же сверкнуть не забудь, очень красиво получится, оскорбленная подозрениями добродетель. А про шуры-муры свои с «фикцией» кареглазой промолчи.

— Захария Митрофановна!

— Целовались, — загнула хозяйка палец, — люди видели, обнимались, страстными взглядами обменивались, Григорий Ильич тебя невестою в общество ввел.

— Для пользы дела. Это «легенда» у нас сыскарей называется.

— Как ни назови, хоть фикцией, хоть легендой, слухи уже пошли, не остановишь. Превосходительству столичному непременно донесли, не сомневайся, вот он и бесится от ревности, обижает тебя почему зря.

— Глупости! Семен Аристархович и ревность... это... Да они друг друга при встрече не узнают. А злится шеф за дело, потому что я задание не с блеском выполнила, а... без оногo.

Гадалка сокрушенно вздохнула.

— Разберись уже, отдели зерна от плевел. Про задания твои сыскарьские ничего не скажу, не понимаю, а в мужиках поболее сопливых суфразжисток разбираюсь. Семушка твой мужик? Не красней, я риторически спросила. Мужик. Значит, собственник, как все они. Хочешь его успокоить, в любви своей заверь, верность посули.

— Как будто без слов непонятно?

— Тебе понятно, мне понятно, потому что обе бабы, а ему разложи по полочкам, без намеков. Эта порода намеков не понимает.

— Я тоже... Не в смысле — мужчина, а с экивоками не в ладах, — призналась я. — Спасибо, Захария Митрофановна, за науку.

— К нему пойдешь?

— Чтоб до службы переговорить начистоту и прямо.

— Умница, ступай. — Захария помахала мне на прощанье и вернулась к картам.

Березневая оттепель превратила улицу в непролазное чавкающее болото, хорошо я догадалась перед выходом надеть поверх ботильонов калоши, дорога до базарной площади заняла гораздо больше времени, чем обычно. Портье за конторкой отельного вестибюля (Давилов упоминал название «Империал») сокрушенно сообщил, что господин Крестовский в книге приезжих не значится, а господин Мамаев, который, напротив, значится, бронирование свое не подтвердил и в отель вчера не явился. Несолоно хлебавши отправилась я в приказ. Зеленый от недосыпа Старунов бросился мне навстречу.

— Евангелина Романовна, ваше высокоблагородие, его превосходительство...

— В «Империале» не появлялся.

— Так они... — забормотал парень вполголоса, косясь на посетителей у конторки, — ...еще вечер в казематах засели, камеру себе выбрали, четвертую от входа по левой стороне, да и заперлись.

— В камере? — приподняла я скептически брови. — Изнутри?

— То есть наоборот, велели себя на замок закрыть. — Старунов достал из кармана связку ключей. — И строго-настрого приказали, чтоб только барышня Попович, во сколько бы она на службу ни явилась, и никто иной...

— Молодец, — перебила я и отобрала ключи. — Займусь.

Не удивившись несколько поведению начальства — Семен разные подземные штуки обычно для пополнения чародейских сил использовал, — я спустилась в подвал. Воняло не лучше, чем давеча. Любопытно, чем? Вчера думала, что трупом, но труп оказался жив, да и запах шел отнюдь не снизу, застоявшийся он был. После разберусь, даже если придется все камеры по очереди обнюхивать.

Семен спал на голых нарах, подложив под голову свернутый сюртук. Вырез сорочки открывал часть груди, львиная грива стекала волнами с импровизированной подушки, лицо было спокойным и расслабленным. На цыпочках приблизившись, я несколько минут молча на него смотрела. Как он хорош! Такими античные мастера своих богов и героев ваяли. Только те холодные, мраморные, а этот живой и теплый, рыжий еще. Так бы и запустила обе руки в эту копну.

Захотелось провести пальцем по изгибу бровей и повторить то же самое губами.

Спокойно, Геля, дыши. Сначала разговор начистоту, а после...

Уговаривать-то я себя уговаривала, только рыскала глазами по спящему без зазрения совести, будто пытаюсь каждую черточку запомнить, будто насытиться желала.

Устал Семушка бедненький, притомился, чардея. Бледненький такой. Сейчас проснется, кушать захочет, кофе испить. Опомнись, Попович, какое кушать? Сама-то со сна к столу бежишь или в другое место за другою надобностью? Ой! А беседа? То есть сначала отпустить соколика для неотложного, здесь его дожидаться, а потом...

— Хорошие казематы в этом Крыжовене. — Семен энергично потер лицо и открыл глаза. — Глубина, расположение, вдоль жилы земляной фундамент клали, все идеально. Доброе утро.

Не отвечая — дыхание болезненно перехватило, я смотрела на правую руку чародея, безымянный палец которого охватывал ободок золотого обручального кольца. Вчера не заметила или он ночью надел? Крестовский ответа не ждал, он поднялся с нар, потянулся, почти коснувшись пальцами потолка, тряхнул головой.

— Хорошие казематы и расчудесные приятели у нашего уездного Чарльза Гордона. Орден Мерлина. Слыхала?

— Аглицкие чародеи? — сглотнула я горький комок.

— Они самые. — Семен встряхнул, расправляя сюртук, оделся, тщательно застегнул пуговицы. — Тоже мне, сновидцы. Разумеется, кое-кто из наших общих знакомых более моего нынче смог, но...

Сапфировые глаза блеснули веселым торжеством. И в кольце у него сапфир. И у меня. Только... Мамочки, больно-то как...

Что за пауза? Начальство ждет восхищения?

— О! — выдавила я коротенько и выпучила глаза.

— А знаешь, как его прозвище?

— Кого?

— Геля, — протянуло начальство, дразнясь, — где твоя хваленая сыскарская смекалка?

Сжав кулаки с такою силой, что железо ключей впилося в ладонь, я отчеканила:

— Вы, Семен Аристархович, видимо, о господине Волкове упомянуть изволили. Только мне гадости о нем слушать неприятно,

посему дурочкой попыталась прикинуться. Простите великодушно.

Крестовского будто молнией пришибло, он замер, улыбка медленно сползла с лица. Я продолжала чеканить:

— Григорий Ильич Волков — господин исключительных моральных качеств и мой жених, посему попрошу впредь при мне...

Воздуха закончить фразу не хватило.

— Понятно, — сказал шеф противным своим тоном, — не буду, впредь не буду, при вас особенно. Тем паче...

Он двинулся к выходу, обогнув меня, будто мебель, даже отступить не пришлось.

— Тем паче возможности беседовать с вами мне вскорости не представится.

Я семенила следом, оставив дверь пустой камеры приоткрытой. Крестовский продолжал говорить:

— Вечерним поездом, Евангелина Романовна, вы возвращаетесь в столицу нашей империи. Работа ваша в Крыжовене окончена, убийство прежнего пристава раскрыто.

— Минуточку...

— Что? Изволите возражать?

Обычно от гневливых ноток в начальственном голосе мне плохело, но сейчас я их проигнорировала, потянув носом воздух.

— Отчего так пахнет? — Крестовский дернулся, я махнула примирительно рукою. — Нет, шеф, не вами, хотя ванну принять не мешает. И не из покойницкой...

Охотничьей собачонкой побежала я по коридору, задерживаясь у каждой двери.

— А с решением вашим я не спорю нисколько, велели уехать, уеду. Исходя из того, что вам лично пришлось приказ оставить, дела далее здесь не сыскарские предстоят, а вовсе чародейские. — Остановилась у запертой камеры, сдвинула шторку обзорного окошка, в нос шибануло так, что глаза заслезились. — Поэтому в дальнейшем моем присутствии необходимости нет.

— Кто здесь заперт? — Голос прозвучал настолько близко, что я вздрогнула. Семен стоял вплотную, почти касаясь подбородком моего плеча. — У меня еще вчера на квартире нюх отшибло, когда я с этим... исключительно моральным юношей возился.

Я посмотрела в окошко, за ним царила полная темнота, и призналась:

— Не знаю.

— Открывай, посмотрим.

— Почему света нет? — не торопилась я исполнить приказание.

— Магические светильники реагируют на движение.

— А окно? Во всех камерах окошки у потолка.

— Дай ключ.

Согнувшись в три погибели, я прижала связку к животу.

— Сначала служивых кликнем в помощь.

— Ключ! — Сильные мужские руки сомкнулись поверх моих, пальцы Семена скользнули по запястьям.

— Ты потратился давеча, нюх вон даже отшибло.

— Какая неожиданная забота, — горячие ладони оглаживали мою кожу, лаская, — что ж ты ее к жениху не проявляла? Такой... замечательный... ключ.

Подлые приемчики его превосходительство применять изволили, у меня от близости его завсегда слабость, этим он и воспользовался, отобрал связку, отодвинул томную девицу от двери и рявкнул:

— Здесь стоять!

А я бы, например, присела. Прямо на стылый каменный пол.

Открыв камеру, Семен щелкнул пальцами, пуская внутрь летучий огонек. Закрыв руками нос и рот (помогало мало), я вытянула шею.

— Так-так... — Крестовский шагнул за огоньком, под его подошвами скрипнули стеклянные осколки, от движения под потолком зажегся светильник в железной оплетке. — Что за каторжане здесь у нас?

Взгляд мой сперва выхватил лоскут грязной мешковины, занавесивший окно, коричнево-желтые разводы на полу, драный сапог в центре, миски с подсохшей кашей числом три, жестяную кружку. Арестантов оказалось двое. Мужики лежали на нарах у стены и признаков жизни не подавали.

— Покойники? — испугалась я.

Шеф скользнул рукою под бороду ближайшего.

— Пока нет. — Он брезгливо отер ладонь о колено.

— А другой?

Но тот уже, постанывая, пытался сесть, тараща налитые кровью глаза, прохрипел:

— Води-и-ицы...

— Антип? — Я переступила порог, чтоб удостовериться. — Антип Рачков? Извозчик?

— Пи-и-ить... дайте пить, барышня...

— Это те самые разбойники, что навьем амулетом меня пленить пытались, — сообщила я шефу быстро. А мужику сказала: — Потерпи, болезный, сейчас принесу.

Не дожидаясь позволения, побежала я вверх. Старунов, уже закончивший с посетителями, вытянулся во фронт.

— Что ж ты, Иван... — Стекланный графин на конторке оказался полон, я его схватила. — Живодеры вы уездные! Как же так с живыми людьми возможно?

Он молча тарачился на меня.

— Рот закрой! — велела я. — Ведро возьми, да чтоб вода была чистая, в камеру неси.

— Вашбродь...

— Исполнять!

Я побежала обратно. Крестовский чародеил, пальцы его порхали в воздухе, будто пощипывали невидимые струны, вонь разбавилась привычным мятным запахом.

— Быстро обернулась, — похвалил он весело, — я пока увечного пользую, ты целым займись.

Увечного? Отдав графин Антипу, я присмотрелась к его подельнику. Ноздря. Точно, такое его прозвище. Каторжанина из себя изображает беглого, оттого что нос перекорежен.

— Ах! — раздалось с порога, и Старунов упустил на пол ведро, стал мелко креститься, заголосил. — Это что же деется, люди добрые!

От моего шиканья смешался, подхватил ручку ведра (расплескалось там немного), бочком подошел, присел подле на нары Рачкова, зашептал тихонько:

— Не знали мы, не ведали, пристав велел сюда не заходить, лично...

— Еще! — взревел Антип.

— Тише! — придвинула я ведро. — Не мешай.

Разбойник захлюпал, как лошадь на водопое.

— Бумаги-то я уже когда оформил, чтоб этих, значит, по этапу отправлять. Душегубы, трупов на них с десяток, девять точно. — Иван дрожал и жался ко мне, будто искал защиты. — А пристав велел обождать с неделку, а я... а он...

— Обождать... — фыркнул разбойник. — Пристав!

— Старунов, — опустил шеф руки и повернулся к нам, — возьми трех конвойных, увечного в больницу транспортировать надобно.

— Так точно.

Иван убежал, я едва успела подскочить к Семену, чтоб подставить плечо. Тот тяжело оперся на него.

— Зорин бы здесь не в пример лучше пригодился.

«Конечно, лучше, — думала я возмущенно, — потому что его сила на лечение заточена, а ты, не успев поправиться, сызнова тратишься, себя не бережешь».

— Вечно ты, Попович, в неприятности встречаешь.

«Я еще и виновата?»

— И дружбу водишь со всяким отребьем.

«Вот дала бы ироду подзатыльник, да боюсь, не допрыгну».

— Волков! Такой чудесный сыскарь! Эталон добродетели!

Нас попросили подвинуться, в камере стало многолюдно, служивые перекладывали увечного на носилки. Семен прислонился к стене, меня не отпустив, сказал печально:

— Ногу ему отнимать придется, разбойнику этому. Не успею я гангрену купировать, закопали бы с двумя конечностями.

— Что вообще происходит? — пискнула я из-под начальственной подмышки. — Объясни.

— Ты до сих пор не поняла? И этот, — Крестовский кивнул головой на Рачкова, — до твоего возвращения довольно красноречив был. Твой Волков драгоценный на этих мужиках навий артефакт испытывал.

— Чего?

Ноздрю унесли, Старунов замыкал процессию, размахивая пустым графином, в камере остались только мы с Антипом.

— Чего? — передразнил он меня, вращая глазами. — Того! Сказал, людишки вы пропащие, клейма ставить негде, хоть польза от вас какая будет, дудочку из кармана вынул, пузырек еще с

лоскутками... А уж дерется как! Пристав! Как же. Тростью своею так меня отходил, до теперь кровью харкаю!

— Григорий Ильич? — переспросила я жалко.

— В другую камеру меня отведи, в чистую, — попросил шеф.

— погоди! Господин Волков...

— На Ноздрю паразита подсадил. — Твердым нажатием на плечо меня направили к двери. — Этого запри пока, ключ в кармане... Паразит вызрел, покинул тело носителя, изрядно его повредив...

Семен подождал, пока я возилась с замками, и опять определил к себе под мышку.

— Я ведь не подозревала даже... Как так с живыми людьми?

— А он их за людей не держит, — объяснил Крестовский. — А дела свои считает воздаянием благородным. Око за око, зуб за зуб. Но умен, черт, не отнимешь, сообразил, как целый артефакт в человеческой плоти себе вырастить.

— Это не он, а мадам Фараония, чародейка, я рассказывала.

— Собираешься мое высокое мнение о талантах жениха порушить?

Ядовитостью сарказма этой фразы можно было травить клопов целого квартала.

— Уверена, — сказала я строго, — что Григорий Ильич предоставит нам объяснения сразу по пробуждении.

— Мне. Тебе он покаянное письмо напишет.

— Не суть!

— Попович, это на тебя не похоже. Ты чудовищное беззаконие оправдываешь? Может, тебе такое заступничество благородного заграничного джентльмена льстит?

— Думайте, как вам угодно! Только прежде чем обвинять, обе стороны выслушать надобно.

В белоснежные ангельские крылышки господина Волкова верилось мне с трудом, вовсе не верилось. В Грининой это манере, в которой справедливость выше закона может быть поставлена. Но Крестовский столь откровенно надо мною потешался, что согласиться с ним я не могла.

— Ваше превосходительство! — настиг нас Давилов и подхватил шефа под другую руку. — Позвольте помочь.

Мы втащили Крестовского в камеру, где он провел ночь, устроили на нары. Хозяйственный регистратор подложил под рыжую голову подушечку-думку, прихваченную из присутствия. Растянувшись во весь рост, Семен Аристархович принялся командовать:

— У Рачкова прибрать, его накормить, подготовить документы и отправить ближайшим этапом. При другом поставить охрану, после операции направить в уездную тюрьму города Змеевичи, а точнее, в тюремный при ней госпиталь.

«Кто-то, кажется, неплохо к командированию готовился, — подумала я, — местные службы перфектно изучил. И указания разумны. Калек на каторгу не отправляют, так что Ноздря, может, еще Волкову благодарен будет».

— Дальше... — Крестовский огляделся. — Сюда ванну доставить чистую, стул, вешалку, постельное белье. Грех вашими ресурсами разбрасываться, в отеле селиться.

Удивление Давилова ничем не выразалось, он почтительно шевелил губами, повторяя про себя приказы.

— Попович! — Синие глаза остановились на мне. — Немедленно отправляетесь на станцию и приобретаете себе билет первого класса до Мокошь-града. Первого, Евангелина Романовна, а не того, который подкажет вам гнумья прижимистость.

— Так точно! — Отвечая довольно браво, я мысленно вздыхала, прикидывая оставшуюся наличность.

— Билет мне покажете.

— Ладно, то есть так точно.

— А на обратном пути... Нет, погодите, еще багаж собрать надобно, а у меня ни малейшего желания хозяйке вашей представляться нет. Сделаем так. Возьмите извозчика: в кассы, на квартиру, а после, уже с сундуком, в приказ. По дороге, будьте любезны, остановитесь подле цветочной лавки, букет захватите. Исполнять.

Потоптавшись на месте, я осведомилась:

— Какого вида букет желаете? Для дамы либо...

— Траурного! — отмахнулось начальство. — Проследите только, чтоб цветы были живыми, а не штучными. Все. Оба ступайте. Давилов, меня не тревожить ни по какой надобности, пока Евангелина

Романовна не явится пред вами с билетом в одной руке и букетом в другой.

Простившись по уставу, мы с регистратором вышли из камеры.

— Охохонюшки, — бормотал Евсей Харитонович в коридоре, — ну и положеньице, хорошо, догадался подушечку прихватить, Ивашка сказывал, колдует его превосходительство, себя не жалея, вот-вот сомлеет... А жентельмен наш заграничный... охохонюшки... душегубам, конечно, поделом, но...

Старунов вышел нам навстречу, Давилов передал приказания начальства.

— Федор увечного в больницу повез, — сказал мне Иван, — придется обождать.

Прикинув, что ожидание обернется возбужденной беседой на понятную тему, а одиночество лучший клей для починки как разбитых сердец, так и суфразжистских идей, я решила:

— Пешочком справлюсь. А Федора, как появится, на Архиерейскую отправьте, пусть оттуда меня заберет.

На улице окутала меня холодная слякоть, и на душе было слякотно, но вовсе не от погоды. Волков злодей. Это мы как-нибудь переживем. Выскажу все ему в лицо. Немало в Берендии мерзавцев, скажу, даже и чрезмерно еще и из Британий заграничных выписывать. И пусть кольцо свое поганое снимет. Стоп. Как? Когда? По переписке? Ходить тебе теперь, Попович, пожизненно окольцованной. Ну и пусть! Замуж я и без того не собираюсь, тем более когда Семен с другою себя решил связать. Поэтому без разницы, есть на мне кольцо, нет и чье оно вообще. Напоминание мне даже будет, чтоб доверять незнакомцам впредь не смела.

В кассе служащий развел руками.

— Ни единого билетика, барышня, не то что первого класса, даже сидячие все в темные вагоны раскупили. Последний день ярмарки, отбывают наши гости.

— Письменно это изложите, — сказала я, повеселев, — начальству предоставлю.

«Вот, Крестовский, выкуси, не получилось от меня избавиться! Терпи!»

Другой вокзальный работник наклонился к коллеге, у него в петличке торчала зеленая бутоньерка, зашептал что-то, шевеля руками

за конторкой. Я вытянула шею. На столешнице лежал мой фотографический портрет авторства дяди Ливончика. Ох уж эта слава.

Мне улыбнулись, одарили комплиментами, попросили расписаться на карточке, и в момент, когда я заканчивала завиток над финальной «ч», на конторке будто по волшебству появился белоснежный картонный прямоугольник. В империи нашей градация для железнодорожных билетов по цветам установлена. Для третьего класса — зеленые, для второго — розовые, ну а первый, соответственно, белые.

подавив разочарованный вздох, я лучезарно улыбнулась, поблагодарила, рассчиталась, попрощалась и пошла прочь.

Это судьба, Геля. Отпусти.

Губешкина, когда услышала от меня новости, расплакалась.

— Полноте, — обняла я старуху, — все равно мне скоро уезжать надо было.

— Так карты...

«Врут, — подумала я, — и покойников не прибавилось, и прочее не сходится. Повешенный до следующего полудня? Так я назавтра уже далеко буду. Ревность Крестовского? Нет ее, одно глумление высокомерное».

Кое-как утешив хозяйку, я собрала сундук, переделалась в дорожное шерстяное платье.

Единственное досадно, что не успела Чикова допросить и Мишкину повторно. Как они все-таки Блохина на встречу у проклятой усадьбы выманили? Чем? Нужно Семену Аристарховичу напомнить, чтоб уточнил и мне после пересказал. Пока лишь могу предположить, что дело возлюбленной пристава касалось, Нюты Бобруйской. Наверняка один из листочков, которые неклюд углядел, был ее посланием. Девицу как раз на воды везли, она, наверное, попрощаться хотела.

Что еще? Ах, не забыть бы начальству клозетную головоломку передать. Ожидая Степанова, я разложила на столе в гостиной добычу. Ручка стеклянная, цепочка, кисет, листок бумаги. Нет, не знаю, как сложить. Может, это какие-то символические знаки? Ну, к примеру, это металл, это ветер, а кисет... Глупости. Вода в бачке была. Пододвинув к себе наполовину полный стакан, я бросила в него ручку. И что же? Сквозь стаканное стекло на меня посмотрел... круглый... глаз!

Вскрикнув от удивления и испуга, я вытащила диковинку пальцами, побросала все со стола в сумочку, быстро оделась, расцеловала прибежавшую на шум Губешкину, велела Дуняше приказать Федору мой сундук в присутствии доставить, ее тоже чмокнула в щеку и понеслась к шефу, теряя калоши.

— Семен! — ворвалась я в камеру. — Что покажу!

— А постучаться?

Крестовский только закончил принимать ванну, о чем свидетельствовала наполненная водой со льдом вперемешку она, влажные его кудри и полотенце в руках. Мда, несколькими минутами раньше не только бы показала, но и посмотрела.

За мое недолгое отсутствие камеру успели меблировать, она теперь походила на сорочье гнездо, очень уж разномастно обставили, чем под руку подвернулось.

Ни слова не говоря, я вытряхнула на постель содержимое сумочки, схватила из развала стеклянную ручку, зачерпнула стакан воды из ванны, бросила ее туда и протянула шефу.

— Это что?

Глаз моргнул, я развернула стакан другим боком.

— Отдышись и успокойся, — сказал Семен, помахивая полотенцем. — Око это всемогущее, не более чем потешный фокус. Да поставь, не мельтеши.

— Фокус? — Разочарование мое было безмерным. — Там еще в комплекте... Вот.

Подле стакана я положила цепочку, кисет и листок.

— Помнишь, я говорила, где именно в квартире это спрятано было?

Шеф прищурился, хмыкнул.

— Обыкновенный хлам. Бумага в кисете? Из подобной, помнится, ординарец мой чудовищные «козьи ноги» скручивал. Цепочку я тоже объяснить могу простейшим же образом, но мне, извини, лень.

Он тряхнул полотенцем и жестом фокусника накрыл им предметы на столе.

— Крибле, крабле, буме! После приберу. Билет купила?

— Ага, — я кивнула в сторону постели, — в семь вечера отправление.

— Прекрасно. А цветы?

— Сейчас сбегаяю.

— Стоять! — Крестовский прищелкнул пальцами, и кудри его шевельнулись, моментально высохнув. — До вечера от меня ни на шаг.

— Нехорошо получается, — сказала я жалобно, наблюдая, как начальство надевает пальто, — не по-людски, мне попроситься надобно перед отъездом.

Семен достал из жилетного кармашка часы, отщелкнул крышку.

— Успеешь. Сперва по служебным делам съездим.

Мы вышли, я привычно заняла место в полушаге за плечом Крестовского. Местность он явно успел изучить заранее, уверенно пересек площадь, направляясь к цветочной лавчонке. Девушка за прилавком зыркнула на меня без восторга, чародея же одарила такою волною восхищенного обожания, что мне почти захотелось вцепиться ей в волосы.

— Бутоны свежих не желаете?

Семен не желал — ни свежих, ни вялых, ни, избави боже, зеленых под цвет глаз прелестной дамы.

Одарив меня взглядом торжествующим (захотелось уже определенно проредить патлы), она бросилась составлять букет из темно-бордовых гвоздик. Крестовский наблюдал движения ловких девичьих пальцев, расспрашивал, какие чары используют для цветочной торговли, у кого амулеты заказывают да не найдется ли, случайно, семян на пророст. Барышня подхихикивала, отвечала, что семян нет, а подколдовывает сама. Семен выразил счастье от встречи с коллегой. Зубовный мой скрежет слегка маскировали позвякивания развешенных под потолком ветряных колокольчиков. Забавная безделушка, наверное, заграничная. Синие глянцевые бусинки с черными точками. А врет ведь девка, потому что, если это не амулет, то не сойти мне с этого места! Букет передавался с таким расчетом, чтоб коснуться руками.

— Попович, — велело начальство, — рассчитайтесь.

Пришлось доставать наличность. Мстительно не заплатив ни копейки сверх положенного, я спрятала в сумочку почти пустой кошелек и побежала за Крестовским, даже не подумавшим меня обождать. Семен кликнул извозчика, оказавшегося мне незнакомым, велел везти к городскому погосту.

Дорога длилась три четверти часа, почти все время мы молчали. За городом снег еще не сошел, за полозьями оставались жирные грязные полосы. Как только на горизонте показались кладбищенские кресты, Крестовский повернулся ко мне.

— Ничего странного не заметила?

— Ничего, — вздохнула я. — Потому что приворот любовный, который на тебя цветочница нацепила, дело вполне обычное.

— Чем?

— Известно, — я пожала плечами, — ноготки заточены, под ними зелье, оттого девица за перчатку залезть старалась, и потому ты мне велел за букет платить.

— Умница, — улыбнулся шеф и щелчком отправил на дорогу красного клопа, в виде которого я означенный приворот наблюдала. — Не растеряла хватки.

Обернувшись на возницу, я сказала негромко:

— Если я такая умница, может, о деле мне расскажешь?

В синих глазах читалась жалость, не высокомерная, а вовсе виноватая; чтоб скрыть ее, Семен привлек меня к себе и шепнул:

— Не могу...

Я совсем немножко помедлила, прежде чем отстраниться.

— Ну, нет так нет, ваше превосходительство.

Сани остановились у кладбищенской сторожки, поданную для помощи руку я проигнорировала, спрыгнула с саней сама.

— Блохина за оградой...

— Молчи, — махнул Семен букетом. — Ступай за мной.

Извозчик остался ждать, мы обошли сторожку, увязая в сугробах и хрустя наледью, приблизились к торчащему из снега деревянному кресту.

— Здесь, — сказал чародей уверенно и бросил букет вперед, гвоздичные стебли вонзились в наст как ножи. — Эх, Степан...

— К Давилу он является, — наябедничала я без благоговения, — во снах, просит праха не тревожить.

— Неужели? — удивилось начальство. — К Евсею Харитоновичу?

— Губешкину еще страшает, но ее молчаливо.

— А это уже любопытно. — Крестовский посмотрел на могилу. — Только эти двое?

— Может, еще кто удостоен, мне не сказывали.

— Понятно... Пошли.

— В город?

— Рано. Сперва давай по кладбищу прогуляемся.

Романтичного в прогулке не было ровным счетом ничего. Шеф изображал экскурсанта, ходил от памятника к памятнику, читал выбитые на граните либо мраморе эпитафии, шевеля губами, подсчитывал годы жизни усопших. Горожане и после упокоения находились в соответствии прижизненному своему статусу, мещане лежали отдельно от купцов, последние же еще ранжировались по богатству. Позолоты в гильдейском секторе было столько, что в глазах рябило.

— Любопытно, — проговорила я, заметив в отдалении могильщиков за работой, — отчего священника при них нет. Разве на месте отпевать не положено?

— Положено, — согласился Семен. — Прости, если мои прикосновения тебе теперь неприятны, но будь любезна мне плечо свое предложить.

— Чего?

— Слабость, — объяснил он и тяжело оперся на мое плечо.

Я-то спрашивала о другом, о том, отчего вдруг чародей решил, что мне близость его противна, но решила не настаивать. Крестовский едва шел, но повел, несмотря на слабость, не к саням, а через главные ворота, мимо сторожки обратно к могиле Блохина. За время нашего отсутствия гвоздики вымахали в длину локтей на пять, лианно оплели крест и сменили цвет на иссиня-черный.

— Понятно, — вздохнул Семен, и я заметила блеснувшие в его глазах слезы.

Кое-как загрузившись в сани, даже извозчику пришлось подсоблять шефу, мы поехали в город. Крестовский, не скрываясь, плакал, а я сидела тише мыши и сдерживалась, чтоб самой не разреветься. Таким я шефа не видела никогда.

— С возрастом, Попович, — сказал наконец чародей, — нападает на мужчин нездоровая сентиментальность.

— А нельзя в преклонном тридцатилетнем возрасте толику предусмотрительности получить? — хмыкнула я. — Чтоб не скрести

силы по донышку, а в казематах пару дней поспать, прежде чем чардеить направо и налево?

— Посплю, — пообещали мне. — Отправлю тебя в столицу и...

«А присмотрит кто? За тобою и за приказом?» — хотелось спросить, но промолчала. Он все уже решил, в Крыжовене меня видеть не желает. От недоверия либо из необходимости простушку-нечародейку от опасности убережет. После расскажет. И с личными темами я приставать к нему не буду. Не ко времени. В Мокошь-граде расстанемся. Подумаешь, на недельку дольше пострадаю.

Семен уютно дремал на моем плече, и я не отказала себе в удовольствии сунуть нос в его волосы. Мята и ваниль, немножко дубовой коры, чуточку дыма, знакомые все запахи, приятные. Век бы так сидела. За городской заставой я велела извозчику править к богадельне.

— Куда? — переспросил Семен, открыв глаза. — Ах, прощаться.

— Здесь сойду, — предложила я, — а ты в приказ поезжай.

— Даже не надейся от меня избавиться. Было сказано — ни на шаг.

Малышня обступила нас, радостно галдя. Дети в новых нарядных костюмчиках, умытые, причесанные, сытые. Перфектно-то как! Крестовский посмотрел на меня удивленно.

— Геля! — кричал Мишка. — Что за новый фраер?

— Стыдись, отрок Степанов, не фраер, а целое его превосходительство, начальник мой из столицы.

— Чародей? — Костыль сбросил под ноги ворох искорок. — А так может?

Шеф признался, что не может, и блаженненький Митька в утешение отдал ему почти не обгрызенный леденец.

— Евангелина Романовна! — Квашнина помахала с вершины лестницы. — В кабинет проходите.

Одарив бывшую мадам Фараонию быстрым взглядом, Семен вернулся к своему леденцу.

— Одна ступай, я здесь подожду.

Беседа наша с директрисой затянулась почти на час, я рассказала о приказных новостях, она о приютских. Мой скорый отъезд Елизавету Афанасьевну удивил и не обрадовал.

— А Грегори наш воин как же? — спросила она шаловливо. — Так и бросишь страдальца?

Посмотрев на свой перстень, я призналась в том, что Волков с арестантами вытворял.

— И что? — удивилась Квашнина. — Его пассиву обидели, он отомстил. По-мужски это, по-джентльменски. А то, что не по закону, так и...

Поморщившись от запаха жженого сахара (именно так мне квашнинское чародейство пахло), я перебила:

— Господин Волков вовсе не заезжий аглицкий стихоплет, а чиновник.

— Что ж, чиновникам и любить нельзя? — Она вперила в меня взгляд, хмыкнула. — То-то, погляжу, тебя примерный чиновник что болонку дрессирует.

Оберег на моей груди потеплел и завибрировал, директриса отшатнулась в испуге.

— Прости, Гелюшка, дуру старую!

Попрощались мы дружески, поцеловались даже троекратно. Елизавета Афанасьевна пообещала за Гриней присмотреть и посулила нам с ним скорую встречу, так как всенепременно Григорий Ильич оправдаться передо мною способ изыщет.

Я спустилась по главной лестнице, на душе было отчего-то беспокойно. Крестовского обнаружила в углу вестибюля на кожаном диванчике, окруженного уютской ребятней. Митька сидел у него на коленях, сосал конфету и играл чародейской сапфировой серьгой. Встретив мой взгляд, Семен изобразил комическую сокрушенность и весело подмигнул.

— Начальник сказывал, ты прощаться пришла, — подошли ко мне Мишка с Костиком.

— Уезжаю. — Я обняла пацанов по очереди. — Писать буду.

— Рыжий твой тоже обещал, что напишешь. — Мишка всхлипнул. — А Костылю в ноги каких-то стрел пустил.

— Щекотит, — прислушался к себе калека, — и вроде как огнем туда-сюда тилибомкает. Семен Аристархович говорит, у меня каналы силы не туда пошли, оттого ходилки усохли, сказал, тренировать их и чародейски и по-простому.

— Перфектно!

Приближающийся Крестовский дробился в десяток маленьких Семенов сквозь накатившие на меня умильные слезы. Шел он медленно, но не только потому, что приноравливался к шажочкам блаженненького малыша, я видела, что каждый шаг дается чародею с трудом.

Подскочив к Семену, я подставила плечо.

— Устал дяденька, — пропел Митька тоненько, поднял ко рту облизанную палочку, дунул и протянул чародею целехонького леденцового петушка. — На-кась, поправься.

Крестовский угощение взял, присел на корточки и взял мальчишку за плечи.

— Запомни, Дмитрий, никогда так больше не делай.

— Ты кушай, дяденька. Нешто не понял, без тебя так не сдюжу?

Сироты, окружившие нас со всех сторон, настороженно примолкли. Семен поднял на меня абсолютно несчастные глаза, вздохнул, вернулся к Митьке.

— Сделаем так, малыш, дядя чародей сейчас твои силы запечатает... — Он быстро сдернул с мочки серьгу и приложил ее к детскому уху. — Не бойся, это на время.

— Леденчик кушай! — хихикнул пацан, сапфир блеснул от движения.

Крестовский засунул в рот петушка, щеки раздулись помышинному, повторил манипуляции со второй серьгой, сплюнул на мрамор пола чистую палочку и щелкнул пальцами. Сапфиры побледнели и растаяли.

Пружинно поднявшись, чародей обратился ко мне:

— Можем идти.

С четверть часа еще я целовалась и тискалась с ребяташками, всплакнула даже. А на улице спросила:

— Митька тебе с леденцом сил передал?

— Редкий дар у ребенка, можно сказать, исключительный. Поэтому... — Семен вдохнул холодную влагу полной грудью. — Не важно. Слушай, Попович, а не закусить ли нам с тобою на дорожку?

— Если платишь ты.

— Совсем поиздержалась?

— На букетах в основном.

— Ладно, веди, показывай, где тут столичных сыскарей покормят вкусно.

Ресторацию я выбрала с расчетом, чтоб пройти мимо «Фотографического храма искусств» господина Ливончика.

— Соломон! — помахала, глядя в витрину. — Выйди на минутку.

— Геля! — Ливончик выглянул, скрылся в салоне, вернулся с двумя большими конвертами. — Твой портрет, за который уплачено, и другой такой же жениху, господин Волков просил не раскрашивать.

Крестовский гному поклонился и стал рассматривать мой раскрашенный витринный лик, сверяя его с оригиналом. Ни то ни другое ему не нравилось.

Я принялась многословно, по-гнумскому обычаю, прощаться.

— погоди! — Ливончик схватил меня за шею, заставляя пригнуться. — Как поедешь... — Он бросил быстрый взгляд на Семена. — До Змеевичей ни с кем в разговоры не вступай и ни боже мой ни от кого угощения не бери.

— Чего? — протянула я удивленно.

— Я все сказал. — Гнум чмокнул меня в щеку. — Маменьке поклоны и все в таком роде.

И он ушел, звякнув дверными колокольчиками. Крестовский на них задумчиво посмотрел.

— Хороший амулет и полный. Надеюсь, этот сопливый малышонок не менее мои сапфиры зарядит. Попович, рот закрой, я голоден.

Я ничего не понимала, вообще ничего. И тон у шефа был таким показательно противным, и слова немилосердные. Что он, что Гриня — два сапога пара. Нет, бежать! Прочь, в столицу, к любезным товарищам, к привычной службе! Стоп, Геля, подумай. Ладно, Волкова ты знаешь мало, но уж Семушку своего изучить успела, даже со скидкой на твою кошачью в него влюбленность. Подлости в нем нет, а вот хитрости изрядно. Не болтай, вопросов не задавай. Так надо.

В ресторации шеф выбрал столик у окна, сделал заказ, всесторонне и основательно обсудив его с официантом, и, ожидая подачи блюд, рассеянно на меня воззрился.

— Евангелина Романовна...

— Семен Аристархович, — отозвалась я тем же тоном, откладывая горбушку.

— О делах наших скорбных побеседуем?

— С превеликим удовольствием. — Хорохорилась я перфектно, и голос не дрожал, и глаза не влажнели. — Приступайте.

Я подозревала, что сейчас мне дадут отставку, и вовсе не служебную.

Крестовский отвел взгляд.

— Зла на тебя не держу, ты барышня молоденькая, неопытная, оттого ветрена...

Тут халдей принялся накрывать на стол, и чего там у меня дальше с качествами не ладилось, расслышать не удалось. На поверхности супа плавало блестящее пятно жира, меня замутило. Крестовский, продолжая говорить, расправил на коленях салфетку, взял ложку.

— ...более молодого соперника... — Он попробовал суп, остался доволен. — ...собой приятного, воспитанного и...

Есть не хотелось, я отодвинула тарелку.

— А то, что ты от Григория Ильича нынче уедешь, к лучшему. Ежели чувства ваши крепки, разлука их лишь укрепит. — Крестовский покончил с первым, кивнул подавать горячее. — Это я тебе с ответственностью, подкрепленной опытом, заявляю.

— Какая удача, — пробормотала я, — что смогла я получить совет от пожилого товарища.

Шеф крикнул и насупился, я принялась выписывать на скатерти столовым ножом вензельную букву «Г».

— И какое невыразимое счастье, ваше превосходительство, что вы, с вашей мудростью, мое новое положение молниеносно уяснили и разложили все по полочкам. Господин Волков, он... Я только его увидела, поняла: вот оно, настоящее, а что прежде бывало, не более чем увлечения. — Я рисовала сердца и стрелы, крахмальный лен под ножом уже стал лохматиться. — Любовь, страсть, единение душ. Мы с Григорием Ильичом идеальную пару составили.

— Да уж наслышан.

— Потому что от людей не скроешь, — отложив нож, я жалобно посмотрела на начальство. — Одно печалит, Семен Аристархович. Вы-то теперь как? Только представлю ваше одиночество, сердце щемит.

Крестовский изобразил лицом приличную грусть.

— Да уж как-нибудь.

— Отыщется какая-нибудь разбитная вдовушка, по возрасту вам подходящая, чтоб... — умильно сложила я руки перед грудью. — Чтоб доживание ваше скрасить?

Мы с собеседником дружно посмотрели на его кольцо.

— Добрая моя, славная девочка! — Крестовский взял меня за руку, наши с ним сапфиры оказались рядышком, мой выигрывал как чистотою, так и по размеру. — Не думай обо мне, следуй за сердцем.

Эх, жаль, расплакаться не получалось, а то бы оросила слезами наши соединенные руки. Шут балаганный! Дай только возможность, такой скандал закачу, с битием посуды и ором вселенским. Ты только справишься, Семка, живым и здоровым ко мне вернись.

Закончив с расставанием, мы приступили к горячему, беседуя о невинных столичных новостях, как то: театральные новинки и предстоящие масленичные гуляния.

Душа моя пела, отставка оказалась вовсе понарошечной, для виду, иначе вины за нее Семен на меня не взвалил бы. Кому именно представление предназначалось, я не знала, но и это меня не тревожило. Шеф взрослый, опытный, в нем я уверена. Мешать не буду.

Отдав должное десерту, мы вышли из ресторации. В потемневшем небе грохотали, рассыпаясь, искры фейерверков. Последний день ярмарки подошел к концу. Сани ждали у приказного крыльца, Федор проверял багажные крепления. Мне даже внутрь заходить не пришлось, служивые вышли во двор попрощаться. На сей раз обошлось без объятий и поцелуев.

— Убедиться, что ее высокоблагородие со всеми удобствами разместились, — приказывал шеф вознице, — и отправления дождаться.

Федор обещал.

Мы сели в сани; когда они тронулись, я, не удержавшись, обернулась. Группка мужчин в мундирах у крыльца окружала высоченного чародея, как стая воронов-падальщиков.

Семен десяток раз успел пожалеть, что лично не посадил Гелю в вагон. Приказной Степанов все не возвращался, хотя время приближалось к половине восьмого. Крестовский ждал в кабинете. Попович умница, проблем быть не должно. Она все поняла и приняла, игру поддержала. Даже если с ее стороны это и не игра вовсе и рыжая

суффражистка влюбилась в заграничного хлыща Волкова, пусть. Главное, чтоб она сейчас уехала. Живой, здоровой, в своем уме. Ее отпустят, она им не нужна, ни сыскаркою, ни рычагом воздействия на столичного чародея.

В дверь постучали, и Крестовский оторвал взгляд от настенных часов. Отставной гренадир Федор отрапортовал, что чиновная барышня в вагон села, он багаж где положено разместил, поезд отправился с десятиминутною задержкой. Семен подчиненного похвалил, поднялся из-за стола. Теперь можно было и запереться в чудесном подземном каземате до рассвета. Один, он совсем один.

— Ваше превосходительство! — Давилов вбежал в присутствие, когда Крестовский уже пересекал общую залу. — Там Григорий Ильич сызнова...

Пришлось подниматься в казенку, осматривать спящего. Дело того не стоило, насколько уразумел чародей, конвульсивные телодвижения Григория Ильича происходили оттого, что именно в этот момент он в своих туманных пределах астральную проекцию артефакта испытывал, фехтовал тростью, может, даже против кого-то наколдованного сражался. Успокоив коллежского регистратора, Крестовский уже собирался покинуть спальню, но был остановлен громогласным женским воплем.

— Гриня-а-а-а! — Барышня Попович пронеслась к постели, сбрасывая на пол шубку, рухнула на колени, заломив руки. — Не могу, ваше превосходительство, возлюбленного своего покинуть! Сердце не велит! Что хотите со мною делайте! Хоть чина лишайте, хоть под арест, хоть...

Она поправила на носике очки и сказала спокойно:

— Слыхали новости? Бобруйского-то нашего, Гаврилу Степановича...

Волков застонал, зашарил рукою по одеялу, Евангелина Романовна взяла его ладонь, крепко сжала.

— Гришенька, сокол мой ясный...

— Что с купцом? — обреченно спросил Семен.

Попович всхлипнула, подняла на него сухие злые глаза.

— Убили барина, королька нашего золоченого. Вы, Евсей Харитонович, — обратилась она к Давилону, — в приказ ступайте, там

господин Хрущ в нервическом припадке бьется, заявление представляет.

— Какого... — начал Крестовский, когда регистратор ушел.

— Такого, — перебила Евангелина Романовна. — Эдакого. Знаю я ваше мужское злонравие, я в дверь, а прочие отставные возлюбленные Гриню моего портить. Не так, что ли? Едва успела.

— Геля!

— Что — Геля? Скажете, не чардеили? То-то мятою на дворе даже смердит! Нет уж, ваше превосходительство, останусь я при возлюбленном своем, и ничего вы мне не сделаете. А знаете почему?

— Почему?

Попович поднялась, вытерла руку о подол.

— Кроме меня, непослушной, убийство Бобруйского у вас расследовать некому. Потому петлички с меня рвать вы погодите, сперва службу исполнить позвольте. А в свободное от службы время я с Грегори своего драгоценного глаз не спущу. После, когда он ото сна пробудится, мы с ним вместе решим, в каком качестве я при нем в Крыжовене останусь, любезною супругой вовсе без чина, либо... Впрочем, вашего превосходительства это уже касаться не будет.

В голове Семена Аристарховича стало пусто и гулко, он шумно дышал, не в силах подобрать приличных слов. Наконец выдавил:

— Расследование?

— Поделим полномочия, — кивнула сыскарка. — Я займусь купцом, вы окончите старинное дело вашего Блохина.

Они помолчали. Вернувшийся Давилов многозначительно кашлянул у порога.

— Евсей Харитонович, — Геля развела руки, будто готовясь заключить коллежского регистратора в объятия, — коечку мне здесь организуйте, не в службу, а в дружбу. Репутация моя девичья вовсе порушена, посему скрываться более не желаю. Распорядитесь. Хрущ ждет? Тогда я с ним к Бобруйским отправлюсь, тело осмотреть. Вас же, господин Крестовский, более задерживать не смею, подземелья вас, кажется, заждались.

Семен витиевато, но неслышно ругнулся.

Зеленые глаза сыскарки дрогнули, ручка поднялась к мочке правого уха.

— Стыдитесь, ваше превосходительство, при дамах...

Крестовский заметил в девичьем ушке белоснежный продолговатый предмет, сказал одними губами:

— Ты уверена?

Геля улыбнулась и решительно кивнула.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в коей раскрываются причины возвращения надворной советницы, а также немало места отводится дамской обуви

*Определяемые законом наказания уголовные
суть следующие:*

*— лишение всех прав состояния и смертная
казнь;*

*— лишение всех прав состояния и ссылка в
каторжные работы;*

*— лишение всех прав состояния и ссылка на
поселение в Сибирь;*

*...Виды смертной казни определяются судом в
приговоре его.*

*Уложение о наказаниях уголовных и
исправительных, 1845*

Неспокойно было на сердце, вроде же все ладно сделала, правильно, по закону и по уму, а все равно удовольствия не ощущала. Федор втащил мой сундук в вагон, задвинул на багажную полку, отдал честь и вышел на перрон дожидаться отправления поезда под вокзальным фонарем. Попутчиков пока не появилось, я сидела в душноватом купе в одиночестве и пыталась ни о чем не думать. Три дня дороги мне время для раздумий предоставят с избытком. Однако что меня гложет? Привычно разделим переживания на две неравные части: личную и служебную. Личная... Ты, Геля, ветреница. Будучи влюбленной в Семена Аристарховича, ухаживания господина Волкова принимала, целовалась с ним даже не единожды, то есть поцелуям не противилась, но все равно считается. И от того неловко себя

чувствуешь, потому что Семушке в измене не призналась. Времени не нашлось? Ну да, да, ни минуточки.

Печально вздохнув, я прижала ладони к горячим щекам.

Не ложь, но умолчание. Исправлюсь. Что еще? Кольцо на руке Крестовского? Ну да. Ревнуешь? И это тоже. Ну так прекрати. Ты не барышня сентиментальная, чтобы по косвенным признакам ужасы надумывать.

С личным пока все. Что до дел сыскарьских, после подумаю.

Отправление задерживалось, я рассеянно порылась в сумочке, достала очки с чародейскими стеклами, зачем-то их нацепила. Над дверью купе мерцала рунная вязь, то ли от клопов, то ли от сквозняка, больше ничего чародейского не наблюдалось. Прижавшись лицом к оконному стеклу, я стала глядеть наружу. Федор дежурил у фонаря, рядом стоял какой-то провожающий господин в темном цилиндре и в пальто с меховым воротником. Губы господина шевелились. Забавно. С кем он говорит?

Скользнув рукою в сумочку, я достала «жужу», свой полезный амулетик. Все развлечение.

— ...в окно смотрит... — перевела «жужа». — Младший чин сопровождает... а чародей не стал...

Он обо мне?

Прищурившись, я рассмотрела на галстук мужчины массивную металлическую булавку явно чародейского вида.

— ...не уйдет, пусть поезд тронется... убедится, что рыжая в нем уехала... в Змеевичах возьмем на вокзале... да, наши люди...

Ветер за окном раскачивал фонарь, тени металась по лицу говорившего, всего расслышать не удавалось.

По дороге меня снимут с поезда. Крестовский об этом не узнает. Зачем? Кто?

— Ну наконец, — сказал объект подошедшему, которого я опознала.

Герочка, смазливый спутник бандерши Мишкиной на приеме у купца Бобруйского. Он, помнится, мечтал меня в публичный дом пристроить.

Мы встретились взглядами, Герочка раскланялся, я после паузы, будто припоминая знакомство, ему кивнула.

— Хороша, — сказал молодчик, — и на фотографических карточках даже лучше. Ты уж попроси барина по первости шкурку ей не портить, я сначала портретиков наделаю особых для ценителей, ну ты знаешь... ха-ха-ха... стиль ню по-французски называется. И в приказ комплектик отправим, мы люди нежадные. Что скажешь, Федор?

Мои руки, поправляющие складки вагонных штор замерли. Герочка обращался вовсе не к господину в цилиндре. Ему ответил Степанов:

— Тьфу, нелюди вы, а не люди! Девка-то ни при чем. Отпустили бы ее, чародей вам на блюдечке...

Из застекольной дали донесся до меня пронзительный свист, вагонные начинали закрывать двери, мы отправлялись. Юный жиголо исчез из зоны видимости, Федор помахал, прощаясь.

— Крыса ты, Степанов! — помахала я в ответ с широкой улыбкой. — Чародей вам на блюде? Да он вам это блюдо в такие неизведанные глубины засунет, и неприлично даже представить, через какие отверстия.

Поезд тронулся, я опустила руки, резко развернувшись к купейной двери.

— Какая приятная неожиданность, Евангелина Романовна, — провозгласил Герочка с поклоном, быстро запирая за собою дверь. — Мы, оказывается, с вами попутчики. Не имел чести быть вам представленным, корнет...

Его правая рука скользнула в карман, я свои раскинула в стороны, опираясь ладонями о выступы багажных полок, и, выбросив вперед согнутые ноги, ударила корнета в голову. Что-то хрустнуло, предположительно нос, тело попутчика глухо стукнулось о дверь. Он стал медленно сползать, повизгивая и прижимая к лицу ладони, сквозь пальцы пузырилась кровь, а на подбородок из руки спускалась блестящая зеленая змейка. Знакомая штука — навий артефакт подчинения, так вот каким образом меня с поезда снимать собирались. Змейка обхватывает человеческую конечность, и человек этот будет делать все, что ему владелец второй части амулета, факирской дудочки, велит.

— Будешь дергаться, — проговорила я ласково, наступив ему каблуком на голень всем весом, — мужские причиндалы твои

раздавлю, сможешь перфектным фальцетом на помощь звать.

Ответ прозвучал невнятно, с кровавыми пузырями.

— Дудку давай!

Глаза Герочки налились ужасом, он сызнава булькнул и попытался меня столкнуть, и ему бы это удалось, останься я балансировать на живой ступеньке, но я, поймав ритм его движения, качнулась в сторону, дернув одновременно с багажной полки сундук. Тот упал, я отпрыгнуть успела, корнет взвыл, деревянный бок намертво прихлопнул к полу обе его ноги.

«Экая ты, Попович, живодерка, — подумала я бесчувственно, — на сундук еще сядь для пушного эффекта, чтоб эта гнида все-таки ухитрилась на тебя навий артефакт набросить».

В дверь требовательно постучали, вагонный осведомлялся, все ли у пассажиров в порядке.

— Не тревожьтесь, любезный, — хохотнула я, — милые бранятся, только тешатся.

Герочка застонал, я присоединилась с картинною женской страстью:

— О да, милый, еще!

Поезд шел тихо, не набрав полной скорости, удаляющиеся шаги вагонного были отчетливо слышны.

— Дудку! — скомандовала я. — Да не протягивай, дураков нет к тебе наклоняться, к окну брось... Хороший мальчик.

Я подняла дудочку, засунула ее в сумку, последнюю набросив на запястье, достала револьвер, солидно щелкнув затвором.

— Времени нет. Поэтому... — Я с усилием столкнула сундук. — Поднимайся, садись в кресло. Знаю, что больно. Потерпи. Кто тебя послал?

— Не могу, барышня, не могу! — хрипел Гера. — Заклятие на мне, язык откушу прежде...

Он заполз боком на сиденье, марая атласную обивку кровью и соплями, ожившая змейка жадно тыкалась пастью в эти разводы.

— Только ему не вы нужны, а чародей настоящий...

Не слушая дальше, я сдернула шубу и выскочила из купе. Допрос требовал времени, а его не было абсолютно. Семен там один в окружении крыс, и вскорости его потащат на потеху крысиному королю. Барин! А кто у нас барин? Разумеется, Бобруйский. Или нет?

Вагонного я снесла на бегу, дернула ручку стоп-крана, поезд затормозил, меня тряхнуло, сбило с ног. Приземлившись на охнувшего вагонного, я сказала:

— Темпераментами с попутчиком не сошлись, сойти желаю. Шуба, очки, сумка, револьвер. Благодарствую, сама справлюсь. Дверцу отворите. Ага. Без подножки. Так.

Спрыгнув в еще по-зимнему нарядный сугроб, я успела заметить, что служитель перекрестился, прежде чем сызнава захлопнуть дверь.

Обратно в город я шла вдоль рельсов, а когда поезд в Мокошьград тронулся и освободил пути, по добротным тесаным шпалам. Следующая остановка в Змеевичах, несколько часов форы у меня есть.

Погнутые в баталиях очки сидели на переносице криво, но верная «жужа» бесполезным камешком оставалась все еще в моем ухе. Обошлось без потерь. Сундук? Ну и леший с ним, пусть хоть корнет злосчастный в мои подштанники сморкается.

Шпалы мелькали, дыхание выровнялось, я шагала.

А не глупость ли ты сейчас, Попович, творишь? Могла ведь с покалеченным до уездной столицы доехать, артефакта его лишить, на остановке вытолкнуть Герочку из купе, запереться, остановку переждать. И Крестовского без единого верного человека оставить? Ну уж нет, и любовь моя тут ни при чем. Мы с Семеном товарищи по мундиру и по оружию, именно коллегой и другом я к нему возвращаюсь.

Итак, кругом враги, ни слова в простоте сказать невозможно. Крестовский об этом знает, потому игры с задушевными разговорами устраивал. Повод мне привести придется фальшивый. Прости, Гриня, придется тебе при мне, страстно влюбленной, роль спящего принца исполнять. Будет тебе месть за ту ночь, на своей шкуре испытаешь, как это использованным быть.

Остановившись на дорожной развилке, я злодейски расхохоталась. Так-то!

Рельсы с этого места поворачивали вправо, оттуда под ритмичное поскрипывание приближался ко мне красноватый свет фонаря. Немного обождав, я увидела дрезину и невысокую, явно гнумью фигуру седока.

— Ой вей! — подпрыгнула я, размахивая руками. — До станции подбросите, дяденька?

— Ты, что ли, племянница Ливончика будешь? — остановился гнум.

Он сказал это не по-берендийски, но я поняла и кивнула.

— Буду.

Гнум Соломона обозвал по-гнумьи не обидно, потеснился на узкой лавочке.

— Садись, домчу в лучшем виде.

И домчал менее чем за четверть часа, и от рубля за услугу отказался. Я не настаивала, мое дело было предложить, так положено. По дороге мы успели дружески поболтать. Результаты беседы я до времени отложила в памяти, любопытное там было, но пока не ко времени. Перрон был уже безлюден, а у главного входа обнаружился беспассажирный извозчик. Перфектно.

Приказные двери, распахнутые настежь, собрали небольшую толпу зевак.

— Бобруйский-то, — донеслось из толпы, — ухайдокали упырину, светлая память, ни дна ему ни покрышки, земля пухом. Дочка теперь власть возьмет. Не, не дурнушка, пухлая которая, еще дед Калачев на нее миллионы переписал.

Я подпрыгнула, заглядывая поверх голов. Адвокат Хрущ заламывал руки, стоя перед конторкой.

— Актерка, сказывают, порешила. Он же актерок себе из столиц пачками выписывал...

— Непотребства еще с ними творил.

— Не без того...

Я подошла к будочке городского, тот, узнав меня, отдал честь.

— Начальство на казенки побежало.

Кивнув в благодарность, я обошла зевак и юркнула под арку. Семен, кажется, собирался уже уходить, но пришлось задержаться. Исполняя страстное представление, я не забывала осматривать публику на предмет чародейских амулетов и эманаций. Плотное колдовское облако стояло над спящим Гриней, в нем, в облаке, просматривалась проекция трости-артефакта, трость, так сказать, во плоти, лежала вдоль тела на постели, навершие ее проворачивалось из стороны в сторону без ритма.

Семен казался потеряннным, синие глаза потускнели, он сжимал челюсти, желваки под кожей напряглись, ругательства, пробубненные

мне в ухо «жужей», оказались столь чудовищными, что я смутилась. Может, примерещилось?

— Стыдитесь, ваше превосходительство, при дамах...

Прямой как стрела взгляд Семена, его губы пришли в движение, а «жужа» пробасила:

— Ты уверена?

Я кивнула.

— Понятия не имею, Евангелина Романовна, — протянул чародей глумливо, — какие именно мои слова...

Повешенную паузу заполнила «жужа»:

— Не здесь... со мной... неотлучно... придумай...

Потянув картинно носом, я поморщилась.

— Все-то у вас, ваше превосходительство, не по-людски, а, напротив, по-чародейски. Сызнова магичите?

— И в мыслях не имел!

Изобразив недоверие, обратила взгляд к Давилкову, тот растерянно пожал плечами. Я посмотрела на Гриню, всхлипнула, вздохнула:

— Евсей Харитонович, кровать мне походную, пожалуй, в казематах установите, в тех апартаментах, что для себя господин Крестовский облюбовал. Потому как зловредные колдунства проще у источника оных пресекать, означенный источник неустанно контролируя.

— Перфектно, — сказала «жужа».

Мои брови удивленно поползли вверх. Начальство мои паразитные слова использует? Приятно. От приятности этой я даже слегка покраснела, только румянец мой с цветом лица коллежского регистратора Давилова ни в какое сравнение не шел. Я даже подумала, ни апоплексия ли нежданная со служивым приключилась. Но обошлось. Евсей Харитонович утер рукавом глаза и промолвил умильно:

— Какое самопожертвование вы, ваше высокоблагородие, в любви выказываете. Ради господина Волкова на огромные жертвы согласны. Вот она, женщина наша берендийская, ни людей не устрашится, ни молвы, ни чародейства опасного.

Сокрушенный этими моими качествами, Крестовский пробормотал:

— Надеюсь, после пробуждения вашего жениха, Попович, от вашего общества я буду избавлен.

— Уж будьте уверены. — Гордо подняв подбородок, я пошла к выходу, уже у порога запоздало послав спящему красавцу воздушный поцелуй. — Следуйте за мною, ваше превосходительство, у нас труп, возможно, убийство.

Никогда еще на вторых ролях при мне не было столь солидного и чиновного господина. Семен помощника отыгрывал с несколько преувеличенной, на мой вкус, покорностью. Шел в полушаге за плечом, принаравливаясь, оттеснял зевак, а когда очутились мы в присутственной зале, сдернул со стола папочку-планшет с карандашиком, чтоб лично вести протокол. Это вовсе оказалось лишним, нужный формуляр уже заполнил Старунов, он же отпаивал сейчас лежащего на кресле адвоката.

— Ваше превосходительство! — Хрущ взболтнул в воздухе ногами. — Уж будьте...

— Андрон Ипатьевич, голубчик, — шеф полюбовался формуляром, — что ж вы так убиваетесь, вы же так...

Я подумала, он скажет «не убьетесь», но Семен ласково подул на чернильные строчки и заканчивать не стал.

Пришлось говорить мне:

— Это дело под моим началом, господин Хрущ. Не возражать! Мы с Семеном Аристарховичем напарники, у нас принято ролями время от времени меняться для лучшего службы несения.

Крестовский новоизобретенному обычаю не удивился, кивнул:

— Именно так. Посему, голубчик, в терем Бобруйских ступайте, передайте вдове и сироткам наши искренние соболезнования. Да велите строго-настрого тела не трогать и никого из дома не выпускать.

— А когда...

— Завтра, голубчик, все завтра. — Семен зевнул. — Мы, приказные чиновники, тоже люди, а не болваны железные, нам отдых требуется. У вас же, — он ткнул пальцем в протокол, — злодейство обычное, и преступник даже схвачен. Утром, на свежую голову... Хотя, ежели надворная советница желает немедленно осмотр произвести, возражать не буду. Но без меня, господа, простите.

Крестовский пошевелил в воздухе пальцами, я картинно принялась, глядя со значением на Давилова.

— Воздержусь.

Выпроваживали адвоката толпою. Он возражал, лез драться, плакал, а после, уже за порогом, затянул печальную протяжную песню.

— Водкой я его лечил, — признался Старунов, — вот и развезло. Вы, ваше высокоблагородие, водочный дух унюхали?

— Евангелина Романовна, — объяснил Семен дружелюбно, — носом чародейства осязает. Такой бесценный талант. А что там с кроватью? Ложе с посторонней мне барышней я делить не намерен.

Зевок он прикрыл ладонью, кольцо его блеснуло, я подняла руку с ответным блеском.

— И не мечтайте даже, ваше превосходительство, при моем женихе...

Давилов возбужденно шептал на ухо Ивану, объясняя непростую ситуацию. Я посмотрела на Семена.

— Молодец, — сказала «жужа», — до камеры продержись.

И сразу после, дуэтом с баритоном Крестовского:

— Позвольте ручку, барышня Попович, перстень ваш обручальный посмотреть.

Ладонь мою взяли, потискали, провели большим пальцем по жилке на запястье... От ласки я обычно расслабленно млела, поэтому поспешила отдернуть руку.

— Полюбовались?

— Это гербовый перстень.

— Знаю.

Подчиненные удалились тихонько, вскоре за стеной послышался шум передвигаемой мебели.

— Ты ранена? — сказала «жужа». — Если да, кивни.

Я отрицательно покачала головой.

— Григорий Ильич аристократ...

— Кровь твоя? На подоле.

Опять покачала головой.

— ...древнего боярского рода.

— Великолепная партия для Вольской бесприданницы, — присоединился Крестовский.

— Не завидуйте, будет и вам пара по уму и сердцу. — Кольцо его покоя мне не давало, поэтому добавила: — Или — ах! — нашлась богатая вдовушка столичному чиновнику под стать?

Давилов со Старуновым протащили через залу какие-то палки.

— Геля... — Артефактик интонаций не предавал, так что вполне может быть, «Геля» было с вопросом. — Ты ревнуешь...

Я кивнула и встретила восторг в сапфировых глазах чародея.

— Девочка... Любимая...

Как же мне в этот момент стало стыдно. Он верен мне, Семушка мой львиногривый, а я... Эх, я!

В камеру нас с Крестовским сопровождали, как какую-нибудь королевскую чету в первую брачную ночь, коллежский регистратор с письмоводителем. Семен пропустил меня вперед, пожелал служивым сладких снов, закрыл дверь, задвинул в пазы новый внутренний засов и, обернувшись ко мне с улыбкой, протянул раскрытую ладонь.

Положив в нее «жужу», я отшатнулась от объятий, попятилась, дождалась, пока чародей приладит себе артефакт и четко проартикулировала:

— Ты прежде знать должен. Волков... я с ним целовалась... и ночь провела даже... и... прости...

— Располагайтесь, Евангелина Романовна, — сказал Семен с абсолютно каменным лицом, толкнул меня к постели, сел рядом и, повернувшись вполоборота, вернул «жужу» мне.

— Почему кровь? С кем ты сражалась?

Артефакт сызнава сменил носителя. Так мы и говорили, в полной тишине обмениваясь «жужей». Я рассказала о подсмотренном на перроне разговоре, о крысе-Федоре, о покалеченном мною корнете, показала дудочку. Он похвалил, сказал, что весь город напичкан какими-то следящими артефактами, природу которых он до конца не понял, но она явно не человеческая, а навья.

— Нас могут видеть? — испугалась я.

— Здесь — нет. — Семен кивнул на стол. — Всевидящее око. Блохин прекрасно этот фокус использовать придумал. Слышать могут, кажется, везде.

— Это плохо.

— Ну давай теперь над этим сокрушаться. Зачем ты вернулась?

— Потому что сыскарь и твой друг. Спину прикрою, если нужно.

— Понятно. Тянем время и ждем нападения. Убийство купца... вовремя как, будь я склонен к сочинительству, непременно бы злую

направляющую руку в этом увидал. Нет, Геля. Бобруйский абсолютно с нашим делом не связан.

— Да как не связан? Барин! И все прочее...

Крестовскому пришлось насильно вталкивать мне в ухо «жужу», так я разгорячилась.

— Попович, ты всегда злодеем сначала женского обидчика назначаешь. Бобруйский, может, свою семью и тиранил, но не он здесь «крысиный король». А хорошо, кстати, придумала — «крысиный король».

— Им чародей нужен! Ты! Зачем ты вообще сюда приехал? Почему не Мамаев?

— Потому что это мое дело. Понимаешь? Мое и друга моего по оружию. Именно я его завершить должен был по чести и по совести. Письмо от Блохина... Мы втроем очень мощный обряд над этим посланием провели...

Я смотрела во все глаза, не моргая, чтоб ни словечка не пропустить. Блохин писал с того света. Зорин идею подкинул, он более прочих в потусторонних делах поднаторел. Семен объяснял мудрено, многих терминов я не понимала, но в общих чертах уяснила. Трое чародеев, объединив свои силы, разобрали блохинское письмо на... Маски? Пологи? Слои?

— Вообрази себе, Геля, стопку стеклянных пластин, на каждой из которых что-то изображено. Посмотри на все сверху, узри объемную трехмерную картину, в которой и ширина с длиной и глубина. Теперь сдвигай стеклышко за стеклышком.

Я кивнула, хотя с фантазией у меня было не особо.

На письмо был наложен некий призыв к стихиям, про который мне еще в Мокошь-граде сказали, что ошибок в нем нелепых избыток. Ученический аркан, считалка, пустышка, но все ошибки, последовательно извлеченные и особым образом составленные, образовали еще один слой, он-то настоящим посланием и оказался. Покойный Блохин взывал о помощи. И обращался к своему другу и учителю Семену.

Передав «жужу», я требовательно спросила:

— Так чего с ним там, в этом посмертии? Какая беда?

Этого Крестовский пока не знал. Отправляясь в Крыжовень, он был убежден, что проблема заключается в неправильном выборе места

погребения. Так бывает, особенно с чародеями, наделенными силами земли. Но все оказалось гораздо страшнее.

— Он там. Геля, понимаешь? Под аршинами мерзлой земли, не живой и не мертвый, обернутый коконом своей тлеющей чародейской силы. И в таком своем состоянии представляющий опасность для любого, кто тело его потревожит.

Перекрестившись, я подумала, что недаром раньше чародеям покойным осиновый кол в грудь заколачивали, обычай такой был у нашего мудрого народа. И еще хорошо, что я не чародейка и помру, когда время придет, по-простому, без эффектов.

— И что теперь? Оживлять его будешь или до конца упокаивать?

Крестовский недоверчиво на меня посмотрел.

— Ни капельки не страшно?

Я пожалала плечами и качнула головой. Семен улыбнулся.

— Для начала я выясню, кто или что несчастного Степана в это состояние ввергло. Случайно с нами такого, поверь, произойти не может.

Озаренная перфектной идеей, я быстро выдернула из уха артефакт.

— Ребят позовем на помощь! Вчетвером мы любого «кого-чего» разыщем, да и... Не сердись только, но по всему видно, не в лучшей ты форме, чтоб мощную волшбу творить.

Крестовский моего воодушевления не разделил, предложил:

— Попробуй. Брось Мамаеву или Зорину призыв через приказной оберег.

Я попыталась, буковка на груди нагрелась и завибрировала. Почудилось, что от меня тянется по воздуху золоченая витая нить, растворяющаяся в воздухе у противоположной стены. Обычно в пределах видимости она сплеталась со встречной нитью, зеленой от Зорина, алой Эльдаровой либо янтарной, в зависимости от того, кому именно я отправляла зов. Ничего.

— Мы под колпаком, Попович, — пояснил Семен. — Как бестолковые ночные бабочки внутри лампового абажура. Нас видно, мельтешишь, крыльями машем, но дотянуться до нас сквозь преграду невозможно. И никто нам не поможет, Зорин с Мамаевым там уверены, что чародею моего уровня в уездном городишке грозить ничего не может.

Нахлынувший на меня ужас был почти осязаем, колючее душное одеяло накрыло с головой, забрало воздух и свет.

— Признаюсь, — продолжал Крестовский, — хотя и неловко, я друзей твоего жениха попытался о помощи просить, к единству чародейскому воззвал. Меня, как мальчишку неразумного, окоротили, сообщили, что берендийские дикари Мерлиновым рыцарям не товарищи... — Он криво улыбнулся. — Не сдержался, каюсь, побузил немного в патриотическом угаре. Да не пугайся ты так, на Волкове они отыгрываться не будут.

Можно подумать, я о Грине сейчас тревожилась.

— Ладно. — Семен встал, бросил подушку на голую кособокую конструкцию, притворяющуюся походной кроватью. — Давай спать, Попович. Утро вечера мудренее.

Он лег, скрипнув истошно досками, я продолжала сидеть и смотреть.

— Ты умница, Геля. И то, что вернулась, тоже радует... хотя не должно. Но...

Семен заснул. Сквозь очки я видела янтарное свечение, окружающее его тело. Чародей восстанавливал истраченную за день силу. Накрыв спящего покрывалом, я спрятала «жужу» в футлярчик, сняла платье (у меня оно одно осталось, беречь надобно) и забралась в постель. Она была шире походной койки и наверняка удобнее. Завтра предложу Семену местами поменяться.

Мысли в голове привычно разбирались по важности и направлениям. Помощи ждать неоткуда, но это не особо страшно. Нас двое, лучше чем один. Две головы, четыре руки, одна чародейская сила. Под колпаком. Под чародейским куполом... чародейским... Ну? То-то, Попович. Голова тебе, та самая, одна из двух, не только для еды дадена. Я даже хихикнула тихонько. Вы нас колдовством, а мы вас естеством. Попробую...

Что еще? Бобруйский? Думать даже о нем сейчас не буду. Крестовский уверен, что в убийстве купца чародейства ни на грош, значит, и раскрывать будем привычно. А пока прилежное разыскание ведется.

Что за кольцо на Крестовском? А тебе что за доука теперь, Попович? Семен твоей измены прощать не собирается. Ты падшая

женщина, Евангелина Романовна, с тем и живи. Благодарна будь роли доверенного соратника.

Буду. Непременно буду, и исполню ее старательно. Маменька, больно так отчего? Ты от этого меня в письмах предостерегала? В письмах... Написать в Орюпинск надобно, неделя-то прошла, матушка весточки от Гелюшки ждет...

Проснулась я раньше Крестовского, справила утренние надобности в закутке за ширмой, поплескала в лицо из ванны (за ночь она сама собою наполнилась до краев ледяною водой, видно, Семен подчардеил), расчесалась, надела платье и уселась за столик под окошком. Пришлось слегка прибраться, отодвинуть накрытое давеча полотенцем на краюшек, чтоб место для работы расчистить. Писчей бумагой и пером его превосходительство обеспечили, я принялась составлять послание родительнице, в служебные темы не углубляясь.

«...а гнумов во всем Крыжовене не более десятка, фотограф Ливончик (о нем я подробнее ниже распишу), прочие — мастеровые и путейцы...»

Припоминая давешнюю беседу на дрезине, я перечислила все названные фамилии.

«И деток гнумских даже не видно, что довольно престранно для ваших обычаев. Сказывают, раньше община большая здесь проживала, но потихоньку расселилась в столичные Змеевичи и далее к югу».

— Спозаранку в делах? — спросил неприветливо Крестовский и зевнул во всю львиную пасть.

— Доброе утро, — ответила я столь же неласково. — Маменьке пишу, чтоб не переживала из-за долгого молчания. Пока вы, ваше превосходительство, моцион совершать будете, закончу.

— Я, Евангелина Романовна, мужчина, — Семен встал, потянулся, коснувшись пальцами потолка, — мне уединение надобно.

— Ширмочку поставьте. И колдовать не пытайтесь, — сказала я ширме, которую злокозненно поставили передо мною вплотную к столу.

— Чуточку придется, — прозвучало глухо. — Небольшой полог тишины, чтоб не оскорбить дамского слуха.

В мои уши будто воткнули пару ватных шариков, я вздохнула и вернулась к письму. Изложила сватовство уездного фотографа к моей мачехе в самых комичных выражениях, о портретах своих поведала,

коими означенный фотограф торговлю наладил, о том, что продажа хны для волос с моим приездом в Крыжовень возросла почти вдвое и что цены на нее немедленно взлетели.

«Жалко, маменька, что сам портрет прислать нет возможности...» Оба конверта остались в сундуке, но об этом я упоминать не стала. Зато заверила родительницу, что кутаю хорошо и регулярно, ноги держу в тепле и сплю, сколько девице моего возраста и комплекции положено. Закончив этими тремя китами материнской заботы, я подписалась со всеми своими солидными титулами. Ежели родительница соседским кумушкам письмо читать будет (а она будет), пусть потешится.

Свернув из листов конвертик, я заклеила его казенным сургучом, палочка плавилась от прижатия к настольной лампе, надписала адрес и, прежде чем подняться с места, черкнула с десятков слов на другой бумажке.

— Ваше превосходительство! — заглянув за ширму, я увидела шефа погруженным по плечи в ванну. — Полог свой снимите, мне...

Семен махнул рукой, ледяное крошево на нем шевельнулось с перестуком.

— Ступайте, Попович, наверх. Я через...

Отодвинув засов, я распахнула дверь и заорала:

— Давилов!

Евсей Харитонович, стоящий, оказывается, на пороге, отшатнулся.

— Ваше высоко... — Регистратор с ужасом смотрел через мое плечо.

— Вы уже здесь? Прекрасно. Будьте любезны, на почтамт... Минуточку, я денег на марку дам. — Сумочка лежала на постели, я вернулась за ней, бросила Крестовскому: — Заканчивайте плескаться, нас дело ждет.

— А вы за дверью обождите, — протянул шеф с угрозой в голосе и стал медленно вставать.

Пискнув дуэтом с Давидовым, я выбежала в коридор.

Евсей Харитонович вытер испарину не особо чистым носовым платочком.

— Однако...

— Чародей, — пожалала я плечами, — что с него взять?

— И то правда.

Выслушав мои указания, регистратор отправился их выполнять. Я же вернулась в камеру за шубой.

— Сызнова без стука, — укорил меня Крестовский, повязывающий шелковый галстук на вороте белоснежной свежей сорочки. — А если бы я голый был?

— Пришлось бы делать вид, что голых мужчин мне доселе видеть не приходилось, — хихикнула я.

Шеф веселья не разделял.

— Избавьте меня, Попович, от описания ваших темпераментных походов.

Шубу я надевала сама.

— Бойтесь, что на их фоне ваши поблекнут?

— Евангелина Романовна...

— Семен Аристархович...

Мы вышли из камеры, толкаясь плечами, я проиграла полшага, потому что ниже ростом, хлипче и вовсе барышня. Шеф оглянулся, фыркнул на «мизогина» и вопросительно посмотрел на мои уши по очереди. Я трянула сумочкой. Он кивнул и повел пригласительно рукою:

— Дамы вперед.

— Дамы, которые сейчас начальствуют. — Горделиво это уточнив, я заперла камеру и пошла наверх первой.

Работа в приказе уже началась, группка просителей окружала конторку, конвойные определяли в арестантскую клетку новичков. Поздоровавшись со Старуновым, я сообщила, что направляюсь в известный ему терем по известной же надобности и что сопроводит меня господин Крестовский, посему больше людей пока не требуется. Шеф потряс в воздухе планшетом, то ли в подтверждение моих слов, то ли с целью меня им огреть. На крыльце сказал, глядя в слякотную мглу:

— Далеко ехать? Может, пока Федор запрягает, позавтракаем?

— Лучше Григория Ильича проведать, — возразила я, вдруг вспомнив о роли влюбленной.

— Разделимся? Мне — кофе с плюшками, вам — привычное лобзание.

И, не дожидаясь ответа, Крестовский сбежал с крыльца, направляясь мимо торговых рядов к ресторации.

— Обождите!

Припустив за ним почти бегом, уголком глаза я отмечала любопытство редких прохожих. Балаган продолжался. Даже без «жужи» в ухе было понятно, что слухи уже распространились и поведение мое выглядит именно так, как должно. Каблучки ботильонов вязли в площадной грязи, подол запачкался и потяжелел от влаги. Завтра надеть мне будет нечего. И обувь. Обтерев подошвы о коврик перед входом в ресторацию, чем чистоты обуви вовсе не достигла, я вошла за шефом в натопленную залу заведения. Он разделся у вешалки, поправил перед зеркалом галстук, прошел к дальнему столику. Я разоблачилась, сбросив шубу на руки халдея. Тот, узнав меня, поинтересовался о здоровье Григория Ильича, просил передать поклон, заверил, что завтрак господам столичным чиновникам будет подан немедленно. Я спросила, что говорят в городе об убийстве купца первой гильдии Бобруйского. Выслушала ответ: актерка, Дуська которая, не выдержала измывательств, Гаврила-то Степаныч, земля ему пухом, затейник был по этим самым делам, до обмороков пассий залюбливал, видно, чего-то совсем уж непотребное измыслил, отчего актерка не выдержала и голову, значит, с плеч...

— Минуточку, — замерла я на полдороге к столику. — Чью голову?

— Купеческую, — перекрестился официант. — Ножиком чик-чик... Вам кашку с маслом, или, напротив, с молочком топленным?

Меня замутило. Только топленого молочка мне при безголовом трупe не хватает. Сглотнув, сказала строго:

— Постную, на воде, и чаю без сахара.

— А мне, пожалуй, кофе, — сообщил громко Крестовский. — И сдобы свежей, чего успели уже напечь, все несите.

Следующие три четверти часа я с отвращением наблюдала обильный завтрак здорового берендийского мужчины, аппетитом не обделенного, и выслушивала пространные комментарии по каждому из предложенных блюд. Семену Аристарховичу было вкусно, мне нет. Когда мучения мои уже подходили к концу, то есть господин Крестовский, убедившись, что кофейник опустел, передумал просить добавки, случилось ужасное. Официант, уже довольно долго

беседующий с кем-то на улице, с нашего места видно не было, с кем именно, быстрым шагом подошел к столику и негромко осведомился:

— Евангелина Романовна, прошу прощения, господин Зябликов вам знаком?

— Ни в малейшей степени. Счет, будьте любезны.

— Он настаивает, — перебил халдей, — форменный скандал у заведения устроил. Зябликов Геродот Христофорович.

— Не знаю никаких Геродотов! — Поднявшись, я даже ногою топнула. — Извольте...

Официант рассыпался в извинениях:

— Скандал ведь! Кричит, страдаю, руки на себя наложу, пусть, кричит, ответственность на себя возьмет после всего, что меж нами приключилось.

— Какую еще ответственность?

— Овладетельную, — прошептал халдей, густо покраснев.

— Попович, — сказал Крестовский кисло, — посмотрите на этого страдальца, пока я заплачу. Вдруг овладели да запомнили. С вашей насыщенной жизнью это неудивительно.

Сдернув с вешалки шубу, я вышла на крыльцо, вокруг которого столпилось с десяток зевак. Сбоку у перил стоял извозчик, а в коляске, распрямившись во весь рост, сидел покалеченный мною давеча корнет Герочка. Узнала я его не сразу, очень уж уродовал смазливый юнца распухший до безобразия нос.

— Явилась, — прокомментировал кто-то внизу, — сердеедка столичная.

— Глазищами так и жжет. Может, она эта... Цирцея, колдунья, то есть?

— А может, — значительно повела я взглядом по смутно различимым лицам, — кто-нибудь за словесное оскорбление мундира в клетке посидеть желает?

— Не-э... — проговорили без испуга. — Цирцея блондинка была, а эта рыжая.

— И вовсе не блондинка, брюнетка даже, баба-то была восточная, жарких кровей, ее просто в мраморе ваяли, а мрамор...

Герочка, спустившись с коляски, прохромал к крыльцу, рухнул на колени и ступень за ступенью пополз ко мне:

— Госпожа! Евангелина Романовна... Ева... Хозяйка...

Спор о мастях и скульптурах затих, публика внимала представлению.

— Геродот? — спросила, ощущая приближение обморока, когда страдалец, преодолев последнюю ступеньку, распластался и сделал попытку расцеловать носки моих ботильонов.

— Герочка, только ват Герочка, ваш раб, ваш холуй, госпожа моя... — Он приподнялся на локте, дернул себя за ворот, открывая шею, на ней я, будто сквозь туман, разглядела зеленоватую, толщиной с палец цепь, изображающую змею, кусающую себя за хвост.

— Пропал мужик, — решили в толпе, — ноги ей целует. Зря целуешь, Чижиков, у ей жених при чинах.

— И вовсе не Чижиков, Зябликов. Он же кричал: Зябликов, корнет в отставке.

— Вот сей момент ему столичная Цирцея еще одну отставку даст.

— Довольно. — Спокойный баритон Семена прозвучал небесным гласом. — Вы, юноша, ползите внутрь, в ресторацию. А вы, господа, расходитесь, представление на сегодня окончено.

Пошатнувшись, я почти упала на руки Крестовского, он меня удержал, повел в тепло и сухость.

— Воды! Нет, лучше коньяку барышне Попович принесите. Да что ж вы под ногами путаетесь, Геродот Христофорович? Встаньте. И губы оботрите. Евангелина Романовна вам эту пару обуви после подарит для беспрепятственных лобзаний. Помоем, может, перед этим. Пейте!

Горячий шарик оцарапал горло, я закашлялась, щедро оросив шелковый галстук Крестовского коньячными брызгами.

— Семен! Это не я! Это нелепо... немислимо...

— Успокойтесь, Попович. — Семен выпрямился, оставив меня сидеть на стуле, занял соседний. — Оправдываться передо мною нужды нет. Как гласит народная берендийская мудрость, муж и жена — одна сатана. Ваш почти муж уже подобные манипуляции...

Моргая, будто со сна, я повела глазами. Мы находились в ресторанном алькове, отделенном от залы плотными атласными портьерами. Халдей придерживал их двумя руками, Герочка сидел подле его ног на полу. Семен придвинул через стол рюмку. Приняв ее, я громко выдохнула, зажмурилась от крепости и пожелала, чтоб все

исчезло. Но, видимо, тому, кто нынче занимался исполнением желаний чиновных барышень, на меня разрядки не поступило.

— Геродот, — вздохнула я, — зачем ты на себя навий артефакт напялил?

Вопрошаемый вместо ответа дернулся атаковать поцелуями мои ботильоны, но, к счастью, был удержан за шиворот бдительным официантом.

— Выскажу предположение, — Крестовский тоже выпил, графинчик и другая рюмка стояли между нами, закусил лимонной долькой, — что юный отставной корнет таким образом хочет защититься. От кого либо от чего, судить не берусь, но, видимо, опасность признана им настолько серьезной, что предпочтительнее рабом прекрасной чиновницы дни свои влачить. Это при условии, что он действительно сам...

Я обиженно запыхтела, но все-таки спросила:

— Снять артефакт сможете, ваше превосходительство?

— К прискорбию, нет. Природа его силе моей противоречит. То есть я мог бы попытаться, но результат может оказаться для Геродота Христофоровича смертельным.

Герочка всхлипнул и молитвенно сложил руки.

— А если дудку, вторую часть артефакта, кому-нибудь передать или вовсе, не знаю... поломать, выбросить, сжечь, утопить? — предложила я.

— Воспоследует немедленная смерть носителя. Извольте заметить, — шеф кивнул на Зябликова, — мы с вами, Евангелина Романовна, наблюдаем так называемый уроборос, змею, поедающую самое себя с хвоста, символ бесконечного... Впрочем, не важно. При любой вашей попытке избавиться от своей части артефакта, другая его часть продолжит поедание и удавит носителя.

Он разлил коньяк из графинчика, поднял свою рюмку:

— За здоровье присутствующих.

Пить я не стала, порылась в сумочке, извлекла костяную дудочку и принялась дуть в нее. Гриня с душегуба змейку снял, может, и у меня получится. От пронзительных звуков, мною извлекаемых, наверняка пробудились и передохли сразу все змеи на версты окрест, но Герочкина гадина осталась неподвижна.

— Отвратительно, — сообщил Семен, подождав, пока я перестану. — Можем идти?

— А Зябликов?

— Не знаю, будет таскаться за вами.

Герочка заскулил:

— Буду, госпожа! Непременно буду, драгоценная Ева.

Крестовский явственно вздрогнул, но говорить ничего не стал.

— Григорий Ильич... — попробовала я объяснить, что именно так меня на балу у Бобруйского обществу представили, но была остановлена.

— Вот его и попросите с вашими рабами разобраться, госпожа Ева. Он джентльмен ушлый, и швец и жнец, и... на дуде игрец. А уж с тростью...

Шеф фыркнул, опрокинул в себя мою рюмку и раздраженно звякнул ею об стол.

— Ева, — пропел Герочка, — госпожа моя, я ведь сундук ваш в целости доставил, платица все и сорочечки, и мундирчик, и... Ножек не жалел, хотя они переломаны.

Зябликов выпростал конечность и повертел подошвой из стороны в сторону.

— Молодец, — вздохнула я обреченно. — Слушай мой хозяйский приказ. Садись в коляску нанятую, поезжай к лекарям, пусть они здоровье твое поправят. И пока кости не срастят, пред очи мои чтоб даже не появлялся. И носом займись, а то, право слово, страшила какая-то.

— А...

— А возражать не смей, — подпустила я в голос металла, — мои желания — твой закон. Исполни.

И уже обычным своим тоном попросила халдея:

— Мил-человек, не в службу, а в дружбу...

Тот с готовностью подхватил калеку под руки, поволок к выходу. Портьеры разъехались, открывая альков. К витринному стеклу снаружи прижимались любопытные физиономии обывателей.

— Надеюсь, — хохотнул Семен, — госпожа Ева от меня поцелуев обуви не потребует.

Это сколько же коньяку он употребил? Я посмотрела на пустой графинчик и сокрушенно покачала головой. Изрядно. Ну ничего, авось

по дороге выветрится.

Пережидая отбытие коляски с калекой, пришлось служить целью грубоватых шуток Крестовского. Часть их, касающуюся хлыстов и ботфортов, я вообще не поняла. То есть из контекста, разумеется, могла делать предположения. Но это было вообще не смешно!

Вернувшись к нам халдею я отсчитала приличные чаевые сверх, отобрав перед тем портмоне у шефа, взяла Семена под руку, тот все пытался вырваться, чтоб показать на себе «вот такую» кожаную полумаску, ему непременно требовались обе конечности.

— Стыдитесь, ваше превосходительство! — бросила я раздраженно. — Десятый час всего, а вы уже под мухой. Что люди скажут?

Чего они только не говорили, люди эти. Народ наш вообще говорлив. Пока мы с шефом медленно пробирались через торговые ряды к приказу (Крестовский умудрялся по пути флиртовать со всеми встречными барышнями, а также их дуэньями, мамашами и собачками), наслушалась я изрядно. Большинство сходилось на мысли, что-де Цирцея столичная новую жертву опоила и в логово свое волочет для надругательства с изощренным использованием посторонних предметов.

— Точно говорю. У ней туфлей энтих от стены до стены полки забиты. Из которых хмельное употреблять велит, которые целовать или что похуже, и по дням недели у ней все, по сезонам. На Пасху, к примеру...

— Славненький какой, а глазоньки си-иние... Пропал соколик...

— У ней женихов энтих от стены до стены. Рыжего она подле позапрошлого определит... Да помнишь, заграничный такой весь, пристав вроде... Вот так вот, в сон чародейский вгонит — и на полку...

Семен Аристархович тоже слушал, иногда поддакивал. Это когда глаzoneк очередной уездной красотке не строил.

Изрядно утомившись променадом, я мечтала забиться в уголок, накрыться одеялом с головою и...

— Вас сожгут, Попович, — предупредил Крестовский серьезно. — На базарной площади.

— Как ведьму? Так это в старину и не у нас было.

— Заграничные веяния доходят в Берендию с некоторым опозданием.

— Тогда... — Я помахала приветственно Федору на козлах коляски, забыв даже ненадолго, что он крыса и враг. — Тогда завещаю вам свои туфли, от стены до стены.

— И женихов.

— Как пожелаете. А вам зачем?

Шеф лишь мечтательно вздохнул.

За круглым столом Ордена Мерлина могло расположиться сто пятьдесят рыцарей, но это в стародавние времена процветания, сейчас их было всего девять, от этого столетия скукожилась до невпечатляющих размеров. То есть, разумеется, это был не сам с гол, а астральная его проекция, сотканная в иллюзорном тонком мире на самой границе сна и яви. Но не суть. Грегори, сын Илии, распластаный на каменном круге, об этом вовсе не думал. Девять островных чародеев работали над ним одновременно. Молодой человек ощущал то нестерпимый жар, то болезненный холод и нескончаемую вибрацию, тоже довольно неприятную. Он терпел, без интереса прислушиваясь к беседе, которую вели рыцари меж собой.

— Почти готово, артефакт полностью восстановлен. Что скажете, мастер? Выпустим в мир нашего подопечного?

— Рано. — Голос предводителя звучал гулко, как колокол. — Пусть берендийский выскочка проиграет, и тогда...

— Этот даже не чародей.

— Тем ощутимее щелчок по носу получит наглец, посмеивший нас в чем-то упрекать.

— Но, мастер, тьма уже доказала свою силу, уничтожив нашу работу. Сможет ли наш подопечный, даже при условии, что нынешний артефакт гораздо мощнее...

Предводитель скрипуче рассмеялся.

— Не будем делать ошибок, недооценивая соперника. Господин великий берендийский чародей явит свою силу и потреплет хтоническую тьму. Грегори останется лишь нанести финальный победный удар. Разумеется, он справится. А чтоб уверенность в этом была абсолютной, на сей раз мы довольно небрежно подчистим его память.

— О мастер, — разнеслось многоголосно, — вы столь хитроумны...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в коей убийство в благородном семействе будто бы раскрывается по свежим следам, а некоторые привычки уездного купечества способны фраппировать даже видавших виды сыскарей

Вина учинившего какое-либо преступление, а с тем вместе и мера следующего за сие наказания увеличиваются по мере того: чем более было умысла и обдуманности в действиях преступника; чем выше были его состояние, звание и степень образованности; чем более противозаконны и безнравственны были побуждения его к сему преступлению; чем более лиц он привлек к участию в сем преступлении...

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

Хоромы Бобруйских на Гильдейской улице были всего в получасе езды, и время это я употребила с пользой. Семен Аристархович как бы дремал, не забывая похрапывать, но губы его шевелились четко. «Жужа» бормотала мне в ухо зоринским басом:

— Про все прочее забудь, отодвинь, твоя задача — по свежим следам убийство раскрыть, ну и внимание на себя отвлечь, пока я другими делами занят буду. Это, разумеется, в случае, если я сочту ситуацию для тебя безопасной. Не торопись, не горячись, сохраняя свежую голову, за пределы домохозяйства ни ногой, попробуй сейчас мне призыв отправить, может, внутри нашего колпака сработает. Ну?

Хорошо, я тебя чувю. И еще одно, если справишься быстро, результатов не оглашай хотя бы до вечера. Пока мы заняты у Бобруйских...

Синие глаза чародея распахнулись. Кивнув, я отвела взгляд, поправила локон у виска, скользнула рукой с артефактом в карман, повозилась, пряча «жужу» в футлярчик. После незаметно Семену передам, ему больше пригодится.

Ворота особняка оказались заперты, и Федору пришлось в них колотить. Наконец створки распахнулись, и мы въехали на подъездную дорожку, которую помнила я нарядно освещенной и украшенной. Крестовский зевнул, глядя по сторонам:

— Форменный дворец.

Окна первого этажа скрывали глухие ставни, отчего дом казался пустым. Однако на крыльце стоял ожидающий нас ливрейный лакей.

— Возвращайся в приказ, — велела я Федору, — понадобись, кого-нибудь за тобой пришлю.

Степанов пробормотал «так точно», и когда мы с Крестовским сошли с коляски, стал разворачиваться.

Работаем, сыскарики. С богом!

Лакей пригласил нас внутрь, на его лице читались следы бессонной ночи.

— Господа в кабинете, — ответил он мне на вопрос. — А барин...

— Ваше превосходительство! — Появившийся в прихожей господин Хрущ был бледен, пьян и благостен. — Все-таки самолично решились нас посетить?

Крестовский вожделенно посмотрел на бутылку, которой адвокат размахивал, и протянул:

— Лишь в качестве чародейского консультанта при чиновной барышне, Андрон Ипатьевич.

Сухо поздоровавшись, я спросила, где тело. Сызмальства за мною привычка такая, самое неприятное делать в первую очередь.

Миновав приемную и бальную залу, мы поднялись по лестнице в правое крыло здания, прошли анфиладой разномастных, но одинаково богато меблированных покоев. Я привычно отмечала обстановку: плотные непрозрачные шторы, кое-где раздвинутые, решетки на окнах, до блеска вычищенные каминные, черный тюль, скрывающий зеркала. Дом погрузился в траур. Мужчины негромко беседовали, на меня внимания не обращая.

— Все, как велено, исполнили, — хвастался Хрущ, — в том же виде для осмотра оставили...

Мы остановились в конце анфилады перед запертой дверью, адвокат с поклоном передал мне ключ.

— Извольте, госпожа Попович.

Замок поддался, я шагнула внутрь, сдерживая дыхание, и замерла на пороге.

Крестовский присвистнул. И было от чего, подобных спален мне доселе видеть не приходилось, да и не спальня это была. Скорее всего. Вся комната, стены, потолок и даже пол по всему периметру обиты были толстой тканью, или даже тканью в несколько слоев, как внутренности огромного футляра. В центре высилась кровать — обширное ложе с четырьмя балдахинными столбиками, только крепился на них не балдахин, а кованые блестящие цепи, охапка которых свисала также с потолочного крюка.

Пружиня подошвами, я пошла вперед.

Бобруйский лежал на спине. Был он гол и мертв, оба эти обстоятельства вызывали тошноту, то, что конечности покойника оказались закованы в цепи, ничего не добавляло к моему предобморочному состоянию. И воняло еще сладковато-гнилостно. Это добавляло.

— Темновато, — решил Семен Аристархович. — А ну-ка!

Он щелкнул пальцами, и все светильники, спрятанные в тканых складках потолка, запылали ярко, будто в операционной. Из огромного настенного зеркала на меня пучила глаза рыжая бледная девица. Я отвернулась, спрятала нос в пропитанную ментолом тряпицу, непонятно каким образом очутившуюся в моей руке, спросила глухо:

— Лекарь осматривал?

— Не звали даже, — ответил с порога Хрущ. — Зеркальце к губам поднесли... Дело-то понятное, нож прямо в сердце.

— Крови маловато, — сказала я Семену.

Тот хихикнул скабрено:

— Однако, Андрон Ипатьевич, привычки провинциального купечества поражают даже меня, выдавшего виды.

— Ну так покойник склонностей своих не афишировал. — Адвокат отхлебнул из бутылки, утер рукавом губы. — И вдове,

интересы которой я теперь представляю, шумихи хотелось бы избежать.

— А лекарь, призови вы его, — тем же гаденьким тоном протянул шеф, — непременно бы разболтал. Понятно... Вы, господин Хрущ, не трудитесь с нами здесь находиться, отойдите недалеко. Сейчас Евангелина Романовна будет мне свою мастеровитосгь в осмотрах являть.

Адвокат, отойдя от двери, скрылся, Крестовский повернулся ко мне.

— Ну, Попович... Со своей стороны сообщаю, что никаких чародейских практик в убиении задействовано не было. Ваш ход.

— Крови мало, — повторила я. — От удара в сердце фонтан до потолка хлестать должен.

— В сердце?

Надев перчатку, я вытащила из груди покойника нож и запустила в рану палец.

— Точнехонько в сердце. — Расстелив на краешке кровати платок, не ментоловый, личный, я отерла об него палец, встала на колени, приподнимая тело. — Синяки на боках и спине свидетельствуют, что почти вся кровь погибшего осталась при нем, за ночь она опустилась.

— О чем это говорит?

— Что помер он не от ножа. А... — Поднявшись на ноги, я нагнулась над постелью. — Удушение. Синяя каемка вокруг губ... Минуточку.

Многострадальным платком я вытерла рот Бобруйского.

— Да, асфиксия. И, — я понюхала платок, — не вследствие отравления. Задушили его, — пришлось опять елозить пальцами в ране, теперь на шее (перчатки потом выброшу), — чем-то тонким и довольно острым, навроде гароты иноземной, либо, например, струны. Орудие мы пока не наблюдаем, стоит под кроватью поискать.

Обтерев перчатку, я опустилась на четвереньки и вскоре извлекла на свет кроме липкой карамельки и снопа пыли толстую медную струну.

— Вот! Даже пятнышки от крови рассмотреть можно.

— Bravo, — без восторга похвалил Крестовский. — Это все?

— Пожалуй, нет. Шея покойника меня смущает. Удушили его этим и очень быстро, но на коже... Извольте посмотреть, здесь и вот

тут еще. Явно же следы давние и тоже от петельного давления.

Шеф хмыкнул и отвел взгляд, как мне показалось, несколько смущенно.

— Некоторые персоны, барышня Попович, для усиления эйфорических ощущений в момент наивысшей страсти...

— И помогает? — заинтересовалась я. — То есть не то чтобы я наш личный опыт в таких делах, ваше превосходительство, подозревала...

Нет-нет, ни в коей мере! Но и за воображаемые ботфорты на себе отомстить хотела. Получилось идеально. Семен Аристархович залился краской и проблеял:

— По слухам, да.

— Что ж, осмотр на этом пока закончен, — провозгласила я, заворачивая в платок струну и нож. — Андрон Ипатьевич!

Адвокат подошел к порогу.

— Какие будут указания?

— Сию обитель порока сызнова запереть до вечера. Господина Крестовского будьте любезны в гостиную отвести, в его услугах я здесь пока не нуждаюсь. — Потянув носом, я картинно поморщилась. — Он же нуждается в рассоле и нескольких часах сна.

Возражения его превосходительства перемежались его же зевками. Достав чистой рукой футлярчик с «жужей», я вложила его в чародейскую ладонь.

— Не спорьте, вы и так помогли безмерно. Сейчас я себе какой-нибудь уютный кабинетик выберу и буду домочадцев допрашивать.

— Пустое, — перебил Хрущ. — Дуська барина зарезала, то есть жизни лишила. Кроме нее, никого здесь не было, и...

— И с нее я допрос начну. Идемте. Ах, еще мне требуется помыть с мылом руки.

В теле моем и мыслях происходил привычный рабочий процесс, сыскарский азарт, холодная голова, спокойное экономное дыхание. Я под это вот именно заточена, а не чародейские многоходовочки разбирать. Жалко только, что не позавтракала толком, поверив байкам официанта про отрезание головы Бобруйского. Сама виновата, нечего на сплетни полагаться.

— Что за беззакония? — Навстречу нам по анфиладе комнат летела вдова, исторгнувшая сей возглас. — Полицейский произвол!

Не добежав, она остановилась, осела на руки горничных.

— Нинель Феофановна, — сказала я, — примите искренние соболезнования от лица всей службы и меня лично.

Перекраивать планы пришлось на ходу. Потому что госпожа Бобруйская требовала немедленного позволения покойника обмыть и к погребению приготовить. Была она в своем праве, посему возражать я не стала. Хрущ увел пошатывающегося Семена, я же осталась присматривать за слугами, чтоб сверх необходимого не наследили.

— Бедная девочка, — вздохнула Нинель Феофановна, опускаясь на пуфик, — надеюсь, суд не будет к ней излишне жесток.

В отсутствие мужчин вдовица горе демонстрировать перестала и вообще производила впечатление особы деловитой и собранной. Помнится, когда я впервые барыню на том памятном балу увидела, она совсем другой была.

— Девочка? — Чтоб присесть на другой пуфик, мне пришлось сбросить с него пару наручников с меховой опушкой. — То есть госпожа Дульсинея Бархатова?

Слуги звенели цепями, освобождая покойника от пут. Барыня посмотрела на кровать, поморщилась гадливо.

— Гаврила тот еще затейник был, если вы понимаете, о чем я. Многие... объекты его желаний не разделяли... м-да...

— И случаи насилия прежде были? — спросила я без смущения.

— Насилия?

Вот не люблю, когда допрашиваемые мои личные приемчики использовать берутся. Повторить одно слово из фразы с вопросительной интонацией — это мое. И вообще, я тут главная.

— Нинель Феофановна, — сказала я серьезно, — давайте в игрушки играть не будем. Вы женщина умная, понимаете, что я не от любопытства беседую, а по службе. И ежели я от вас всей информации не получу, в народ отправлюсь расспрашивать. Вам ведь не нужно, чтоб слухи пошли?

Вдова фыркнула, но угроза свое действие возымела.

— Гаврила Степанович исключительной мужеской силою владел, все ему мало было. Девиц в этих апартаментах за последние годы перебивало преизрядно: певички, актерки, прочие бабочки.

— Профессионалки?

— О нет, — тряхнула собеседница заколотыми траурным эгретом локонами, — продажная любовь его не привлекала. Гаврила чистых хотел, не девственных, а... — Она поискала слово. — Порядочных, что ли. Ну, знаете, которых ломать нужно, развращать. Не было ему радости в покорности.

— Понятно, — сказала я, подумав «какой кошмар!». — Местных барышень использовал?

Плечи Бобруйской поднялись и опустились.

— Скорее нет, чем да. Думаю, что он таким образом сложностей избегал. Крыжовень городок небольшой, все друг у друга на виду, у любой девицы брат либо папаша с дядьками. Не спустили бы Гавриле шалостей, будь он сто раз богатей.

Слуги подняли покойника, придерживая за углы простыню, понесли его к выходу. Я во все глаза смотрела, чтоб они по дороге ничего из комнаты не прихватили.

— Евангелина Романовна, — предложила вдова, — не желаете переместиться? Эти стены на меня ужасные воспоминания навевают.

— С удовольствием.

Заперев двери, я спрятала ключ в карман и проследовала за Бобруйской в другое крыло. Она пригласила меня в небольшую гостиную с низкой резной мебелью и шпалерами приятного янтарного цвета.

— Чаю?

— Пока воздержусь. — Я разложила на столе блокнот с карандашиком. — Вы об ужасных воспоминаниях упомянули. Неужели супруг от вас требовал склонности свои разделять?

Вдова поморщилась.

— К счастью, лишь первое время после брака, пока новизна его возбуждала.

— Первое время? — приподняла я брови. — То есть пока вы ребенка под сердцем носили?

Повисла свинцовая пауза. Я продолжала смотреть в лицо собеседницы. А хороша барыня, на балу чисто старуха была, а сейчас любо-дорого посмотреть, лицо чистое, без морщин, волосы блестят, будто муж при жизни из нее силы тянул. Помолчав, она наконец выдавила:

— Ваше превосходительство времени зря не теряли, все сплетни разнюхали.

— Служба такая. По слухам, Анна Гавриловна через шесть месяцев после свадьбы на свет появилась.

— А слухи сообщили вам, из какой я семьи происхожу?

— Разумеется, — не стала я таиться. — Вы внучка и наследница Калачева Дормидонта Феоктистовича, купца первой гильдии и главного городского мецената. Предположу, что своему состоянию ваш супруг именно ему обязан.

— Пока дед был жив, Гаврила меня трогать не смел, почтительного и любящего мужа изображал, пылинки сдувал. Но сразу после рождения Нюты Дормидонт Феоктистович преставился, и мы с дочерью остались во власти чудовища. Вы сказали — наследница? О нет, калачевские миллионы наследовала Анна. Это стало ее проклятием и нашим спасением. Гаврила не мог от нас избавиться, не лишившись прав управления фондом, но приложил все старания, чтоб Нюта из-под его опеки не вырвалась.

— Замуж не отпускал?

— Именно. По завещанию деда ее супругу причиталось все.

— А вы?

— Что — я?

— Как бы действовали, выйди Анна Гавриловна замуж?

— Ушла бы с молодыми, ни минуты в проклятом доме не оставаясь. Здесь же форменная тюрьма. Решетки на окнах заметили? А запоры дверные? Каждый вечер спальное крыло на все замки запиралось.

— Чем же вы развлекались в заточении?

— Простите?

— Чтение, пасьянсы, музицирование? — предположила я, выделив последнее слово и разворачивая на столешнице носовой платок с орудиями убийства. — Затрудняюсь определить, что это за струна.

Вдова хмыкнула.

— Может быть, от арфы? Поглядите в музыкальном салоне.

— Непременно. А кто сим инструментом владеет?

— Машенька. Ума не приложу, чем вам этот факт поможет.

— Больше никто?

— Арфа, Евангелина Романовна, инструмент массивный, ни мне, ни Нюте размерами не подходящий.

Я кивнула. Старшая дочь Бобруйских действительно была девицею рослой и дебелой. Хотелось еще спросить, от кого младшенькую Нинель Феофановна понесла, потому что в страсть ее к Гавриле Степановичу не верилось нисколько, но решила пока обождать. Если Калачев внучку поспешил за Бобруйского пристроить, значит, отец либо сбежал, либо абсолютно для брака оказался непригоден.

Развернув блокнот к собеседнице, я попросила ее набросать план этажа, отметив на нем спальни.

— Слуги отдельно ночуют, во флигеле?

Вдова кивнула, скрипя по бумаге карандашиком.

— Обычно это крыло после заката запиралось. Моя спальня здесь, Машеньки и Нюты апартаменты дальше по коридору. Общая гостиная, библиотека, музыкальный салон, столовая, комнаты для гостей.

Изучив отметки, я спросила:

— И Дульсинею подле вас поселили?

Бобруйская невесело усмехнулась.

— По обыкновению, как и прочих одалисок моего благоверного. Удобно, не правда ли? Знаете, как все происходило? Барин являлся в женское крыло, провести время с семьей, иногда ужинал, сидел с нами, развлекался. Это сейчас Дульсинея у нас одна была, иногда до трех девиц одновременно гостило. Танцовки либо певички демонстрировали свои таланты, после барин выбирал одну или нескольких и удалялся с ними к себе, запирая крыло до утра.

— Так и вчера произошло?

— Так, да не так. Актерка к нам в общую гостиную не вышла, Гаврила ее из спальни уволок.

Поблагодарив вдову, я закрыла блокнот.

— Будьте любезны меня в другие комнаты сопроводить.

Бобруйская поднялась.

— Извольте.

Дочери сейчас находились в кабинете на первом этаже, подозреваемую Дульсинею заперли в подвале, поэтому в крыле, кроме нас с вдовой, никого не было, даже слуг, занятых с покойником. Нинель Феофановна сообщила, что погребение проведет как можно

быстрее, потому гроб с телом сразу установят для прощания в главной зале.

— Священника вызвали? — спросила я рассеянно.

— Разумеется.

Каждый из дамских апартаментов был дополнен ванными и гардеробными комнатами, небольшими, но уютными гостиными, в стене столовой обнаружилась лифтовая шахта для транспортировки яств из кухни, библиотекой явно почти не пользовались, а у арфы, стоящей в центре музыкального салона, отсутствовала струна. Ее не открутили с колка, а отрезали. Сравнив надрезы, я прикинула длину, развернув орудие преступления. Все сошлось. Более того, на лезвии ножа обнаружилась зарубка, видимо, им и воспользовались. Итак, Дульсинею тащили из ее спальни. Прочие дамы наблюдали действие отсюда, с порога гостиной. Она по пути умудрилась схватить нож. Где? Вдова оружие не опознала.

Звук осторожных шагов заставил меня прервать осмотр. Горничная, сделав на пороге книксен, сообщила, что барыню просят спуститься. Нинель Феофановна извинилась и оставила меня.

Перфектно. Честно говоря, она мне только мешала.

Нацепив на нос чародейские очки, я приступила к тщательному обыску. Накакими артефактами — ни чародейскими, ни навскими, женщины Бобруйские не злоупотребляли. Младшенькая с матушкой пользовались кое-чем для красоты, а над кроватью Марии Гавриловны висел простенький амулетик от бессонницы, сонный же аркан был отчего-то наложен на клавиши рояля. Рунами также были снабжены внешние стены, окна и двери. Это для тишины, и запорными чардействами, скорее всего, сам барин озаботился. Апартаменты Дульсиinei носили следы бестолковой драки и ее личной неряшливости. Или, может, горничным было велено ее не обслуживать. Постель оказалась несвежей, на подушке женские волосы и пятна помады, нижнее белье кучей свалено под кроватью. В шкапу — бальное драгоценное платье с разорванным воротом и две пары атласных туфелек, пустой дорожный саквояж, шубка, манто, охотничьи ножны.

Примерив их к орудию преступления, я убедилась, что нож к ним подошел. На туалетном столике в беспорядке теснились баночки, скляночки, валялись пуховки и салфетки. Дульсинея умывалась перед

сном ядерным молодильным настоем, он хранился в расписном стеклянном пузырьке. Повертев его перед глазами, я решила, что роспись определенно навья, но, если верить столичным дамам, в вопросах красоты поганые колдунства сто очков вперед чародействам давали, и дамы упомянутые пользовались ими, на запреты невзирая.

Итак, вчера Бобруйский увел актерку, запер домочадцев... Как там Старунов записал? Перед глазами немедленно появились строчки протокола. В восемь часов мешанка Бархатова, истошно крича, сбежала по лестнице в залу первого этажа. Слуги, бывшие там, немедленно вызвали охрану. Господин Хрущ, удачно оказавшийся в курительной комнате, взял дело в свои руки. Кто отпер женщин? Этого в протоколе не значилось. Адвокат уверяет, что, кроме злосчастной Дульсинеи, подле барина никто оказаться не мог. Слуг придется опросить всех. И уж заодно узнать, не потребляли ли в доме опия. В комнатах следов этого я не заметила, но на балу Нинель Феофановна явно была не в себе. Хорошо, предположим, все же Бархатова. Хватило бы ей сил здорового мужика задушить? С избытком. Мужик связан был по рукам и ногам. Она могла коленом ему в грудь упереться и струну на себя тянуть. А ножом ткнуть уже для надежности. Могла. Только картина у нас на убийство в состоянии аффекта не походит. Это, господа мои, типичная месть или вовсе обряд. Удушение с закалыванием... Минуточку! Пристава Блохина в те же два приема жизни лишали. Нож и виселица. Совпадение?

Чистописанием, как и чтением, дамы Бобруйские не увлекались. Ни писем у них в комнатах не было, ни дневников. А единственный чернильный прибор украшал библиотечную конторку. Им недавно пользовались, на кончике пера застывала, но еще не подсохла капелька чернил. Библиотеку я осматривала напоследок, и она не подвела. То есть, если начистоту, находка моя была вовсе случайной. Потому что, будь плотные оконные шторы раздернуты, я не включила бы потолочный свет и не углядела под особым углом примятых ворсинок ковра. Здесь бывали редко, оттого ковер был как новенький, и подошвы оставляли на нем явственные вмятины. К дальним полкам я не приближалась, значит, следы не мои. Мои уже даже расправиться успели.

Согнувшись, я проследовала по едва заметной тропинке, провела пальцами по книжным корешкам. Они оказались декоративными,

намалеванными прямо поверх деревянной двери. Не обнаружив ручки, я налегла всем телом, сдвигая доску. Дамская тюрьма Бобруйских оказалась не столь уж неприступной, а тайный ход удобно разветвленным. По нему можно было идти вправо, вдоль спален, заглядывая в комнаты в специальные глазки, либо, приложив ухо к выводной трубочке, слышать все, что в этих спальнях происходит. Пройдя налево, мы попадали за холщовый экран, украшающий простенок площадки второго этажа, а дальше, минуя ряд глазков и трубочек, выходили к огромному квадратному стеклу, вмурованному в стену. Сквозь него было прекрасно видно кровать с балдахинными столбиками, пуфики и прочую обстановку гнезда порока. Значит, с той стороны стекло зеркально, а с этой... Я толкнула носком ботильона раму, она подалась, раскрываясь внутрь, на стыке лежало что-то маленькое. Присев, я подняла черепаховую пуговку, судя по размеру, с дамской манжеты. Заходить не стала. Вернулась к разветвлению и спустилась по винтовой лесенке, скрытой, как можно было догадаться, внутри центральной колонны, пронизывающей оба этажа. Внизу было что-то вроде кладовой, и, выйдя из нее, я очутилась в обычном коридоре, стены которого украшала выпуклая лепнина. Дверца кладовой в закрытом состоянии ничем не отличалась от соседних проемов. На всякий случай я попробовала ее снова открыть, что проделала без труда, достаточно было потянуть на себя одну из лепных шишечек.

Что ж, с тайным ходом мы закончили. Алиби ни у кого нет, вообще ни у кого. Даже Хрущ мог из курительной комнаты явиться к барину. Ага, Попович, только сначала ему пришлось бы в музыкальный салон крюк сделать, за струной. Не фантазируй, Крестовский прав, тебе приятнее было бы, чтоб убийцей мужик оказался, а не сестра твоя по полу. Убила женщина. Одна из четырех. Работай.

Недолго поплутав, я спросила дорогу у встречной служанки и направилась в кабинет.

Девушки Бобруйские коротали время ожидания в компании своего семейного адвоката. Так себе компания. Андрон Инатьевич дремал в кресле, оглашая комнату нетрезвым храпом, сестры же шептались, заняв диванчик у глухой стены. Поздоровавшись и выразив соболезнования, я прошла к столу. Обе девушки были в трауре, Марии

Гавриловне черный креп с тюлем прибавлял пяток лет, Нюте же, напротив, наряд был к лицу. Непохожие сводные сестры. Старшая — некрасивая и дебелая шатенка с зеленовато-карими глазками, младшая — изящная блондинка, голубоглазая, тонкокожая. Обе плакали, обе сейчас настороженно на меня смотрели.

— Евангелина Романовна, что разнюхать успели? — Хрущ всхлипнул, тряхнул головой, потянулся.

Я села, положила на стол сумочку, придвинула к себе стопку чистой бумаги.

— О результатах следствиях сообщено будет в установленном законом порядке.

— А его превосходительство обещал...

— Андрон Ипатьевич, — перебила я строго, — извольте сообщить, где в данный момент находится супруг госпожи Бархатовой.

— Простите?

Приподняв брови, я с нажимом уточнила:

— Бархатов Эдуард Милославович, коего ваш хозяин пригласил погостить в этом доме.

— К прискорбию, не осведомлен.

— Так осведомитесь. А то странно получается: жена под арестом, а муж, в паспорт которого она, вероятно, вписана...

Не будь адвокат под воздействием хмеля, моя хитрость бы не сработала. Но он был пьян, поэтому ушел расспрашивать слуг, оставив меня наедине с девушками, чего я и добивалась. Помолчав, будто не зная, как вести разговор, я вздохнула:

— Ужасное происшествие.

Мария Гавриловна всхлипнула:

— Маменька в зале хлопочет, папеньку...

— Земля пухом, — перекрестилась я, — и хотя о покойных плохо не говорят...

Анна Гавриловна залилась писклявым хихиканьем.

— О покойных... плохо...

Вот только истерики сейчас не хватает. Налив в стакан из стоящего на столе графина воды, я велела:

— Выпейте. И давайте по порядку вчерашний день восстановим во всех подробностях. С самого утра. Во сколько пробудились? Чем занимались?

Говорила в основном старшая. Ничего вчера ужасного финала не предвещало. Обычный день был. Проснулись ближе к полудню, на ярмарку не пошли, визитеров не принимали. Дульсинея вообще сказала нездоровой, так до заката в постели и провела. Вечером в дамской столовой отужинали втроем. Часов около шести Гаврила Степанович явился. В каком настроении? Уж не в благостном. Спросил, где Дуська, из спальни ее вытащил. Нет, ножа никто при актерке не заметил. Нож? Этот? Нет, впервые его видят. А после и Маша, и Нюта, и маменька по своим горницам разошлись. Нет, в музыкальный салон даже не заходили. О смерти хозяина сообщил им господин Хрущ, и он же дамское крыло отпирал. Письмо? В библиотеке? Нет, барышни ничего не писали. Маменька? Не уверены. У нее спросить надобно.

Старательно скрипя пером по бумаге, я без остановки сыпала вопросами.

Дульсинея? Хорошая девушка, то есть не самая гадкая из возможных. Неряха, правда. Поет хорошо и танцует, веселая. Хоть бы ее, страдалицу, не строго судили. Потому что...

Тут барышни Бобруйские опасливо переглянулись и тему замяли.

Теперь? Да какие там планы, Анна Гавриловна родственниц не обидит. Заживут. Папенька-то тюремщик на том свете, освободились они. И Машеньке теперь идти под венец с нелюбимым не нужно, и Нюте постриг не грозит. Какой постриг? Бобруйский собирался младшую в монастыре запереть. Да, да, потому что наследница прадеда-миллионщика. Ежели бы она замуж пошла, денежки бы супругу достались, а монахиня капиталы по закону семье оставляет.

«Ловкий какой купчина», — подумала я без восторга, а вслух спросила, успел ли покойный обитель для дочери присмотреть.

— Успел. — Мария Гавриловна поморщилась от тычка локтем младшей сестрицы, — жуткое место. Чаща кругом непролазная, болото. Маркиза как-то от горничной убежала, так боялись, что ее медведь в лесу задрал.

— Маркиза?

— Болонка наша.

Никаких следов собачки в дамском крыле я не заметила, но спросила о другом:

— Вы всем семейством монастырь посещали?

Ответила Анна:

— Родитель всем в городе рассказал, что мы на воды отправляемся, а сам нас в Ингерманландию повез.

На Мокшанские болота? Это ведь от столицы недалеко. Поэтому семейство в столице на обратный поезд садилось. Но каков ловкач!

— Почти два месяца мы при монастыре жили, пока папенька с настоятельницей переговоры вел, — сказала Маша. — Кошмар! Я неделями не могла ни с одной родной душой словечком перекинуться. Думаете, здесь была тюрьма? Да в сравнении с обителью — курорт новомодный!

Терпеливо выслушав жалобы, я на всякий случай эту историю выпросила в деталях. Большой монастырь, даже огромный, бревенчатый забор аршинов в пять высоты. Марии за забор ходу не было, потому как с собаками не положено, ее поселили в лесной избушке. Горничная при ней еще осталась, ну и животина упоминаемая. Бобруйского же с младшей дочерью в обитель допустили. Нюта о том рассказывала без охоты. Жила в келье, постилась. От этого исхудала до безобразия. Через довольно продолжительное время отец сообщил, что обо всем договорился. Девушка бросилась ему в ноги, умоляя передумать. Он мольбам не внял и оставил бы младшенькую в Ингерманландии, если бы не миллионы ее наследные. Дарственную вследствие пострига требовалось по закону оформить. Монастырю, по тому же закону, отходила десятина, но Гаврила Степанович планировал ее крючкомтворством несколько уменьшить.

Тут в кабинет явилась Нинель Феофановна, чем избавила меня от необходимости выслушивать новый поток жалоб. Я поблагодарила девиц за беседу и попросила хозяйку проводить меня к госпоже Бархатовой.

Вдова тоже писем не писала, о чем сообщила по дороге в обширный винный погреб, где содержалась арестантка. Кроме запоров с засовами дверь стерегла пара рослых лакеев.

— Это не я! — закричала Дульсинея, увидев меня на пороге. — Не я убила!

Дрожащая болонка у нее на руках тявкнула, видимо сообщая, что и не она.

— Маркиза! Вот ты где! — всплеснула руками Бобруйская.

Актерка, выбравшись из вороха сваленной на полу мешковины, отдала ей собачку с неохотой. Это было понятно, подвальный холод пробирал до костей, и одежда Дульсиinei от него не спасала. Скучная она была, одежда, и в основном из черной хромовой кожи. Ботфорты только, кажется, замшевые, ну и рукавицы, явно по стилю не подходящие и надетые для тепла.

— Собачка замерзла, — сказала я вдове. — Вы, Нинель Феофановна, в комнаты отправляйтесь, пока я подозреваемую допрашивать буду.

Когда хозяйка ушла, Дульсиinea подняла с пола лоскут мешковины и закуталась в него.

— Экая ты дура, — вздохнула я, набрасывая на себя другой. — Почему не сбежала? Предупреждала ведь.

— Потому что дура, — согласилась девица. — Думала... Эдуард мерзавец... Эх...

Батарейка пустых бутылок у стены заставляла предположить, что в тепле страдальицу немедленно развезет и допроса не получится. Так что придется и мне потерпеть. Энергично похлопывая себя по плечам, я пообещала:

— Ответишь на вопросы честно и по существу, в другое место отправлю.

— Валяй!

Она действительно умом не блистала, но это еще с нашей прошлой беседы понятно было. Муж сбежал из дома Бобруйских еще во время бала, а Дуська отчего-то решила, что прекрасно и без него проживет. Подумаешь, баре странненькие, Гаврила Степанович кобель извратный. Ну и кобель, и что. Дуська давно смекнула, что все его привычки палаческие суть притворство, понарошка. Жестко любил, чтоб со страстью, чтоб ах! Нож? Ее игрушка. Почему прятала? Напротив, махала им грозно, когда барин ее из спаленки в гнездо свое порочное волок. Потому что сопротивлялась. Ага.

— Как тебя там... Геля?

— Евангелина.

— Брось! Ну ты, конечно, лисица! Барину когда новость про надворную советницу принесли... Холодно... Ладно, по существу. Переоделась я, значит, к вечеру в сбрую. Есть не хотела. Во-первых, боялась, что ведьмы эти мне сизнова в кушанье что подсыпят.

Третьего дня дристала от ихних... Твари, в общем, зловредные. Гаврила свои насилия африканские исполнил, в логово привел. Там, по обыкновению...

— Нож куда дела?

— Бросила куда-то. Нет! В кровать метнула, он в деревяшку вонзился. Эффектно получилось.

Я кивнула, припомнив отметину на одном из столбиков.

— В какой момент ты его душишь стала?

— В тот самый, — пояснила девица, хихикая моему смущению. — А когда все завершилось...

— Чем душила?

Дульсинея распахнула мешковину, продемонстрировав шелковый поясок на голом животе.

— Этим. Барин доволен остался. То-се, трали-вали. Тут меня приперло, ну, понимаешь. Живот скрутило, пришлось в уборную отлучиться.

— В какую?

— Там по коридору из розовой гостиной дверца.

Она отсутствовала не дольше получаса, а когда вернулась, Бобруйский уже не дышал, из груди его торчал нож.

— Дальше как в тумане. Дверь-то я заперла, понимаешь? И отперла потом. Чародейство, не иначе.

— Понятно.

Выглянув за порог, я сказала лакеям:

— Извольте госпожу Бархатову в приказ отвезти. Погодите, мы сперва с нею на второй этаж за пристойной одеждой поднимемся.

Сопровождать промерзшую актрису нужды не было, но мне хотелось еще раз по дамским гардеробным пройти, узнать, на чьей манжете черепаховой пуговицы недостает.

Опьянение Дульсинею настигло в ее спальне. Не слушая увещаний, она растянулась на кровати и погрузилась в сон.

— Баб надо кликнуть, — решил один из лакеев, — пусть ее такую облачают.

— Им не впервой, — согласился второй и, вытащив из кармашка ливреи свисток, дунул в него.

Звука я не слышала, но через пару минут на пороге возникла барышня в крахмальном передничке. Слуги принялись за свое дело, я

занялась своим. Платьев у дам Бобруйских было изрядно, я даже слегка утомилась, их перебирая, в носу свербело от запаха лаванды, в глазах рябило от многоцветия тканей. Находок оказалось целых три. Черепаховая пуговка покинула манжету строгого шерстяного костюма Марии Гавриловны, кроме того, что висел он в ее гардеробной, по размеру подходил только дебелий сестрице. В шкапу Нинель Феофановны нашлась пара милейших младенческих башмачков, называемых также пинетками. А у Анны Гавриловны под шляпной картонкой лежало сложенное вчетверо письмо.

Думать о том, что все это нелепо, неправильно и даже глупо, я себе до поры запретила. Не отвлекайся, Попович, работай.

Заглянув к Дульсинее и убедившись, что актерку одели и теперь под руки ведут на выход, я позаимствовала ее пустой дорожный саквояж, в который сложила коричневое шерстяное платье и башмачки. Письмо много места не занимало, оно отправилось в мою личную сумочку. Нет, за кого они меня принимают? Одну или две подсказки я не замечу? Зачем таким ворохом заваливать? Ежу понятно станет, что играют с ним, к выводам подталкивают. А я не еж, я надворный советник. А они... Ну ладно, может, и не во множественном числе, а он или она. Не суть. Они как раз меня за дурочку держат.

В шесть часов пополудни, то есть вечером, Семен Аристархович Крестовский изволил покинуть опочивальню, а точнее залу, названную «диванной», на первом этаже бобруйского терема, и потребовал от меня отчета о проделанной работе. К тому времени я успела опросить всех домочадцев, два десятка слуг и некоторых посетителей, являвшихся почтить покойника. Я так устала, что даже огрызнуться начальству сил не было. Он, впрочем, не настаивал. Сон его не освежил, под глазами Крестовского залегли серые тени, лицо осунулось, он прихрамывал и зевал.

— Что ж, Евангелина Романовна, — сказал он, отказавшись от предложения вдовы отужинать по-семейному, — на сегодня служба наша окончена.

Спорить я не стала, все силы на другое уходили. Покинули они меня, когда мы с Семеном Аристарховичем, миновав Гильдейскую улицу, уже повернули на площадь. Там я крепиться перестала и, обняв фонарный столб, извергла в грязь содержимое желудка.

— Геля!

— Отойди! — прикрикнула я и сизнова скорчилась в спазме. — Гадость! Какая нечеловеческая гадость.

Крестовский подождал, пока я полностью очищусь и кивнул на вывеску ресторации.

— Зайдем?

— Это не от покойника, — оправдывалась я, бредя мимо пустых торговых рядов.

— Осмотр тела, Евангелина Романовна, вы на удивление четко провели, без обмороков. — Он пропустил меня вперед у двери в ресторацию и помог снять шубу.

— Обучаюсь понемногу вашими стараниями, Семен Аристархович.

— Присутственное время окончилось, посему служебных разговоров я сегодня больше вести не намерен.

— Как будет угодно вашему превосходительству.

Я знала, что пахнет от меня мерзопакостно рвотою, но не отказала себе в удовольствии на мгновение замереть в мужских руках, прижавшись спиной к груди Семена. Соберись, Попович, не место и не время.

Мы заняли столик на двоих у жарко пылающего камина, я отлучилась на четверть часа в дамскую комнату, умылась, пополоскала рот, полюбовалась своим нервическим ликом в настенном зеркале. У Бобруйских я лицо держала, это абсолютно точно, а сейчас никак не могла. У меня дрожал подбородок, губы сжимались в бескровную линию, покрасневшие глаза слезились. Эк тебя, надворная советница, перекорежило. А ведь тертым калачом себя воображала, все повидавшей саркастичною дамой. Что, вообразить даже не могла, что не нави чужеродные, а твои соплеменники подобный образ жизни могут... Тьфу, гадость.

Семен Аристархович заказал мне бульону с сухариками, себе же — обильный берендийский ужин, который поглощал с аппетитом, поглядывая то на огонь, то на хорошенькую барышню за соседним столиком. Обычная девица, судя по одежде, купеческая дочь. Да я же ее видела на балу том приснопамятном! Подружка Анны Гавриловны, которая такую же болонку себе хотела. Сей момент ей хотелось отнюдь

не собачку, а моего чиновного спутника, хотя он, смела я надеяться, от драгоценного ошейника отказался бы.

— Десерт? — спросил Крестовский, откладывая салфетку.

— Непременно. — Подозвав халдея, я нацарапала карандашом на салфетке несколько строк и тихонько попросила: — Передай, будь любезен, барышне за соседним столиком. Только постарайся, чтоб ее дуэнья записки не заметила.

В лапку официанта, кроме салфетки, переместилась хрустящая ассигнация. Иногда полезно на время мужские портмоне присваивать. Семен Аристархович мои действия наблюдал, удивленно приподняв брови, но вопросов задавать не стал. И правильно, не его это дело, не мужское, сами разберемся.

Девушка, получив записку, явила недюжинную сноровку и опыт, засунув ее, не читая, под манжету. Молодец какая. Вскоре она ушла, соседний столик заняла пара мужчин, по виду коммивояжеров.

От усталости я была не в силах поддерживать привычную пикировку с его превосходительством, ему пришлось самому стараться. Холодно улыбаясь, Крестовский сетовал на то, что некая надворная советница своими стараниями взволновала тишайший Крыжовень; считал, сколько в зале ресторации зеленых бутоньерок в цвет ее, надворной советницы, глаз, и сколько огнегривых дам, источающих травянистый запах свежей хны, здесь нынче присутствуют; рассуждал о том, что некоторым барышням заместо сыска на иной стезе себя пробовать надобно, в фильмах, к примеру, запечатлеваться, тем более, что имеется протекция.

— Вы закончили, ваше превосходительство? — спросила я, зевая в ладонь.

Начальство, успевшее уничтожить не только свой десерт, но и мои эклеры, сообщило, что мы можем идти.

— Григория Ильича проведать надо, — решила я по дороге. — Соскучилась, мочи нет.

— Ах, молодость! — вовсе без восторга согласился Крестовский. — Считайте это наградой, Евангелина Романовна, за то, что при покойнике в обморок не брякнулись.

— Что же тогда мне причитается, Семен Аристархович, за те часы, что я вас не тревожила, позволив почивать?

— За это я вашего жениха осмотрю на предмет чародейский.

У Грининой постели дежурил Старунов. Мы поздоровались, Иван сказал, что Дульсинею он в камере запер, в той, что Рачков раньше занимал, которого уже по этапу отправили, что господин Волков нынче не колотился, и что он, пожалуй, пойдет. Я не возражала, попросила только захватить саквояж с уликами. Семен принялся чародеить, наполнив комнату запахом мяты, я присела в кресло и задремала.

— Попович, — вырвал меня из объятий сна баритон Крестовского, — когда вы дело об убийстве Бобруйского планируете закончить?

Я пожала плечами.

— Общая картина преступления наметилась. Предположим, завтра или через день.

— Завтра, — кивнул Семен. — И после этого берите своего жениха и перевозите его в Змеевичи, в тамошнюю больницу.

— Григорий Ильич так плох? — спросила я с любопытством, для порядка исторгнув всхлип.

— Очки при вас? Наденьте.

Я подчинилась, посмотрела на пульсирующую пуповину, идущую от Грини к потолку.

— Это опасно?

— Очень.

Спрятав очки в футлярчик, я вздохнула и, положив на пол подушечку, рухнула на нее коленями.

— Гришенька! На кого ты меня покидаешь! — Посмотрела на Крестовского, тот дернул подбородком, и я снова взвыла: — Сокол мой ясный! Бубусечка кареглазая!

При слове «бубусечка» Семен кашлянул и махнул рукой:

— Полно, Евангелина Романовна, может...

— Сомлею, — пригрозила я, поднимаясь на ноги. — Придется вашему превосходительству на руках меня в каземат нести.

— Это было бы крайне затруднительно, — согласилось начальство, подхватывая меня под плечи и колени. — Экая вы, Попович, барышня трепетная.

Закрыв глаза, я опустила голову на мужское плечо и сызнава задремала. Сквозь неглубокий сон слышались мне разговоры его превосходительства с Давиловым, скрежет замков и скрип дверных петель, ровный стук Семенова сердца, его дыхание.

Очутившись в камере на постели, я дождалась, пока Крестовский запрет дверь, обернется ко мне, поднесла к уху указательный палец. Семен нацепил «жужу», уселся напротив.

— Значит так, — проговорила беззвучно и четко, — свои надежды меня под предлогом болезни Волкова прочь отослать оставь немедленно. Не поеду, не уйду. Ты, хитрый чардей...

Крестовский поднял руку, чтоб передать мне артефакт, но я замотала головой:

— Не нужно, я сама уже по губам читать наострилась.

— Геля!

— Сказал «Геля». Правильно?

— Ты не понимаешь, во что ввязываешься.

Повторив фразу Крестовского дословно и дождавшись подтверждения, что поняла ее перфектно, я пожала плечами:

— Конечно, не понимаю. Ты, хитрый чардей, всей правды мне не рассказываешь. Это не в упрек, меня несколько такая манера не задевает. Только мне на ваши колдовские дела плевать с колокольни, закон, он один для всех: и для чародеев и для простецов таких, как я.

— Простецов? — улыбнулся Семен.

— Я телеграмму Мамаеву с Зориным утром отправила.

— Глупо, она дальше почтамта не ушла.

— Если бы я в ней о помощи просила, тогда наверняка ее бы затеряли. Но телеграмма обычная, я в ней о твоём приезде коллегам сообщила, только...

Тут мне подумалось, что, наверное, зря я сейчас хвастаюсь, что ребята могут шифра моего не разгадать и что непременно, когда здесь все закончим, надо будет договориться о тайных знаках, которые только нам понятны будут. Семен скептически приподнял бровь, я смущенно закончила:

— Нужно было хотя бы попытаться.

Крестовский вздохнул.

— Поезжай в Змеевичи, оттуда парней призови.

— Хорошая попытка, но нет. Я вашу породу чардейскую перфектно изучила, за мною след простыть не успеет, ты на смерть отправишься. — Семен явно смутился, я поднажала: — Скажешь, не права? Может, и с господином Волковым беда черная действительно приключилась?

— Здоров он, — признался Крестовский, — более чем. Артефакт его в полном порядке, поэтому от смены места вреда нашему Григорию Ильичу не будет, впрочем, оставаясь здесь, он также не пострадает. Нет, Геля, я знаю, о чем ты думаешь. Воспользоваться тростью Волкова никто, кроме него, не сможет, именная игрушка. И будить его мы тоже не будем, хотя можем.

— Почему?

— Потому что помощи от старцев из Ордена Мерлина я не приму.

Я высокомерия Семена Аристарховича была лишена, поэтому решила, что, возникни нужда, призову хоть черта, хоть дьявола, хоть туманных колдунов с острова, хоть Гриню с палицей наперевес.

— Давай. — Крестовский сменил тему. — Что по убийству купца накопала?

— Это не случайно произошло, не под влиянием момента.

— Почему?

— Да потому что не убивают так впопыхах! Это обряд был, либо месть, либо... Тут я не полностью уверена, но предположу, что представление это.

— А зрители?

— Один, — я подняла палец, — и не зритель, а зрительница, столичная эксцентричная сыскарка, очень уж ее к правильным выводам толкают. Дело представлено так... Ты понял? Не было, а представлено на суд зрителя! Господин Бобруйский Гаврила Степанович, пятидесяти годков, боров старый, забавлялся с любовницей удушениями, партнерша до ветру отлучилась, тут в его гнездо порока проник некто третий, придушил мужика и ножик в него воткнул для надежности. Возможность и желание было у всех. Жена и младшая дочь ненавидели папеньку (за дело, но не суть), старшенькая же... Тут я не уверена, слуги в тереме запуганы очень, от них правды не добьешься. Я завтра подругу допрошу, о Машеньке с Нюшей представление составлю. В смысле какую подругу? Я же записку в ресторации от твоего имени барышне за соседним столиком отправила. В девять утра у кондитерской ее ожидать будут.

Крестовский проартикулировал нечто, что я решила не опознавать, но согласился составить компанию.

— Итак, — продолжала я, раскрывая саквояж, стоящий у кровати, — у нас есть двойное орудие убийства — нож и струна. Нож в

любовное гнездышко принесла Дульсинея. Что странно, никто из дам Бобруйских ножа не опознал, хотя актерка показывает — махала им при свидетелях. Вторая странность — струну резали этим самым ножом, на нем зарубка имеется. О чем это говорит?

— О чем? — улыбнулся Крестовский, ему невероятно нравилась моя горячность.

— Струну срезали заранее.

— Кстати, ты не объяснила мне, почему алиби ни у кого нет.

— Можно подумать, Семен Аристархович, ты сквозняка в гнездышке разврата не учуял! Ход там тайный. Весь терем ходами этими, что сыр, изрезан.

По тому, как блеснули синие глаза чародея, я догадалась, что этим вопросом он меня проверял и действительно заметил то, что сперва проигнорировала я, — неплотно прикрытую зеркальную дверь.

— Зеркалу до конца вот эта пуговка закрыться мешала, — объяснила я и добавила, вытащив из саквояжа коричневый шерстяной рукав. — С платья Марии Гавриловны.

— Любопытно.

— Это еще не все. Вот... — стараясь не шуршать, я развернула на койке Семена письмо. — В комнате Анны нашла, похоже на послание, которым Блохина твоего из города выманили.

— О Блохине я сейчас говорить не хочу.

— Придется, — пнула я Семена в голень, — потому что твой дражайший покойный друг с бабами здесь накуролесил. Читай! «Степушка, сокол мой ясный, батюшка про нас прознал...» Она ему писала, что увозят ее, что от плода избавят, что сбежала и в условленном месте ждет своего яхонтового. А у маменьки башмачки даже детские припрятаны были!

Крестовский нагнулся, потер ногу и посмотрел на меня виноватыми глазами.

— Значит, дочь? Которая?

Ножка койки, на которой сидел Семен, подломилась, и чародей с грохотом упал.

— Не иначе божья кара, ваше превосходительство, — прокомментировала я вслух. — Спокойной ночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ, в коей картина убийства приобретает глубину, необходимую для последующего раскрытия

Лишение прав состояния не распространяется ни на жену, ни на детей осужденного, прижитых, то есть рожденных уже или зачатых, прежде сего осуждения, ни на потомство сих детей. Они сохраняют все права своего состояния, даже и в том случае, когда, с надлежащего разрешения, последуют добровольно за осужденным в место его ссылки... Жене и детям сосланного в каторжные работы или на поселение, прижитым прежде его осуждения, предоставляется именоваться прежним титулом и по прежнему чину или званию мужа или отца...

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

Проснулась я еще затемно. Постель мы делили с Семеном, наши волосы смешались на подушке. «Я рыжее, гораздо рыжее, морковная практически лисица, а он лев золотистый. Ах, Семушка, удачно как ты койку свою разломал. Мне только того и надобно было, тебя подле ощущать».

Перевалившись через спящего, я отправилась за ширму, умылась, привела в порядок волосы. Вчера мы с Крестовским еще долго болтали, иногда шепотом, на темы безопасные, про прочее — одними губами. Целоваться хотелось до одури, но я держалась, а он, может, и не хотел. Сейчас не важно. Только бы живым его из этого городишки вытащить.

На нарах завозились.

— Доброго утра, — выглянула я из-за ширмы, — ваше превосходительство, извольте велеть вам новую постель предоставить.

— Непременно. — Семен пружинно поднялся, потянулся. — В баньку бы сейчас...

— С делом закончим, самолично вас веничком отхлестаю.

— Это угроза?

Хихикнув, я бросила на стул полотенце и пошла к двери.

— Собирайтесь.

Схватив меня за запястье, Крестовский покачал головой. Я села на кровать, продолжая разговор:

— Хотя присутственное время еще не началось, не будет ли ваше превосходительство столь любезен, чтоб о моих скромных победах на ниве сыска послушать?

— Валяйте, Евангелина Романовна, — разрешило начальство, судя по звукам, опускаясь в наполненную льдом ванну.

— Итак, — начала я напевно, — покойный господин Бобруйский...

Излагая свою версию, я подвязывала к ней факты, вещественные доказательства, цитировала по памяти фрагменты допросов и даже стала записывать конспект в развернутый на коленях блокнот.

— Понятно. — Хлюпанье прекратилось, омовение закончилось, и Крестовский уже одевался, с вешалки один за другим исчезали за ширмой предметы гардероба.

Пожалев в который раз о сундуке, я ощутила себя грязной и поморщилась. Вот что мне давеча стоило Герочке велеть мое имущество по пути в приказ доставить? Забыла, не подумала. Оттого теперь и страдаю.

Семен Аристархович вышел, повязывая галстук.

— Нам остается допросить воскресшего господина Чикова, и можно отправляться к Бобруйским для ареста?

— Не сразу. То есть допрос непременно, но в девять у вас, господин Крестовский, свидание с юной особой.

— Ах да.

— И еще... — Семен приблизился к столу, достал из кисета бумагу и положил ее в карман сюртука. Проследив многозначительное похлопывание ладонью по карману, я подумала, что вовсе не для скручивания сигарет сия бумажка и что недоговаривает чародей, по

своему обычаю. — К банкирам бы заглянуть, до крайности любопытно, какие операции купец Бобруйский проворачивал.

— Умно. И это исполним.

В коридоре Крестовский сказал бесшумно:

— Ни на шаг, Геля.

Кивнув, я открыла камеру Чикова и посторонилась, пропуская чародея вперед. Действия мы обсудили накануне, внутрь заходить мне было запрещено. Семен приблизился к нарам, на которых лежал запеленатый в смирительную рубаху и привязанный кожаными ремнями к доскам арестант.

— Сережа, — проговорил чародей абсолютно женским голосом, не потешно-писклявым, а глубоким контральто. — Будь хорошим мальчиком напоследок.

Чиков зарычал, задергался в путах, оскалился, зубы его показались мне слишком острыми, почти звериными.

— Отпусти... Покоя хочу...

— Скоро, милый, скоро тебя отпустят. Барышне на вопросы ответь.

— Х-хорошо...

— Попович! — велел Семен баритоном. — У вас пять минут.

— Сергей Павлович... — Я глубоко вдохнула, чтоб задать вопрос, но закашлялась от резкой сладковатой вони.

— К сути, Геля, — поторопил чародей.

— Кто вам велел убить пристава? — выдавила я, задерживая дыхание.

— Барин. — Чиков потянул носом, принохиваясь. — Бобруйский сто тысяч Фараонии заплатил, чтоб Степку беспутного извела. Пить!

Крестовский не пошевелился, а, перехватив мой взгляд на кружку, стоящую у нар, махнул рукой:

— Продолжай.

— Вы его зарезали или подельница ваша?

— Степку-то? — Чиков облизнулся багровым, как кусок сырого мяса, языком. — Манька пырнула, она баба ушлая, тайные чародейские места на теле знает.

Солнечное сплетение, понятно.

— А подвесили зачем?

— Не вешали! Сам он, сам... подлюга... чтоб не обратиться, чтоб... Пить!

Арестант дернулся, ремни натянулись.

— Достаточно, — сказал Крестовский.

— Обождите! — Я заступила ему выход. — Воды ведь просит.

— Воды? — спросили одновременно оба, Семен грустно, а Чиков с глумливым хохотом.

Чародей отобрал у меня ключи и стал запирает дверь, из-за которой доносился приглушенный, но различимый вой.

— Крови! Крови! Крови!

— Не спрашивай, — проартикулировал Семен. — После.

Пожав плечами, я предложила:

— Может, мещанку Мишкину еще посетим? Вдруг из нее опий весь вышел и она беседовать в состоянии.

— Зачем? Показаний этого... ее подельника вам недостаточно?

— Мими, Мишкина которая, когда грозилась, говорила, что одного ее словечка Бобруйскому довольно, чтоб адвоката со свету сжить. Вот мне и любопытно, что за тайны. Купец помер, так что скрываться она не будет.

— Евангелина Романовна, — вздохнул Крестовский, — боюсь, что эту тайну я вам лично поведать в состоянии.

— Будьте любезны.

— Предпочел бы воздержаться, тем более, что к делу она касательства не имеет.

— Вынуждена настаивать.

Семен Аристархович достал из кармашка жилета часы, отщелкнул крышечку, сизнова вздохнул.

— Нельзя опаздывать на свидание к барышне, не поджентльменски. Что ж, Попович, извольте. — Начальство поморщилось и, будто сигая с разбегу в прорубь, выпалило: — Господин Хрущ — мужеложец.

— Чего?!

— Того.

Крестовский пошел к выходу, а я припомнила в подробностях вчерашний день, как адвокат приобнимал чародея за плечи, увлекая... Куда там он его вел, не суть. Уходили они почти друзьями, а после, когда Семен вернулся, они не разговаривали даже. Неужели его

превосходительство подвергся вчера любовной атаке с неожиданной стороны? Вот умора! Представив, как буду описывать это Мамаеву, я расхохоталась. Но потом мне стало грустно. В этом проклятом городе хоть один нормальный человек остался? Ну, кроме Ливончика, который, впрочем, гнум, и Квашниной?

Стоп, Геля, осади. После о судьбах мира и этике думать будешь. Работай. Сперва дело.

Девушка ожидала Семена Аристарховича у витрины кондитерской «Кремный рай», замерзнув почти до синевы. Дурочка. Березень месяц коварный, вчерашняя оттепель сменилась заморозком, а барышня оделась легко, нарядно. Углядев в конце улицы Крестовского, она юркнула в заведение, картинно взмахнув подолом. Я следовала за начальством в отдалении, чтоб добычу раньше времени не спугнуть, поэтому, когда подошла к витрине, Семен с барышней уже устроились в уголке за уютным столиком. Подождав, пока мужчина сделает заказ и, извинившись, отлучится, я вбежала в кондитерскую, дверной колокольчик задребезжал. Игнорируя официанта, я ринулась к барышне, безжалостно выдергивая ее из мечтательной полудремы.

— Простите?

— Геля, — упав на стул, я схватила руку бедняжки и энергично ее встряхнула. — Евангелина Романовна Попович, чародейский сыск Мокошь-града.

— Да уж известно... — пролепетала девушка, поглядывая испуганно на дверь, за которой скрылся Крестовский.

Я тоже посмотрела туда, печально вздохнула.

— Тебя как звать-величать, красавица?

Девушку звали Зиной, Зинаидой Андреевной Носковой, двадцати годков, купеческого сословия. Мое неожиданное появление выбило ее из равновесия, она не знала, как со мною себя вести. Перфектное для допроса состояние, особенно для неофициального.

— Его превосходительство... — лепетала Зиночка, хлопая глазками.

— Нареченный жених графини Головиной, фрейлины ее величества, — сообщила я строго и прибавила с фальшивейшим бабским сочувствием: — Ева Георгиевна, бедняжка. Пока она подле трона службу исполняет, ее разлюбезный в дальнем уезде резвится.

Пухлый подбородок собеседницы горделиво приподнялся. Вот она какая, барышня Носкова, целой графине нос утерла. Но следующей фразой я свадебные колокола в девичьей головке приглушила.

— Как прознает, а прознает она непременно, тут уж объекту страсти его превосходительства не позавидуешь. В ревности Головина страшна, и направляет ее обычно вовсе не на любимого своего изменщика, а на дев, ни в чем не повинных. Бывали уже прецеденты. У батюшки твоего торговля со столицей налажена? Когда заглохнет, будешь знать, кого в том винить.

Зиночка испуганно ойкнула:

— Что же делать?

— Что-что... — Взяв с хрустальной горки пирожное, я откусила, раздумчиво пожевала, запила чаем. — Да не причитай, придумаем что-нибудь. Например...

Оберег на груди завибрировал, сообщая о возвращении Семена.

— Зинаида, — проговорила я быстро, — поступим так: мы будто бы знакомицы, я через витрину тебя увидала. Зашла поздороваться. Поболтаем о том о сем, да и разойдемся.

Крестовский уже выходил из двери, и бойкая девица, изобразив на личике дурашливую приветливость, протянула:

— Вот и Евангелина Романовна к нам за завтраком присоединилась.

Начальство со мною поздоровалось, присело, сложив руки на столе. Блеснуло обручальное колечко, Зиночка вздохнула.

Пока Семен наливал ей чаю, я вбросила тему беседы:

— Какой кошмар у Бобруйских приключился!

Барышня согласилась, излишне, на мой взгляд, коротко.

— Не желаешь Анну Гавриловну навестить с соболезнаваниями?

Она не желала.

Я посмотрела на Крестовского, чтоб помогал. Он мечтательно улыбнулся:

— Хорошенькая барышня младшая Бобруйская и богата теперь. Завидная невеста. Предположу, что через пол года, когда траур по батюшке закончится, под венец пойдет.

Зина фыркнула.

— Пойти-то пойдет, только не каждый на нее позарится.

Семен возразил, что мужчина при женской красоте на многое глаза закрыть может, и напомнил про бобруйские миллионы.

Они заспорили, барышню буквально распирало от чужих тайн, и она принялась щедро ими делиться.

Нютка — стерва похотливая, ни одного кавалера не пропускала, мамаша ее тех же статей, люди помнят еще, как ее с пузом, нагулянным от другого, с Гаврилой Степановичем венчали.

— Это все давнее, — покачала я головой, — быльем поросло про Нинель Феофановну.

— Так Нюта в нее пошла! Виданное ли дело, у сестрицы жениха отбить? Манька-то, дура кроткая, только слезы глотала, когда Нютка хвостом перед приставом мести принялась.

Из рассказа Зинаиды выходило так: Бобруйский пристав на старшей дочери женить хотел, та влюбилась в красавца Блохина без памяти. Последний особых чувств не питал, потому как...

— Вы Марию-то видали? — Носкова закатила трагически глаза. — Не любил ее пристав, но и не отказывался. Женихался примерно, визиты, букеты, все как положено. А в жовтне примерно вроде как поостыл. Манька все глаза выплакала, еще больше подурнела. А Нютка подружкам по секрету поведала, что пред ее чарами кавалер пал.

— В листопаде? — уточнила я с нажимом.

— В конце, пожалуй, — припомнила барышня. — Потому что в первых числах грудня Бобруйские на воды поехали, а перед тем как раз девичник у нас был, тогда-то Анна Гавриловна и разоткровенничалась.

— Далеко у них там дело зашло?

— До того самого, — ответила Зина с многозначительной гримаской. — И по всему получается, что покойный Гаврила Степанович дочурку на воды снарядил, чтоб вдали от знакомых от плода этих самых дел избавиться. Нютка толстухой форменной уезжала, а вернулась — кожа да кости.

— На отца барышни Бобруйские жаловались? — сменила я тему.

— Да постоянно. И тиран, и самодур, и тюремщик. В спальнях их запирает, чтоб потемну из дома не шастали. Только доверия к тем жалобам было немного. Постоянно то одна, то другая в городе без

сопровождения появлялась, я сама не видала, слуги донесли. Значит, не так уж крепки оказались запоры.

— А куда ходили?

— Про то не ведаю, врать не буду. Но поговаривают, барыня Нинель Феофановна азартна больно, еженедельно за картами замечена. А заведения отнюдь не приличные, вертепы.

Зинку было уже не заткнуть, она сыята сплетнями без остановки. И про девиц непотребных в тереме она знала. Все знали. Осуждали при этом отнюдь не сластолюбивого купчину, а супругу его, что достоинство дома не берегла.

Мне стало грустно и противно в равных примерно пропорциях, Семен скучал, не скрываясь поглядывая на часы.

— Что ж, — отодвинула я чашку. — Мы, пожалуй, пойдем, Зиночка. Служба. Рада была свидеться и поболтать.

Барышня Носкова попрощалась с нами на улице, избегая встречаться взглядом с Крестовским.

— Евангелина Романовна, — спросило начальство, когда мы остались вдвоем, — позвольте узнать, что вы Зинаиде Андреевне про меня наплели?

— Да какая разница?

— Очень уж волшебная перемена в барышне Носковой произошла.

— Женские секреты, — хихикнула я. — Вам их знать без надобности.

В терем Бобруйских отправились пешком, заглянули еще по дороге в банк, побеседовали недолго с управляющим. Тут я отступила на второй план, позволяя расспрашивать Семену. Солидному столичному чиновнику отказать не могли, управляющий обещал к вечеру выписки в приказ доставить.

Картина в моей голове складывалась неприглядная, под стать уездному городишке. Проходя по улице, я смотрела на золоченые вывески, нарядные фасады и знала, что за ними прячется беспорядок и разруха, которые непременно воцаряются там, где власть развращена безнаказанностью.

На краю площади Семен остановился у лавчонки гравировщика, скомандовал:

— Здесь обождите. — А сам толкнул дверцу.

Сквозь окно я видела, что хозяин, угрюмый пожилой гнум, поднял голову от работы, поздоровался, сказал: «Как обещал, отыскал блестяшку». По губам я уже читала перфектно, но вот по затылку Крестовского еще не обучилась. Гнум передал чародею какую-то вещицу, тот ее сунул в карман, положил на стол стопочку ассигнаций. Кто так делает? Даже не торговался! Меня бы попросил, «спасибом» бы обошлись. Ладно, на «спасибо» даже моих способностей бы не хватило, но...

— Чего застыли, Попович? — Веселый голос Семена прервал мои скопидомские размышления. — Или время тянете, чтоб с покойником сызнова не встретиться?

Я попросила уточнить, приноравливаясь к широкому шагу начальства. Оно благостно пояснило:

— Похороны сегодня. И будучи немного знакомым с Нинель Феофановной, предположу, что они в самом разгаре.

Во дворе Бобруйского терема толпился народ. Четверка лошадей, запряженная в траурный катафалк, перебирала благородно тонкими ногами, стайка профессиональных плакальщиц вопила, перекрикивая похоронный марш, исполняемый духовым пожарным оркестром. Экий балаган. Гаврила Степанович, земля ему пухом, ни на что не взирая, на тот свет отправлялся привычным манером, с нелепой помпой. Заколоченный гроб погрузили на катафалк, фореитор в ливрее с позументами щелкнул кнутом, процессия тронулась с места. Крестовский высмотрел подле крыльца священника, подошел к нему. Я подумала, что на кладбище мне делать нечего, а в доме, в отсутствие хозяев, много чего, и осталась стоять, изображая приличную скорбь.

Процессия выехала за ворота, последними следовали пожарные на открытой платформе с траурными венками. Семен со священником, беседа, неторопливо пошли к боковой калитке. Церковный служака, подросток с требником под мышкой, поотстал, чтоб разговору не мешать. Борода святого отца несколько затрудняла чтение по губам.

— ...обычай... таинство обряда... да уж давненько, года три или более...

Лицо Крестовского было от меня повернуто, потому видела я лишь половинку диалога. Мужчины попрощались, батюшка чародея благословил, Семен в пояс поклонился.

— Почему, — спросила я его, когда мы поднимались на крыльцо, — священник на кладбище с семьей не поехал?

Начальство нахмурилось.

— Плохой вопрос, Попович, не ко времени. Лучше обрисуйте мне свои дальнейшие действия.

— Слуг хочу допросить.

— Разве вчера вы этого уже не делали?

— Других слуг, не этих.

Придерживая мне двери, Крестовский удивленно приподнял брови, я пояснила:

— Те работники, с которыми я намеренно разговаривала, новые, менее недели назад нанятые, они даже первого жалованья получить не успели. А где старые? Где горничные доверенные? Мамки, няньки?

Бросив взгляд в распахнутые двери банкетной залы, в которой уже накрывали поминки, Семен Аристархович пробормотал:

— Действительно, где?

— Мажордом Тимошка, — кивнула я на ливрейного статного красавца у стола, — тоже из садовников переведен, сказал мне по секрету, что старую службу вовсе не рассчитали, а из дому на другие работы отправили.

— Куда?

— В загородное поместье, верстах в десяти от Крыжовеня. Но... — Держа театральную паузу, я воздела указательный палец. — Но прошлый мажордом Василий Василия уехать по здоровью не смог, старенький он, хворый. Поэтому...

— Умница. Так за чем дело стало?

— Тимошка не знает, куда Василича поместили. Никто не знает. Внучка его, Василича, потихоньку раз в день на кухню за провизией пробирается...

— Идемте! — перебил меня Крестовский, беря решительно под руку. — Проведете мне экскурсию по тайным ходам.

Начальственного воодушевления разделить не получалось, старичка-мажордома я помнила еще по балу, ничего исключительного, кроме зычного голоса, я за ним тогда не заметила. Значит, старец чародеем, скорее всего, не был, и как Семен Аристархович его разыщет, натурально не представляла. Но Семен вошел уверенно за дверцу с лепниной, поднялся по лестнице на второй этаж, осмотрелся.

— Будем рассуждать. В подвале запирают старика не будут, значит, остается чердак. Стало быть... — Он запрокинул голову, поднял руку, нажимая ладонью на беленый кружок потолка, но ничего не произошло.

— Может... — пробормотала я, но смолкла, кружок опустился, мы едва успели шагнуть назад, и на площадку перед нами выехала деревянная лестница со ступеньками-перекладинами, похожая на садовую.

«Перфектно», — решила я, устремляясь наверх за начальством. Семен подал мне руку, помогая подняться на чердак. Он был обычным, то есть пыльным, опутанным паутиной и населенным мышиными ордами. Необычным, пожалуй, было отсутствие в нем всякого хлама. Крестовский пригибался, чтоб не стукнуться о балки, мы обогнули массивную колонну печной трубы. За нею обнаружилась постель — набитый соломой дрянной тюфяк. На нем лежал старик. Испугавшись нового покойника, я ахнула и заметила фигуру, юркнувшую почти бесшумно за трубу.

— Акулина, — позвала я, — не бойся. Нас Тимошка прислал.

Начальству же шепотом сказала:

— Ее Акулькой зовут, внучку. Она того... дурочка.

Семен опустился на колени перед постелью, потрогал морщинистую шею старца, оттянул складки век. Запах мяты наполнил ноздри, чародей забормотал что-то свое, тайное, спрятав ладонь под драное одеяло на груди старца. Внучка с опаской выглянула. Было ей годков сорок, на лице расплывалось багрово-коричневое пятно ожогового шрама, нечистые волосы заправлены за уши.

— Тимошка? — спросила дурочка.

— Он нам сказал, где тебя разыскать, — соврала я.

— Тимошка добрый.

Василий Василия всхлипнул, открыл глаза, Семен повернулся ко мне:

— Допрос веду я.

Возражать я даже не подумала. Старик действительно был плох, Крестовский, не прекращая чардействовать, говорил с ним ласково и терпеливо слушал.

Акулина поманила меня.

— Чего покажу! — Я приблизилась, на ладони дурочки лежал бумажный цветок. — Милый друг подарил.

— Красиво. — Улыбка получилась не особо, искусственная хризантема, щедро присыпанная блестками, была явно с траурного венка.

— Гаврила. — Женщина с причмоком поцеловала цветок, ее губы заблестели. — Любименький.

— Прощаться она с барином тайком ходила, — прохрипел старик.

— Они в отношениях состояли?

Жар от трубы вызывал слабость, голова немного кружилась.

Василия то ли хихикнул, то ли кашлянул.

— Скажете тоже, в отношениях. Куролесили по молодости. Давно, еще до того как барыня наша Бобруйской стала. Я старшим лакеем тогда служил, Акулька, стало быть, горничной при барышне Неониле. Вот с управляющим и закрутила. Она ведь не внучка мне вовсе, Акулька-то. Новый барин, Гаврила Степанович, когда это все с нею приключилось, просил сироту не оставлять, денег даже дал. Это теперь Акулька за мною ходит, а раньше я за нею смотрел.

— Что приключилось? — Мой голос звучал как будто издалека.

— Я, барышня столичная Евангелина Романовна, — сказал высокомерно старик, — не приучен, чтоб про хозяев сплетни распускать.

— Вам, Василий Васильевич, не о верности господам думать надобно, а о том, чтоб на том свете с вас за чужие грехи не спросили.

— Попович, — ахнул шеф, — какая неожиданная жестокость!

— Да ему сто лет в обед, — возразила я холодно. — Апостол Петр уже ключами позвякивает в ожидании. Только рай он Василию не отопрет, велит на вечные муки отправляться. И все потому, что Василий тот содействия в сыске не оказал, закон имперский тем понося!

Представление, которое мы сейчас разыгрывали, называлось «злой и добрый допросчик», я играла за злого. Семен, следуя роли «доброго», пробормотал:

— Слабый пол в лютости сто очков вперед сильному даст.

Мажордом с этой сомнительной сентенцией согласился и, ощущая с чародеем мужское единение, выложил нам все.

Мария Гавриловна Бобруйская, которой еще и десяти лет тогда не исполнилось, во время ссоры с любовницей папеньки перевернула на нее чан с кипящей смолой. Отмахнувшись от фантазий про рыцарские замки с осадами, во время которых чаны подобные использовались, и поняв, что событие произошло на хозяйственном дворе, где работники попросту смолили бочки, я до боли кусала губы, чтоб не вступить за честь всех женщин Берендии.

— Вот вы, превосходительство ваше чародейское, — говорил мажордом, — правильно заметили, в злобе женщины сильнее мужиков. Некоторые с малолетства это показывают. И Мария Гавриловна из таких. Ух и зловредная! Демоница, форменная демоница. И хитрая притом. Когда служанке потравленной, к примеру, вздумывалось правды у барина искать, беспамятством отнекивалась. И все с рук сходило.

— Потравленной? — переспросил Крестовский, упреждая мой вопрос.

Все правильно, он беседу ведет, мне не встревать. Пока мажордом рассказывал про барышню-отравительницу, Семен достал из-под подушки аптечный пузырек.

— Ваше лекарство?

Старик рассеянно подтвердил, продолжая свой рассказ:

— Когда Нюта-ангелочек на свет появилась, Мария такую радость перед папенькой изображала, любо-дорого глядеть. Только младенчик болеть начал. Барин, не новый, а Калачев еще, быстро смекнул, что к чему, царствие ему небесное, на правнучку завещание оформил. И что думаете? На глазах Аннушка поправляться стала. Оттого что Мария смекнула: помрет сестренка, они с Гаврилою по миру пойдут.

— Понятно теперь, отчего господин Бобруйский старшую дочь запирает ежедневно, — сказал Семен, понюхав пузырек и возвращая его на прежнее место. — Только почему он остальных своих родственниц под замком держал?

— Так это еще при прежнем барине заведено было, старой закалки человечье был, посконной. Баба место свое знать должна...

Старик еще бормотал что-то мизогинистическое, но все тише и тише, беседа его утомила. Крестовский вытер со лба испарину.

— Акулина, голубушка, проводи нас с барышней к выходу.

Разумеется, с чердака был и другой ход, потому что больного деда по садовой лесенке сюда было никак не затащить. Дурочка, улыбаясь и бормоча «Маня хорошая», повела нас вдоль несущей балки. Через полсотни шагов в полу обнаружилась дверца с железным кольцом-ручкой.

— Каков вердикт? — спросил Семен, спускаясь первым по дощатым ступеням.

— Осужденный за убийство, — ответила я, принимая его руку, — лишается всех прав владения в пользу ближайших родственников. То есть, если Анна Гавриловна, чисто гипотетически, удушила папеньку, ее состояние перейдет Нинель Феофановне, а в случае кончины последней — сестрице Марии Гавриловне.

— Мотив?

— Месть за погубленного любовника. Хороший мотив, драматичный даже.

— То есть вы в него не верите?

— Нет. Это для фильмотеатра подошло бы идеально, для пьески театральной. Предположу, что все гораздо прозаичнее. Деньги.

— Вы, Евангелина Романовна, — сообщил шеф, — обладаете тонким умом и иоистине мужским хладнокровием.

Восторга в его голосе я не уловила. Подумалось, что Крестовский последние дни ведет себя как строгий экзаменатор, как будто оценивает, на что я без его помощи способна.

— Ну что ж, — сказала после паузы, — дело наше здесь почти закончено.

— Почти?

— Раз прямых улик нами не обнаружено, а косвенные указывают на обеих барышень... — вздохнув, я покачала головой. — Нужно признание. Преступник наш — особа хитрая, но склонная к театральным эффектам. На этой страсти мы его и подловим.

— Значит, — Семен достал часы, щелкнул крышкой, — после поминок мы с вами, Попович, проведем перекрестный допрос?

— Сегодня?

— Не вххжу смысла тянуть. Велите Тимошке кого-нибудь из слуг в приказ отрядить. Пусть подозреваемую сюда на закате доставят под конвоем.

«Присутствие Бархатовой лишним не будет, — решила я, разыскивая мажордома. — Она и показания про отравление повторит на публику, чем обстановку расшатает. Да и конвойные для нового ареста пригодятся».

Хотелось в баню и есть. Покойники наши многочисленные аппетита меня лишали, потому в желудке сейчас камнем лежал кусочек утреннего пирожного. Здесь перекусить с прочими гостями? Узнав о склонности Марии Гавриловны к употреблению ядов, не рискну.

Семен следовал за мною неотлучно, ничего не говорил, но посматривал со значенххем. Голова возвращающейся траурной процессии уже показалась в воротах, внешние ставни с окон сняли, и из столовой просматривался двор. Я ощутила неожиданное раздражение, не деловитое, не азарт, а будто...

— Что не так? — бросила я Семену Аристарховичу.

— Это вы мне скажите.

— Я что-то упустила?

Чародей не ответил, пришлось соображать самой. Присев на подоконник, я забормотала:

— Достойное провинциальное семейство... Отбросим сейчас сомнительность этого самого достоинства, как и чудовищность местных обычаев... Почему сейчас? Так понятно, со дня на день Нюту собирались в монастыре заточить, время поджимало. Предположим, постригли девицу. Марии с этого что? Даже проще, между нею и деньгами только папенька останется. Нинель Феофановну сызнова на зелье какое посадить... Ее же травили, барыню, помню, какая она на балу была... Нет, плохо. То есть обычно, без блеска. На кого тогда убийство повесить? На случайную любовницу купца? Сейчас как раз петелька получилась, сыскари от подозреваемой Бархатовой на другую персону выходят. Письмо и пинетки в дамские спальни подложили уже после моего первого обыска, в этом я уверена...

— Письмо, — подсказал Крестовский.

— Что?

— Геля... — сокрушенно покачал он головой. — Откуда у барышни Бобруйской оно оказалось?

— От бандерши Мими. Шеф! Это ведь значит, что...

— После додумаете. — Семен Аристархович повел подбородком, указывая на дверь, где уже появились первые гости. — Работайте, а с театральными эффектами я вам подсоблю, по-своему, по-чародейски.

Поминки в нашем богоспасаемом отечестве проходят примерно одинаково, невзирая на статус покойного, сначала грустно и торжественно, а после третьей примерно рюмочки... Нехристь Мамаев мне как-то объяснял, что эти наши обычаи из стародавних языческих времен происходят, когда и смерти не боялись, и жили недолго, потому весело.

Рассаживанием за трапезой занимался Тимошка, недавно ставший мажордомом, и потому оказались мы с начальством на другом конце стола от скорбящего семейства. Побалтывая ложкой в поминальной похлебке, я читала по губам.

— Капелек вам бы принять, маменька, — говорила Мария Гавриловна, подтверждая свой статус отравительницы. — Притомились вы...

— Брось притворство... — Нюта на сестру не смотрела. — Тот, ради которого ты любящую дочурку разыгрывала, уже в котле адовом варится.

— Девочки, не ссорьтесь...

— Не желаю с нею под одной крышей жить!

— Я на рассвете уеду...

— Куда?

— В поместье поживу, пока распутица, а после...

— Что — после? Фантазерка. Без меня тебе не выжить, под фонарем закончишь, тело свое жирное предлагая.

— Девочки...

— Не останавливайте меня, маменька. Я этой лгунье все в глаза выскажу. — Анна Гавриловна притом вовсе в пространство смотрела, только губами шевелила — что-что, а лицо держать умели все женщины купеческой фамилии.

— Машенька, — вдова потрепала старшенькую по плечу, — не сердись. Нюта сейчас не понимает, что болтает. Она остынет и нас с тобою не оставит, устроимся уж как-нибудь. Хочешь в поместье поселиться, изволь...

— И маменьку с собою прихвати, — предложила Анна Гавриловна, — хорошо вам вдвоем будет, весело.

— Нюта!

— За то, что вы со Степаном сотворили...

— Замолчи.

— Ведь обещали, что если уеду, если соглашусь...

— Степана Фомича... — начала было Мария, но Нинель Феофановна что-то такое сделала под скатертью, может, за колено ущипнула, отчего барышня вздрогнула.

— Молчать, обе рты на замок! — велела вдова. — Родителя нынче потеряли, извольте скорбь проявить.

Анна Гавриловна бросила на стол салфетку, поднялась и вышла из залы.

Я посмотрела на Крестовского, он кивнул, прикоснулся пальцами к галстуку. «Ступай, если что, оберег используй», — расшифровала я пантомиму и выскользнула через другую дверь.

Нюту нашла в обширной гостиной первого этажа на мягком диванчике. Девушка рыдала, размазывая слезы по лицу. Присев рядом, я протянула ей платок.

— Тяжко...

Барышня трубно высморкалась.

— Можешь меня Геля звать, — сказала я дружелюбно и негромко, — мы ровесницы почти.

Анна молча скривилась, я вздохнула:

— Ровесницы, и сироты обе, у меня тоже из родных только мачеха.

Собеседница протянула с неожиданной злобой:

— Предупреждали меня, что ты лисица хитрая, столичная штучка.

— Это потому что рыжая, вот народ хитрость и мнит, по аналогии.

— Народ...

— Именно. Ну, чего рыдаешь? Папенька-мучитель отошел, богатой наследницей тебя оставил, заживешь теперь.

— Да много ли радости от богатства?

— Это ты мне скажи.

Голубые глазки блеснули.

— Буду теперь родственниц мучить, за смерть любимого наказывать.

— Матушку с сестрицей?

— Их! — Барышня, повеселев, села прямо, ножку на ножку закинула, вальяжно спросила: — Как у тебя получается женихов менять? На балу репортеркой представилась, нового пристава невестой, теперь его превосходительство крутишь?

— Неправда это, господин Крестовский — начальник мой строгий, а сердце только Григорию Ильичу принадлежит. — В доказательство я подняла руку с кольцом. — Приставу.

— Не живут у нас долго приставы.

— Может, лишь те, кто твоему папеньке покойному дорогу переходил?

— Много ты знаешь! — фыркнула Нюта, достала из кармана портсигар и, чиркнув спичкой, закурила пахитоску.

Поморщившись от дыма, я предложила:

— Так расскажи, постороннему человеку это легче и не опасно нисколько, я в столицу скоро уеду, а со мной и твои тайны.

— Тайны! Да все они здесь как на ладони. Был у меня любимый, был да сплыл, потому что сестрица счастья моего не желала, а родители... — Она закашлялась, сплюнула на ковер, бросила туда же окурок, прижав его к ворсу подошвой туфельки.

На пальчиках барышни желтых следов я не заметила, значит, пахитоски у нее не в привычке, значит, передо мною «фам фаталь» разыгрывает.

— Любимого ты у сестрицы отбила?

Вопрос ей понравился, он роли роковой красавицы соответствовал.

— Степан, знаешь, какой был? Красавец, офицер... Он как в доме появился, так и вспылал ко мне. Только его к Маньке подталкивали.

— И ты сразу вспылала?

— Я? — Нюта серебристо рассмеялась. — Поначалу радовалась даже, что толстухе нашей такое счастье привалило. Я ведь, Геля, добрая очень, оттого и страдаю. Думала, пусть хоть эта корова злоязыкая счастлива будет, все сплетни, что она про меня распускала, простила. На авансы Степановы в мою сторону даже не смотрела.

— Что за авансы?

— Что? — Барышня очнулась от воспоминаний. — Да обычные — букеты, вздохи. Степушка, разумеется, приличия блюл. Ежели цветы, то всем троим, но мне самый красивый букет всегда

преподносился. Или вот, к примеру, приглашает он обеих барышень прогуляться, а я скажусь больной и не выхожу, так он вздыхает.

Да уж, осада так осада.

— Револьвер у него ты попросила?

— Откуда знаешь?

— Нашли его в вещах Блохина.

— Попросила! Потому что за жизнь свою боялась.

— И в кого палить думала?

— Уж нашлось бы в кого. — Анна поджала губы.

Я сменила тему:

— А когда у вас сладилось с бравым приставом? Когда ты чувства его приняла?

— В листопаде. Манька совсем вразнос пошла, подсыпала мне гадости какой-то в кушанья, я половину месяца в постели провела. Степушка о здоровье справлялся, поклоны передавал. Ну и...

— Встречались где?

— В саду либо в городе.

— На его квартире?

Ротик барышни удивленно приоткрылся.

— Да как можно? Чтоб незамужняя девица на квартиру к мужчине пошла?

«Сад? Улица? В листопаде заморозки уже. Кажется, разговор заходит в тупик», — решила я и ляпнула без экивоков:

— Про беременность ты Блохину говорила?

— Какую еще беременность?

— Из-за которой тебя в монастырь на Мокшанских болотах увезли.

— Манька насплетничала? Вранье это, как есть вранье! Мы со Степушкой даже поцеловаться ни разу не успели. Знаешь, как нас раскрыли? В саду нашем мы с милым другом в беседке любезничали, а Манька-корова из ревности...

Их застукал отец. В оправдания молодых людей не поверил, пристава избил, из дома вышвырнул.

— Орал, мол, демон в меня вселился, орал, что байстрюков не допустит. А мне пригрозил, что, если непослушание проявлю, в обитель не поеду, Степушку со свету сживет. Все они мне обещали, что Блохина не тронут. Я послушалась, а когда в Крыжовень

вернулась, Степана уже на свете не было! Подлые люди! Когда убийцу этого, которого я и отцом называть не желаю, заколотым и придушенным нашли, я сразу подумала: правильно все, око за око, зуб за зуб. Я за здоровье этой Дульсины самую толстую свечку поставлю, чтоб ей на каторге жилось легче.

— Нюта! — В дверь гостиной заглянула Мария Гавриловна. — Маменька тебя зовет.

— Лживая корова! — припечатала ее младшенькая и, ни на кого не глядя, удалилась.

Маша посторонилась, пропуская ее, опустила голову. Я заметила слезы, предложила:

— Присядьте, передохните.

Барышня опустилась тяжело на диванчик, промокнула щеки носовым платком.

— Скорее бы все закончилось!

— Не ладите между собой?

— Не ладим. Как кошка с собакой с самого младенчества Нютино.

— А маменька?

Девушка вздохнула.

— Маменька виною страдает, говорит, припадки сестрицы от Калачевых по женской линии пошли.

— Припадки?

— И фантазии всякие. Она не злая, в общем, Аннушка, но иногда как демон в нее вселяется.

Мария Гавриловна говорила рассудительно и была лет на десять старше меня, поэтому «тыкать» ей я не стала.

— Этот демон вашу сестрицу на адюльтер с Блохиным толкнул?

Барышня пожала рыхлыми плечами.

— Кто ж теперь разберет.

— Ревновали жениха к сестрице?

— Никогда. Вы, Евангелина Романовна, сперва на нее, красотку, взгляните, после на меня. Неужели у меня хоть единый шанс против Нюты был? Я смирилась, даже радость пыталась почувствовать, что у Степана Фомича все сладилось.

Следуя моим уточняющим вопросам, старшая барышня Бобруйская изложила мне свой вариант истории. Любви к жениху-

изменщику она не скрывала, обиды не показывала. Степан сделал Марии предложение, она знала, что чувств он особых не питает, но согласилась. Тогда, в отсутствие других перспектив, Степан Фомич говорил о браке, как о содружестве двух взрослых неглупых людей, говорил, что в жене ценит не внешность, а доброту. Это уже потом Маня поняла, что он ей, дурнушке, голову морочил.

— Понимаете, в комплименты либо объяснения в любви я бы не поверила. А так... Тем более, что папенька постоянно Степану Фомичу на женитьбу намекал при свидетелях. Мы решили не торопиться с оглашением, чтоб на Пасху венчаться. В жовтне у Степана с батюшкой какая-то размолвка произошла, тут и сестрица Анна Гавриловна решила в бой вступить.

По словам Маши, Нюта буквально преследовала пристава, донимая его своими ужимками. Бессчетные как бы случайные встречи наконец завершились девичьей победой, Маша видела прогуливающуюся парочку то здесь, то там, Анна Гавриловна кокетливо сообщала сестрице, что ничего такого между ними нет. Только и слухи пошли.

— Отчего же Нюта так располнела? — спросила однажды Нинель Феофановна и отправилась с младшей дочерью к лекарю.

Вернулась они в разном настроении, маменька в тревоге, сестрица — довольная обновками, после посещения кабинета она по лавкам модным прошлась. Нинель Феофановна на расспросы падчерицы отнекивалась, но заперлась с супругом для тайного семейного разговора.

— Когда это было? — спросила я.

— Листопада двадцать девятого числа, — ответила Маша. — Дату эту я так прекрасно запомнила, потому что тридцатого батюшка Нюту со Степаном в беседке нашей в саду застал, и мы сразу в дорогу засобирались.

— Ваша сестрица утверждает, что в интимной связи с приставом не состояла.

Мария Гавриловна невесело улыбнулась.

— Она не помнит просто, при ее припадках — обычное дело.

«И вообразимее, чем непорочное зачатие», — подумала я, а вслух предположила:

— То есть Анна Гавриловна вполне могла и батюшку порешить, не приходя в сознание?

— Это невозможно.

Я поняла, что такие мысли Марию тоже посещали.

— А, например, письмо написать? — Передав собеседнице улику, я смотрела, как по мере чтения ее глаза наполняются слезами.

Вернув мне письмо, она помолчала, справляясь с чувствами, и сказала:

— Это не Нютин почерк. Предположу, что это батюшка послание составил.

— Почерк явно женский.

— Это вас завитушки обманули. — Девушка вздохнула. — Да вы у кого угодно спросите, хоть у господина Хруща.

— Анна Гавриловна его также опознает?

— Разумеется. — Мария поднялась с дивана. — Мне, Евангелина Романовна, возвращаться надобно.

— Еще один вопрос, — остановила я ее. — Фамилию того лекаря, к которому Нинель Феофановна Нюту водила, помните?

— Фамилию? — Барышня наморщила лоб. — На Швейной улице у него кабинет... Он всех нас пользует, лысоватый такой, из ссыльных. Халялин!

Поблагодарив, я сослалась на головную боль и желание подремать в одиночестве, а дождавшись, когда собеседница уйдет, выбралась из дома черным ходом.

— Попович, вы меня в гроб угоните! — ругался Крестовский через два с половиной часа, когда я уже снимала в прихожей позаимствованный у истопника тулуп и дожевывала ватрушку, купленную на базарной площади. — Было же велено ни на шаг...

— Ваше пре-превосходительство, — пропела я и чмокнула чародея в нос, вызвав его немалое удивление, — кто у нас молодец? Я у нас молодец!

— Вы пьяны?

— Пришлось чуточку для сугреву и беседы поддержания.

Ноздри начальства раздулись:

— Спирт?

— Экий вы сыскарь! — похвалила я, взъерошив львиную начальственную гриву. — Ладно, работаем. Семейство где? Ждут

вердикта? А приказные? Собачку мне еще подать!

Последнее, что я увидела, — синие как сапфиры глаза Семена Аристарховича и длинные его белые пальцы, плетущие волшбу. Мятой запахло уже в темноте, я заснула.

Богатый терем купца Бобруйского погружался в сумерки. Вечерело, даже самые стойкие из скорбящих, сидящие за длинным поминальным столом, начинали подумывать об уходе. До безобразия напившийся Хрущ рыдал, обхватив за плечи мажордома.

— Гаврила Степанович! Барин! На кого...

— Андрон Ипатьевич! — Маша Бобруйская разомкнула мужские объятия, отвела адвоката в смежную со столовой гостиную. — Присядьте, выпейте кофе.

В ее руках появился пузырек темного стекла, содержимое масляной струйкой полилось в чашечку.

— Никто его не любил, барина, — всхлипнул Хрущ, опускаясь на стул. — А я любил.

— Это потому, что батюшка вас с малолетства... Пейте.

— Маня... — Адвокат обхватил стоящую девушку за бедра, уткнувшись лицом ей в живот, забормотал невнятно. — Он же добрый был, батя твой.

— Был да весь вышел. Пусти.

— Не пущу! Ты мягкая и пахнешь хорошо. А ежели боишься, что я тебя того... этого... Так сообщу тебе без утайки, чтоб ты знала...

Девушка вырвалась, схватила адвоката за волосы и, запрокинув ему голову, влила в рот содержимое кофейной чашечки.

— Не трудись, Андроша, все про тебя все знают.

Хрущ закашлялся, разбрызгивая бурую слюну.

— Зелье какое?

— Такое. — Маша присела в соседнее кресло. — Назову его «Отрезвин», лавку аптечную открою, да и буду им торговать.

— Вся в бату, знаешь, где выгоду поймешь. — Хрущ потер лицо, поморгал, удивленно проговорил: — Действительно весь хмель улетучился!

— Вот и славно. Его превосходительство горничную прислал, они скоро с Евангелиной Романовной к нам выйдут.

— Откуда?

— У барышни мигрень приключилась, в диванной прилегла.

Адвокат зевнул украдкой и вдруг испуганно вытаращил глаза:

— Что ты там про «все всё знают» говорила? Все? И барин знал?

Мария Гавриловна кивнула.

— Думаешь, почему, когда ты лет десять назад свататься ко мне пришел, он тебе по уху съездил?

— И после денег дал, чтоб адвокатскую практику открыть... — Хрущ заплакал, но тихо, без всхлипов.

Маша поморщилась.

— Дело прошлое, не нужно сейчас ворошить. Не рыдай и не пей больше, нам твоя помощь нынче понадобится.

— Какая помощь?

— Адвокатская. Эта Попович до мигрени своей очень любопытные вопросы мне задавала. Не верит она в вину актрисы Дульсинеи, другого подозревает, а точнее — другую. И очень меня это тревожит, Андрюша. Потому что...

— Маня, — по-бабьи всплеснул руками Хрущ, — это ведь не ты? Не ты Гаврилу Степановича порешила?

Девушка лизнула вымазанный чернилами пальчик и стала оттирать пятно носовым платком.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в коей надворная советница утоляет свою страсть к театральным эффектам во имя закона и правопорядка

В преступлениях, учиненных несколькими лицами по предварительному их на то согласию, признаются зачинщиками те, которые, умыслив содеянное преступление, согласили на то других... Сообщниками — те, которые согласились с зачинщиками или с другими виновными совершить преступление.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845

Нет, я, конечно, Семена Аристарховича уважаю безмерно, но нельзя было бы мне в Крыжовень другого чародея прислать? А именно статского советника Зорина, который одним щелчком по носу страдающую персону отрезвить может! Ну куда это годится? Проснулась я с тяжелой головой, мучимая жаждой и в самом гнусном расположении духа. Крестовский сидел в двух шагах у низкого столика, читал романчик в потрепанной обложке. На мой стон «пить!» мерзейше ухмыльнулся и с преувеличенной медлительностью налил воды в стакан из хрустального графина. Струйка била в стекло с водопадным рокотом. За воду в Берендии не благодарят, примета такая, я и не благодарила, опустошила стакан, подставила его за добавкой.

— Времени сколько?

— Все ваше, Попович. Не желаете объяснить?

Прислушавшись со вниманием к организму, я решила, что ни в малейшей мере, о чем и сообщила.

— С кем пьянствовали?

Обведя взглядом покои, в которых почивала, я прикинула, что всех Бобруйских тайных ходов я не развела, так что за любую из

масляных картинок любопытные глаза и уши могут скрываться, и ответила уклончиво:

— Это по работе.

— Отчего же, Евангелина Романовна, мне, к примеру...

Заскучала я довольно быстро. Нотация затягивалась, отчего-то став похожей не на служебную, а вовсе семейную. Я была названа легкомысленной, порывистой, не дающей себе труда подумать о последствиях своих действий. Близкие мои от этого страдали. Для виду с каждым словом начальства соглашаясь, я не могла сдержать торжествующей улыбки. Заметив это, Семен вздохнул, прервав на полуслове обвинительную тираду.

— Ладно, Попович, оставим.

— Вот и славно.

Поднявшись с низкого диванчика, я пошатнулась, справляясь с головокружением. Все-таки не предназначен дамский организм к употреблению крепких напитков, даже если дама суфражистка и надворная советница.

Крестовский подобрался, наблюдая мои движения, чтоб подхватить, ежели сомлею, проговорил, будто извиняясь:

— Для излечения мне требуется непосредственный контакт с солнечным сплетением...

Вообразив, как шеф в чужом доме стягивает с меня платье, обнажая грудь, я замахала руками:

— Пустое! Сон меня освежил.

— Настолько, что работать сможете?

Изобразив мощную берендийскую бабу, я уперла руки в боки, беззвучно сообщила:

— Мы их сделаем, Семушка.

Он не поверил, я точно видела тень сомнения в сапфировых чародейских глазах, но улыбнулся.

Пройдясь по комнате из конца в конец и выпив еще воды, я тоже уверенность немного растеряла. Вдруг ошибаюсь, вдруг упустила чего? Злыдня эта хитроумная гораздо честных сыскарей за нос водить. Может, на завтра допрос отложить? Утро вечера мудренее. Лучше в баню отправиться, косточки попарить, отмыться. Я же грязная, как чушка, и платье мятое. Может, лавки еще не закрылись, и я успею свежий наряд из готовых приобрести. Нет, Геля, нельзя откладывать.

Злыдня медлить не собирается, напролом к цели прет. Пока ты перышки чистить будешь, у Бобруйских покойников прибавится. Это ведь так просто: яд или петля, самоубийство от невыразимой скорби.

Развернувшись на каблуках, я спросила:

— Поминки закончились, можем к допросу приступать?

Семен сделал глоток из моего стакана, в груди кольнуло. Такой интимный жест, такой родной.

— Ни о чем не забыли, Евангелина Романовна?

Мысленно вызвав перед собою паутинку сыскарской схемы, я ответила по уставу:

— Никак нет.

— Даже о посещении дамской комнаты?

— Вот весь вы в этом, ваше превосходительство, — бормотала я, толкая дверь и быстро идя по коридору, — только бы барышню чиновную позорить.

Крестовский шагал следом и остановился лишь у порога упомянутого помещения. И то потому, что я непотребным нарушением интимности возмутилась, а так бы и внутрь вошел. Видимо, мое отсутствие и то, что я о нем не предупредила, чародея встревожило не на шутку.

Умываясь перед зеркалом, я старалась в него не смотреть, но пришлось. Чучело. Форменное чучело. Волосы — солома, лицо синюшное, только на щеках румянец, будто свеклой притирали. Веснушки еще. Вот бы зима была в Берендии круглогодично, чтоб рыжих барышень от этой напасти избавить. Кое-как заколов выбившиеся из прически локоны, я вышла в коридор.

— Попович готова к бою, — одобрил шеф. — Мне сообщили, что из приказа еще не явились. Желаете арестантку дожидаться?

— Без нее начнем, — решила я после недолгого размышления.

— Извольте.

Сбившись с шага, я пытливо посмотрела в лицо начальства.

— Семен Аристархович, вы меня, что ли, экзаменуете?

— Просто хочу удостовериться, что надворный советник Попович способна... Бросьте, Геля, после поговорим.

— Лучше сейчас, чтоб недомолвки меня от допроса не отвлекали. Вы же меня знаете, я о двух вещах одновременно думать не умею. Что произошло? Меня в другой приказ переводят? В тайный?

Шеф не ответил, повел рукой, приглашая продолжать движение. Я подумала, что канцлер вполне мог сообщить Крестовскому о своем мне предложении, и думать об этом перестала. Если мы с чародеем живыми и здоровыми из передряги выберемся...

Нет, и эту мысль прочь.

Дорогу Семен Аристархович знал, успев изучить план дома либо расспросив прислугу, пока я веснушками в уборной любовалась. Посему уверенно провел меня через залу с оленьими рогами на стенах. За аркой была гостиная, предназначенная, пожалуй, не для самых уважаемых визитеров. В ней мы увидели адвоката Хруща с Марией Гавриловной.

— Отдохнули? — спросил Андрон Ипатьевич весело. — А мы с Машенькой, представьте, прожекты строим. Она ведь по зельям мастерица, вот и надумала аптечное дело открыть. Талант. Форменный талант.

Я посмотрела на пузырек, который «форменный талант» крутила рассеянно в руке. (Указательный палец измазан чернилами. Не забыть. Это важно.) Хрущ продолжал разливаться соловушкой:

— Провизорское разрешение я выправлю, заведение арендуем. А кроме привычных товаров предложим народу специальное наше исключительное средство «Отрезвин». Несколько капель в рот, и от хмеля ни следа.

Отобрав пузырек у Марии, он сунул его мне. На Крестовского адвокат старался не смотреть. Вытащив притертую пробку, я понюхала. Пахло густо и довольно приятно. Семен помешать не успел. Я вылила в рот остатки из пузырька и зажмурилась. В голове бахнуло, не громко, а будто подушкой пуховой со всей дури приложили, только не снаружи, а изнутри. Мгновенно полегчало, отпустила давящая на виски боль, взгляд прояснился, мысли выстроились четко, как солдаты на плацу. Все у меня сходится, нигде концы в версиях не торчат. Полотно, конечно, прелюбопытное получилось, необычайно сложное, но без единой помарки.

— Принимайте первого клиента, Мария Гавриловна, — улыбнувшись, я поставила пустой сосуд на стол. — Зелье действительно волшебное.

Барышня поджала губы:

— Отважная вы, Евангелина Романовна. А вдруг я бы отравить вас хотела?

— Захотели бы, гораздо хитрее бы действовали. Вы ведь умная, барышня Бобруйская, очень умная.

— Не знаю, чем заслужила столь лестное ваше мнение.

— Расскажу, — пообещала я. — Все подробно и по порядку. Идемте, господа, устроим представление для всех заинтересованных. Шеф, то есть Семен Аристархович, меня обычно за театральные эффекты ругает, но сегодня можно. Потому как дело наше столь на пьесу похоже, что именно такого финала требует.

Превесело болтая, я успевала заметить все: и встревоженные взгляды, которыми Хрущ с Марией обменялись, и нездоровую бледность последней, и пятнышки на ее щеках. Я знала, все знала. Удивительно даже, что раньше не догадалась.

Призванная колокольчиком горничная сказала, что для беседы барыня велела гербовую залу подготовить и что именно туда служивых из приказа направят, как только они появятся. При словах «гербовая зала» я едва не рассмеялась. Вот ведь провинциальная комедия! Меня переполнял хороший сыскарский кураж. Перфектно.

Герб там действительно был, в зале этой, обшитой лакированными дубовыми панелями от пола до потолка. Последний украшала медная люстра, висящая над столом. Обстановка походила на убранство рыцарского заграничного замка, как их принято показывать в фильмах. Я даже прикинула, что здесь вот, под гербом с паровозными шестеренками и куньими хвостами, вполне можно было бы полонянку приковать, чтоб Бесник (он именно такие роли обычно и играет) томился от неразделенной любви на этих вот пристенных сундуках, расставленных по периметру помещения на манер лавок. А ежели сцену батальную предстоит сыграть, так он любое оружие из держалок кованых может выхватить. Вон его сколько: и мечи старинные, и копья, и алебарды.

Велев служанке принести из прихожей мой саквояж, я прошла к столу. Нинель Феофановна, отвернувшись при нашем появлении от окна, встревоженно проговорила:

— Неужели дело еще не закончено? Господа, вспомните о приличиях, оставьте семейство наше предаваться скорби.

Обращалась она к Семену, но ответила Мария Гавриловна.

— Ее высокоблагородие считает, что Дульсинея батюшку не убивала.

Вдова всплеснула руками.

— Да как же так?

Машенька принялась капать что-то из другого пузырька, отпаивать барыню. Хороший травяной дух разбавил затхлость помещения. Проветрить тут не помешало бы и за панелями посмотреть, не сдохла ли там какая мышь или даже целая орда зловредных грызунов.

Служанка принесла мой саквояж, я поставила его до поры у ног. Обширный стол был рассчитан на более многолюдное собрание, а нас было шестеро. Я сидела во главе, чтоб видеть всех присутствующих, по правую руку устроился чародей. Прочие заняли стулья слева.

— Дамы, — проговорила я торжественно, — господа...

— Чаю принеси! — перебила барыня, обращаясь к горничной.

Служанка юркнула за дверь. Мы молча ждали. Тишина была тревожной, нагнетающей, грозящей вот-вот взорваться чем-то невообразимым. Мой кураж исчез без следа, сменившись недобрым предчувствием. Что не так? Где-то я все-таки ошиблась?

Теплая рука Семена нашла мою под столом, мои пальцы дрожали. Кашлянув, чародей спросил, глядя в пространство:

— Любопытно, что символизируют паровозные детали на вашем фамильном гербе?

Ему не ответили, только Анна Гавриловна фыркнула.

Но тишина уже была нарушена, и гнетущее чувство отступило. Пожав благодарно мужскую ладонь, я сложила руки перед собой. Вошли слуги, стали накрывать стол к чаепитию, застелили его ажурной скатертью, расставили приборы, горки с пирожными, нарядный самовар. Меня слегка мутило от духоты, потому яства интереса не вызвали.

— А собачка куда подевалась? — спросила я Машу, сидящую ближе всех.

— Маркиза? Ума не приложу.

— Сбежала, наверное, — несколько визгливо сказала Нюта. — Обморочный студень, перестарок. Вы бы, господа столичные чиновники, в своем Мокошь-граде порядок навели. Где это видано — под видом щеночка старуху подсовывать?

Семен Аристархович пообещал непременно разобраться, спросил о приметах продавца. Их знала Нинель Феофановна, и по ее описанию можно было хватать большую половину столичного населения, то есть мужскую его половину.

Слуги ушли, почтительно прикрыв двери. Крестовский сказал негромко:

— Его высокоблагородие Попович Евангелина Романовна, сыскарь чародейского приказа, начинает перекрестный допрос в доме купца Бобруйского на Гильдейской улице и продолжать его будет столько, сколько посчитает нужным.

Его никто перебивать и не подумал. Тут, конечно, можно было пуститься в размышления о половом неравенстве, но я не стала. Семен достал из кармана какую-то блестяшку с половину ладони величиной, похожую одновременно на кованый листок ясеня и на бритовку, которой карманники орудуют.

— Это, — пояснил чародей, — артефакт, называемый «драконья чешуя». Он Евангелине Романовне в допросе поможет.

Я недоверчиво посмотрела на чешуйку, положенную в блюдце около самовара. Да, артефакт. Наверное. Только не чародейский ни разу. Это у гнумов байка есть, что ежели драконью чешую в плавильный котел добавить, сталь какие-то немислимые качества приобретет. Ну как байка... Мифология у гнумов целая вокруг летающих огнедышащих ящеров построена. Но не суть. Именно за эту штуковину Семен граверу стопку ассигнаций заплатил. И она того стоила.

Подняв вопросительный взгляд на шефа, я выслушала объяснения.

Артефакт распознает ложь и правду, и ту и другую в чистом виде. Если допрашиваемый солжет, чешуйка немедленно станет красной. Например, задаем Евангелине Романовне простейший вопрос: «Осведомлена ли чиновная дама о том, кто именно хозяина сего дома жизни лишил?» Получаем ответ: «Ни в коей мере». И вот, извольте видеть...

— Значит, все-таки не Дульсинея? — Глаза адвоката метались от чешуйки ко мне и обратно.

— Расскажите, как вы с нею познакомились, — предложила я бойко. — Вы, Андрон Ипатьевич, с госпожою Бархатовой.

Теперь он неотрывно смотрел на артефакт.

— На перроне. — Чешуйка заалела, адвокат хмыкнул, скрестил на груди руки и поправился: — В зале ожидания пассажиров первого класса. Актерка эта форменный скандал учинила из-за того, что служащие вокзала ее в помещение не пускали. Гаврила Степанович рыцарство проявил, вступился. Тут, как по волшебству, Эдуард появился, супругник Дуськин, в благодарностях рассыпался. Слово за слово, общество за столик переместилось, приятное знакомство обмыть.

— Вы выяснили, куда Эдуард Милославович подевался?

— Ума не приложу. — На артефакт я даже не смотрела, Хрущ не врал. — С бала его не видел никто, билетов в кассе вокзальной не брал, а слуги...

Звонкий собачий лай за дверью прервал рассказ.

— А вот и Маркиза нашлась, — повернулась я к дверям, — и с нею, предположу, приказные.

Люблю быть правой, даже в мелочах. Потому, когда в залу двое конвойных ввели мешчанку Бархатову, я широко улыбнулась. Кроме младших чинов арестантку сопровождали письмоводитель Старунов с коллежским регистратором Давиловым, ну и упомянутая уже престарелая болонка мальтезе. Актерка куражилась; она сделала издевательский реверанс, приветствуя честную компанию, не снимая рукавиц, цапнула с серебряной горки пирожное, пожаловалась на мигрень. Внимания на нее особого не обращали. Старунов, косясь уважительно на герб, передал мне папочку с делом. Рассадив новоприбывших за столом, я собиралась уже продолжать, даже воздуха набрала в грудь для долгой тирады, но была безжалостно остановлена.

— К чему это представление? — спросила Мария Гавриловна. — У нас есть артефакт, определяющий правду. Давайте каждый из присутствующих ответит «да» или «нет» на простой вопрос, не он ли батюшку жизни лишил.

Закашлявшись от неожиданности, я посмотрела на Семена. Тот пожал плечами:

— Начнем с вас?

— Я никого не убивала, — сказала Маша. — Нюта?

Анна Гавриловна стала медленно подниматься, ее рот искривился, глаза остекленели, руки судорожно комкали скатерть.

— Я, — с трудом выдавила девушка и лишилась чувств.

Стол дернулся, самовар перевернулся, орошая разоренную посуду кипятком, и упал с грохотом на пол, увлекая за собой скатерть. Нинель Феофановна закричала, призывая слуг. Маша, придерживая сестру за плечи, оттащила ее к стене на сундук. В этот момент потолочная люстра погасла. Визжала болонка, в дверь колотили снаружи, барыня недоумевала.

— Довольно, — сказал шеф самым противным своим тоном, и все восемь рожков люстры сызнова зажглись.

Диспозиция образовалась презабавная. Нинель Феофановна постанывала в объятиях адвоката, актерка тоже постанывала, но от боли, руки ее крутили бдительные конвойные, Давилов крестился, Старунов баюкал обваренную конечность, только мы с Крестовским сидели на своих местах.

Грохотнула распахиваясь дверь. В залу ввалились слуги.

— Уберите, — велел шеф. — Не лезьте, Иван, артефакта вы не отыщете. Ну что, Попович, ваша душенька довольна театральным эффектом?

Я уже подсказывала к барышням Бобруйским, потому обидеться не успела.

— Припадок, — объяснила Маша и сунула сестрице под нос пузырек. — Обычное дело, сейчас в себя придет.

Нюта хрипло вздохнула, открыла глаза:

— Что происходит?

— Вас, барышня, только что главной подозреваемой определили, — прокричала через залу актерка. — Советую немедленно признаться!

Не дождавись аплодисментов, она плюхнулась на стул и подобрала с пола собачку.

— Давайте уже заканчивать, господа хорошие. Ни минуты в этом городишке не останусь, хоть пешком, хоть волоком. В столицу, в Мокошь-град, к ангажементам!

— Я требую, — сказала Мария Гавриловна, — отложить допрос. Нюта нездорова и...

— Экая ты, Манька, корова безответная, — перебила Анна Гавриловна, вырываясь из сестринских объятий, — раньше думала, прикидываешься.

Она подошла к Семену, протягивая вперед руки.

— Признаюсь, я чудовище это порешила, господина Бобруйского Гаврилу Степановича. Вяжите.

Крестовский поднялся, приобнял барышню и отвел на прежнее место за столом.

— Для начала, Анна Гавриловна, вы нам подробности расскажите, под запись, для протокола. Вот господин Старунов у нас именно для этих целей здесь присутствует.

Барышня приступила к рассказу. Ненавидела она родителя, было за что, вот и зарезала. Успела за дверь выскользнуть, когда папенька Дуську к себе в логово волок, подождала в смежной гостиной удачного момента, да и совершила задуманное. Дуська до ветру вышла, она зашла. Струна? Она ее ножницами срезала. Нож? При ней был.

Повинуясь кивку шефа, я сказала:

— Не сходится.

— Отчего же?

— Нинель Феофановна показала, что вы с сестрой по спальням отправились, и из них же появились, когда Андрон Ипатьевич вам страшную весть принес.

Вдова возбужденно подтвердила:

— Да-да, все именно так! И вовсе не понятно, зачем Аннушка на себя наговаривает. Какая еще ненависть? Нелепица.

— Ну, положим, — обвела я присутствующих строгим взглядом, — мотив у вашей младшей дочери был. Она считала, что Гаврила Степанович ее возлюбленного жизни лишил. Вот и свершила месть. В точности картину убийства Блохина повторила, и нож и петля.

Выдержав паузу, я спросила:

— Про тайные ходы в тереме все домочадцы осведомлены были?

— Какие ходы? — Адвокат откручивал крышечку карманной фляги.

— Значит, все. А вы, Андрон Ипатьевич, не трудитесь, и без драконьей чешуи скажу: вы, когда врете, глаза влево скашиваете, даже

удивительно, как при такой живой мимике вам в адвокатском деле удалось подвизаться.

— Экая вы, Евангелина Романовна, разумница! — Хрущ приложился к фляжке, крикнул, утер рот. — Тогда, может, сами расскажете, как дело было?

Маша тихонько вернулась, села за стол, взяла за руку сестру, та прижалась к ней, будто искала защиты.

— Извольте, — сказала я, нагнувшись и ставя на стол саквояж, рядом легла моя сумочка. — Это улики, на основании которых выводы строятся. Орудия убийства: нож и струна, детские башмачки, письмо, дорожное платье, я его целиком доставать не буду, рукава пока довольно, и пуговка с этого самого платья.

Публика настороженно молчала, опершись ладонями о столешницу, я чуточку насладились вниманием и продолжала:

— Анна Гавриловна, неизбывно тоскующая за милым покойным другом обнаруживает это послание, понимает, что именно им Блохина выманили... Вы, господа, любопытствуйте.

— В первый раз это вижу! — всхлипнула Нюта. — Это не мое письмо. И почерк даже не мой.

Нинель Феофановна сообщила ей:

— Аннушка вовсе малограмотна.

— К прискорбию ее родителей, — подняла я руку, чтоб не мешали, — но мы здесь вовсе не для того, чтоб на упущения ваши в воспитании дочерей указывать.

— Какие еще упущения? — обиделась барыня. — Я старалась девочек образовывать, это супруг покойный возражал. Вы ведь знаете, каким он был.

— Все знают. Давайте после это обсудим. Пока я одну из версий излагаю. В общем, господина Бобруйского убить мог кто угодно из домочадцев. Даже вы.

— Мне это зачем? Гаврила, конечно, чудовищем был, но мне от его смерти выгоды никакой.

— Наибольшую выгоду Анна Гавриловна получает, — кивнула я. — Жалко даже, что ею не воспользуется.

— Отчего же?

— Если она убийца, по закону прав владения будет лишена в вашу, Нинель Феофановна, пользу.

— А ведь правда! — Хрущ отодвинулся от вдовы, скрипнув стулом. — Так и есть.

— Я, Евангелина Романовна, — проговорила барыня с достоинством, — женщина пожилая и нездоровая, недолго мне осталось, о душе я своей пекусь да грехи мужнины замаливаю.

Адвокат посмотрел на Машу:

— После Мария Гавриловна в очереди на наследство.

— Пару капелек чудесного зелья мачехе — и богатая невеста! — поддержала его Дульсиня с азартом.

— Маня, — барыня молитвенно сложила руки, — неужели? Те лекарства, которыми ты меня после возвращения пользовала, действительно отравы?

Падчерица затрясла головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Я вас предупреждала, — не унималась Дульсиня, — еще когда вы на балу чудили, говорила, травят вас, дурман подмешивают. Вы капельки пить перестали, в себя пришли.

Нюта от сестры не отшатнулась, напротив, сжала ее в объятиях:

— Маняша не могла, это я батюшку зарезала, из мести, о капиталах не думая!

— Если бы это были вы, — вздохнула я, — струну действительно отрезали бы ножницами, а не ножом. Посмотрите, на лезвии зарубка даже осталась. Это значит, что убийство готовилось заранее, а вам, девице припадочной и оттого провалами в памяти страдающей, письмо в шкаф подложили, чтоб сыскарей на вас направить. Ну, Мария Гавриловна, не желаете признаться? Пуговка эта мною в тайном ходу найдена, как раз у логова покойного господина Бобруйского. Вы ведь умная, умнее всех, могли такую комбинацию придумать. Беспутная сестрица родителя порешила, а вам только и оставалось маменьку опекать недолго.

— Бедная я несчастная! — заголосила вдова. — Наказание такое мне за что? О жизни спокойной мечтала, с внуками...

Она схватила пинетки, орошая их слезами.

— Гаврила, паскудник, даже этого меня лишил, и ты, Маша, этому поспособствовала, наябедничала ему про сестринское счастье.

Мария Гавриловна посмотрела на нее недоуменно, перевела взгляд на Нюту:

— О чем она говорит? Нет, нет, это не я! И убила не я. Платье мое, но...

Быстрым шагом обогнув стол, она выхватила из саквояжа наряд, приложила его к себе.

— Я его с год уже не надевала. Оно мало даже.

— Разумеется, мало, — сказала я. — Садитесь, не хватало нам нового обморока. Нелегко вам? Срок-то... Пятый месяц, поди, пошел?

Маша рухнула на руки Крестовскому, он успел ее поддержать, укоризненно вздохнул:

— Попович...

— А что Попович? — обиделась я. — Пятна у нее на лице, какие у беременных бывают, то краснеет, то бледнеет, вне зависимости от ситуации. При дебелой телесной конструкции она еще с месяц скрываться могла.

Наступившую тишину нарушили аплодисменты, излишне, на мой вкус, вялые. Хлопнув в ладоши, Дульсинея глумливо спросила:

— Неужели беременность по закону позволяет наказания за убийство избежать?

— Замолчите, — велел ей Семен, осторожно усаживая на стул пришедшую в себя барышню. — Давайте, Евангелина Романовна, не тяните, ваш внутренний демон должен быть уже сыт театральщиной.

— О демонах тоже расскажу, — пообещала я многозначительно. — Давайте с самого начала начнем. Даже не с убийства любвеобильного пристава Блохина, а вернемся чуть более чем на двадцать лет назад.

Публика внимала.

— Юная и хорошенькая барышня Калачева живет в доме дедушки, горя не знает, удовлетворяет все свои капризы и думает, что так будет всегда. Но однажды, тут я точно не скажу, как и когда именно, выясняет, что финансовое положение семейства вовсе не незыблемое, более чем плохое оно. Дедуля, растерявши хватку от возраста и болезней, несколько неудачных денежных вложений сделал, даже дом заложил, даже рудники с молотка пошли. А у кого закладные? Кто имущество выкупил? Да Гаврила-управитель, не старый еще, вдовый оборотистый мужик. Калачевых он только из жалости при себе держит, ну и, наверное, из благодарности Дормидонту Феоктистовичу, который его на ноги поставил и

торговому ремеслу обучил. Барышня Нинелька новостям эдаким вовсе не рада, дедушкой она вертит, как хочет, помрет болезный, она на улице окажется. Посему берет она Бобруйского в оборот и, будучи уже от него беременной, выходит за него замуж.

— Это ведь неправда, маменька? — спросила жалобно Нюта. — Я ведь графский бастард?

— Нет, Анна Гавриловна, — ответила я, — вы — абсолютно точно папина дочка. Если вы сейчас потрудитесь разуться, снять чулки и повторите то же с Марией, увидите, что у вас с нею одинаковые родимые пятна на щиколотках, такие же по форме, как у господина Бобруйского.

Последнее я лично видела у покойника, и от воспоминаний меня слегка замутило, а во рту появился гадостный спиртовый привкус. Спирт я пила за компанию с врачом Халялиным, который, кроме прочего, мне про отметины барышень сообщил.

— Экая вы, надворная советница, сказочница забавная! — Вдова развязно откинулась на стуле. — Продолжайте, обвиняйте бездоказательно больную женщину.

— Вы действительно больны, Нинель Феофановна, вы патологическая лгунья. Но я, пожалуй, продолжу. Супруга вы не любили, он был вам противен, и, чтобы переключить с себя его страстный интерес, вы стали приглашать в его постель других женщин. Разумеется, Гаврила Степанович был от святости далек, но именно вы его развратили и превратили в чудовище как по факту, так и во мнении общества. О, как убедительно изображали вы жертву тирана, абсолютно все в это поверили! Потому что уклад наш патриархальный на мужском главенстве строится. Детей вы тоже не любили. Падчерицу понятно, чужой навязанный ребенок, но и Аннушка добрых чувств не вызывала. От воспитания вы устроились, наняв кормилицу, сообщив, впрочем, любопытствующим, что так велел тиран-супруг, и продолжали вести привычную развеселую жизнь. Выход из любой запертой комнаты вы знали, а многочисленные сонные артефакты в спальнях избавляли от внимания прочих домочадцев.

Искоса бросив взгляд на шефа, я удостоилась одобрительного кивка.

— Девочки росли во вражде друг к другу и к отцу, потому что каждому из домочадцев вы лили в уши яд. Нюте говорили, что ее богатству и красоте завидуют, Маше — что она жирная уродина, по мнению окружающих, а супругу... Опять же уклад наш берендийский — мужчины в воспитании детей участия не принимают, ему вы могли что угодно плести. Нюта одержимая, от этого ее припадки, надобно для изгнания бесов ее в монастырь отвезти. Пусть примет постриг. Бобруйский поверил. Точно так же, как в жовтне. Вы тогда ему что-то про пристава сказали, отчего он решился чародейское убийство заказать. Замужние дочери вам были без надобности. Это не Степан к Маше остыл, это вы ему в доме отказали. Нюта дурочка решила, что все дело в ней и принялась кокетничать с отставленным женихом сестры. Вы ее к этому направляли, потешаясь над страданиями падчерицы и наслаждаясь ролью кукловода. Вы любите власть, Нинель Феофановна, а еще больше обожаете представления.

— До вас мне далеко.

— Не прибедняйтесь. Изобразить дело так, что все поверили в беременность младшей дочери, мало кому бы удалось. Вы отвели ее к лекарю для осмотра, пожаловались на припадки. Он барышню поверхностно осмотрел... Вот в лекаре вы ошиблись, решили, что он безобидный малограмотный пьянчужка. Господин Халялин, конечно, пьет почище извозчика, но его не за пьянство из университета турнули, а за политику. Он, представьте себе, психиатр, и диагноз между первым и вторым шкаликом вам поставил.

Мечтательно зажмурившись, я вспомнила, как меня во время беседы в грязном лекарском кабинетике осенило. Я ведь раньше и не знала, что лживость болезнью быть может, эта новость меня заставила на все с другой стороны посмотреть.

— Нервические припадки, вызванные каждодневным унижением, — говорил Халялин, не закусывая. — Барышни забиты и дезориентированны, наблюдают разврат и непотребства с самого младенчества.

Мне тоже выпить пришлось за развитие и процветание берендийской психиатрии.

— Попович, — вернул меня к реальности шеф, — продолжайте.

— О чем бишь мы... Нюту стараниями маменьки застали с возлюбленным, купец, до крайней степени обозленный, собрал

семейство в дорогу, а подручным велел Блохина изничтожить, чтоб неповадно было дочерей достойной фамилии портить. Тут мы возвращаемся к письму. — Я кивнула на стол. — Его Гаврила Степанович собственноручно написал, вы, Нинель Феофановна, рядом стояли или диктовали даже. Будучи людьми до крайности развратными, вы с супругом даже предположить не могли, что пристав не состоял в интимной связи с Нютой, потому написали про беременность.

— Ежели не состоял, — кинула барыня, — почему на зов примчался?

Я сокрушенно покачала головой.

— Ну зачем спрашивать, если сами знаете? Гаврила Степанович ошибку допустил, описку то есть, для вас досадную, для покойного Блохина — смертельную. В подписи стояло не «Н.Б», а «М. Б.», вы из-за завитушечного почерка это только вчера разглядели. Поэтому и поправили наскоро, кое-как. Чернила в письме старые, подсохшие, а внизу смазано чуть. Единственное, что мне непонятно, зачем вы то самое письмо использовали, неужели не могли другого написать?

Барыня скривилась, а падчерица ее спокойно проговорила, изучая чернильное пятнышко на указательном пальце:

— Маменька не могла, она грамоте не обучена.

— Значит, все сходится. Блохин получил записку, как он думал, от Марии Гавриловны и отправился навстречу смерти, семейство купца еще накануне отбыло в Мокошь-град. Забавно, что в монастырь Нинель Феофановна не поехала, в столице ждать осталась. Но об этом после. Бобруйский договорился о постриге старшей дочери, он действительно оборотистый мужик был, умел дела вести, и тем самым подписал себе смертный приговор. Потому что наследные калачевские миллионы, десятина от которых причиталась обители, к тому времени уже не существовали.

— Как? — ахнула Нюта.

— Во-первых, прадедушка ваш много оставить вам не мог, а во-вторых, барыня Бобруйская неодолимую склонность к азартным играм имеет. Проиграла она ваше наследство, как пить дать.

Письмоводитель Старунов при этих словах крякнул и кивнул, банковские документы он успел просмотреть.

— Нинель Феофановна поняла, что должна успеть избавиться от мужа до того, как он к банкирам обратится. Представить все самоубийством она могла, но не захотела. Бобруйский помрет, в завещании Мария Гавриловна указана, травить сразу и падчерицу — опасно, идти к ней в приживалки, продолжать вести игру с обеими барышнями — долго. Госпоже Бобруйской новой жизни хотелось, независимости, своего личного богатства, тем более в столице у нее червовый интерес образовался.

— Да вы гадалка! — хихикнула нервно вдова.

— Я, Нинель Феофановна, сыскарь, и ежели я в подробностях примусь вам всю цепочку своих размышлений описывать, мы до морковкина заговенья сидеть здесь будем. Вы придумали перфектную в своей чудовищности комбинацию: избавиться от мужа таким образом, чтоб в убийстве обвинили одну из дочерей. Вам даже все равно было, какую именно. Арестуют Нюту, про карточные долги и промотанное наследство никто не узнает, Машу — даже лучше, ее состояние отойдет вам напрямую. Вы щедро разбросали по дому улики на обеих и просто наблюдали, на которую из них я куплюсь.

Барыня яростно заплодировала:

— Bravo, Евангелина Романовна, какая умопомрачительная история! Bravo! Господин Хрущ, не правда ли, от этих домыслов в суде камня на камне не останется? Я задушила Гаврилу! Какая чушь.

— Разве я говорила, что вы его душили? — Изобразив недоумение, я посмотрела по очереди на каждого из присутствующих. — Семен Аристархович, вы слышали?

Крестовский с покорностью судьбе своей незавидной вздохнул:

— Циркачка рыжая.

К счастью, обидная эта характеристика была беззвучной, предназначенной лично мне. Иначе общее настроение сцены претерпело бы нежелательные изменения. Пока мне внимали, как столичной примадонне, снизошедшей до провинциальных подмостков.

Добрый Старунов, сверившись с протоколом, сообщил, что слов «задушила госпожа Бобруйская» в нем не зафиксировано.

— Тогда кто? — поторопила Дульсинея, прижимая к груди болонку.

— Тот, кому это было проще простого. — Почувствовав усталость в ногах, я села. — Вы, мешанка Бархатова, лишили жизни в этом доме

купца Бобруйского Гаврилу Степановича, удушив его струной от арфы, заранее вами срезанной с инструмента и припрятанной в поганой палаческой комнатенке, а после воткнули в него нож, чтоб картина убийства походила на результат мести.

— Я? — вскричала актерка трагично. — Я?!

— Будьте любезны, — обратилась я к конвойным, — с арестантки рукавицы снять.

Собачка взвизгнула, улетая на пол, заскулила, Дульсинея ругалась, укусила даже одного из служивых. Переждав возню, я подошла к ней и, схватив женщину за запястья, подняла их вверх. На мякоти ладоней и во впадинах между большими и указательными пальцами, там, где была намотана струна, виднелись подсохшие ранки.

— Силу тебе немалую пришлось приложить, — пояснила я. — Потому и рукавицы до сих пор не снимала. В подвале, положим, это на холод можно было списать, но здесь, в тепле они только для одного нужны — следы скрыть.

Оставив актерку, я повинилась Крестовскому:

— Моя непростительная ошибка — сразу руки подозреваемой не осмотрела. А все гордыня. Решила, что Дульсинея эта для меня открытая книга. А девица, которой я ее вообразила, убийства через удушение совершить не могла. Вот и сплеховала.

— Надеюсь, Попович, что урок этот вами усвоен, — сказал шеф серьезно.

— Раз с личностью убийцы мы разобрались... — Барыня безуспешно попыталась покинуть залу, но, не успев добежать до двери, была остановлена конвойным.

Она присела на сундук, прожигая меня взглядом. Актерка, с феноменальной скоростью вернув себе самообладание, подозвала собачку и принялась ласкать ее.

— Итак, — продолжала я уже без куража, — имеем мы, господа и дамы, убийство, произведенное по предварительному сговору мещанкой Бархатовой и Нинелью Бобруйской купеческого сословия. Дело было так. Нинель Феофановна познакомилась с Дульсинеей за карточной игрою в Мокошь-граде...

Крестовский многозначительно кашлянул, чем азарту мне не добавил.

— Евангелина Романовна, будьте любезны сначала предпосылки нам огласить.

— Извольте, — совсем заскучала я. — Собачка.

— Чего? — хихикнул успевший захмелеть Хрущ. — Эта, что ли?

— Именно. Пожилая болонка, якобы приобретенная госпожою Бобруйской в столице. Кого животина хозяйкой признает? За кем из дому сбегает? Это Дульсинеин питомец.

Все посмотрели на животину, дрожащую на коленях актрери.

— Маркиза появилась у девушек раньше, чем покойный их родитель с Бархатовой знакомство свел. Предположу, что госпожа Бархатова не хотела со своей собачкой расставаться, вот Нинель Феофановна и поспособствовала.

— А ведь и правда, сходится все один к одному, — сказала Анна Гавриловна. — Даже последний душегубец способен любовь к братьям меньшим испытывать. Да как я раньше внимания не обращала?

— Предположим, — пробормотал адвокат, — собачку украли и госпожа Бобруйская ее у перекупщиков приобрела?

— Не старайтесь, Андрон Ипатьевич, ничего вашей клиентке не грозит. Наущение мы доказать не в силах, она и без вашей помощи сухой из воды выйдет. — Повернувшись к Семену Аристарховичу, я вздохнула: — Подружились они в столице и поначалу, скорее всего, убийства не планировали, а собирались лишь дружбу свою в Крыжовене продолжить. Бархатов, предположу, в дело был посвящен, ну, то есть с удовольствием помог представление разыграть, чтоб к купцу-миллионщику в доверие втереться. В Крыжовене, уразумев, к чему все движется, сбежал. Или не успел, тогда, как снег сойдет, найдем его в канаве.

— Дружба? — переспросил шеф.

— Не притворяйтесь, ваше превосходительство, — прикрикнула я на начальство, — вам после этого расследования меня в Мокошь-граде предстоит по лекарям таскать, тем, которые на душевных болезнях специализируются, из последних сил держусь. Нежная дружба! Эти дамы — любовницы.

Барышни Бобруйские синхронно ахнули, изготавившись к обмороку, адвокат же сально хихикнул, прикладываясь к фляге.

— Попович, — протянул Крестовский, перейдя неожиданно на «ты», — объясни мне, недалекому, как и когда ты это все нарыть умудрилась?

— Везде понемногу, — пожала я плечами. — Халялин помог, рассказал про завихрения, которые душевные болезни вызывают. Девиации, говорит, неразборчивость постельных связей, со своим даже полом. Кстати, несправедливо получается, мужеложство у нас законом запрещено, а ежели наоборот, то никак не наказывается. Налицо неравноправие. Следует либо новую статью в уложение вводить, либо мужиков прощать.

Шеф хмыкнул, взгляд его слегка остекленел.

— Извините, — смутилась я, поняв, что увлеклась, — не время сейчас о политике. Вернемся к нашим баранам. Сведения, полученные от лекаря Халялина... Ежели совсем начистоту, у меня все и так перед глазами было, только знаний для выводов не хватало. Знаете бордель местный, «Храм наслаждений»? Там именно таким дамам, что свой пол предпочитают, услуги оказывают.

Мысленно похвалив себя за то, что не отвлеклась и к перепутанным буквам в вывеске сызнава не привязалась, я повернулась к сидящей на сундуке вдове.

— Мы же с вами там встретились, у борделя, Нинель Феофановна, вы в мужском платье были, но я вас запомнила. И кстати, — вернулась я к шефу, — это объясняет, каким образом поддельное письмо опять у Бобруйской оказалось. В заведении «Храм наслаждений» Мишкина заправляла, убийца пристава Блохина.

— Признаюсь, — сказала громко Дульсинея, — в убийстве Гаврилы Бобруйского.

— По чьему наущению?

— Никаких наущений. — В сторону вдовы был направлен взгляд столь сокрушающей нежности, что я уверена, у всех присутствующих сладко екнуло сердце. — Только моя вина, и я за это отвечу.

— Что ж, — кивнула я служивым, — возвращайте мешанку Бархатову под арест.

— А как же маменька? — спросила недоуменно Анна Гавриловна.

Я посмотрела виновато на Крестовского, запоздало сообразив, что неловко допрос повернула, заранее признавшись, что против барыни улик у меня нет. Ай-ай-ай, положеньице. Ведь я права, все именно так

и произошло, а вдову прижать не получится. Почему Дульсинея ее защищает? Известно почему, от любви своей. Ей что так, что эдак не отвертеться, а Бобруйскую только признание подельницы обвинить может. Какая жалость, что Мария Гавриловна, умненькая барышня, чудесное представление с драконьей чешуей расстроила. «Один вопрос, один ответ...» Пока до главных обвинений бы дошло, все бы уже догадались, что правды артефакт не определяет. Крестовский это раньше меня понял, потому и свет в зале погасил, чтоб чешуйку забрать незаметно. Тут я его опередила, всех опередила, жадных рученок по столу немало шарило в темноте. Теперь чешуйка лежала в моем кармане, и я надеялась, что нечеловеческий темп разворачивающихся событий не позволит кому-нибудь поинтересоваться, куда именно она исчезла и что вообще произошло.

Может, сызнова ее использовать? Достать вот прямо сейчас и велеть вдове на прямые вопросы ответить? Нет, упущено время, Бобруйская мне в лицо рассмеется и скажет, что в игры играть не намерена. Или ответит и на своем стоять будет. И все. Фальшивые артефакты хороши лишь для того, чтоб допрашиваемого раскатать, ошеломить, заморочить.

Нинель Феофановна, поднявшись с сундука, отряхнулась, будто курочка после петушка, нараспев сообщила, отвечая на вопрос дочери:

— Маменька с вами, дурындами скудоумными, судиться будет до последней положенной ей по закону копеечки. Слава богу, в империи нашей обиженных вдов не оставляют. Правда же, господин адвокат?

— Правда, правда, — заверил ее Хрущ, — только дальше без меня, Нинель Феофановна. Уговор у меня с Гаврилою Степановичем был, посему и я и услуги мои профессиональные Марии Гавриловне по наследству перейдут.

Приказные выводили из залы актерку, вдова скандалила, барышни, обнявшись, прятались за спиною Андрона Ипатьевича.

— Евангелина Романовна, на два слова.

Крестовский взял меня под руку и вывел за дверь следом за конвойными. Там, оглянувшись на толпящихся слуг, сказал:

— Девушек придется охранять.

— Нам?

— Вам, Попович. И начинайте немедленно.

— Как долго?

— Пока я сил своих чародейских не восстановлю.

Я попросила уточнений, и они мне не понравились, спросила жалобно:

— Здесь никак? В доме винные погреба обширные, наверняка с правильными жилами земляными.

Поморщившись, Семен покачал головой.

Плюнув на конспирацию, я схватила чародея за плечи и зашептала прямо ему в лицо:

— Ты обещал мне все рассказать, когда я убийцу Бобруйского найду.

— Завтра, все завтра.

— Поклянись!

Запахло мятой, Семен щелкнул пальцами, сплетая аркан, повисший туманной лентой на моем запястье.

— Клянусь, завтра ты обо всем от меня узнаешь.

Мы постояли молча, на мгновение мне показалось, что чародей меня поцелует, но он только смотрел, так смотрел, будто пытался запомнить каждую мою черточку, каждую веснушку, а потом сказал:

— Перфектный ты сыскарь, Евангелина Романовна, быть тебе первой женщиной-канцлером в берендийской истории, попомни мое слово.

И, сняв с плеч мои руки, принял начальственный вид.

— Но пока не я у вас в подчинении, а, напротив, вы у меня, извольте приказ исполнять.

Подозвав Старунова с Давиловым, Крестовский ушел. Я осталась стоять у двери в залу, скандал в которой был в самом разгаре, и попыталась вызвать в себе хотя бы тень удовольствия от хорошо проделанной работы.

Все же правильно? Дульсинея изобличена и под арестом. Я здесь не позволю Бобруйской безобразничать, барышень сберегу. Завтра, Семен поклялся, мы с ним его чародейскими делами займемся. Тем более чешуйка его у меня.

В коридор выбежала Нинель Феофановна, кликнула слуг, запричитала:

— Ни минуты с этими неблагодарными девками не останусь! Запрягайте! В отеле поселюсь! Адвокатов из столицы выпишу наилучших! Вы у меня попомните...

Я прошла в залу; барышни со скорбными лицами сидели рядышком, держась за руки, Хрущ ходил из угла в угол.

— Пусть уезжает, — сказала Маша.

— Пусть, — эхом отозвалась Нюта.

— Она нас в покое не оставит, — бормотал Андрон Ипатьевич, — по судам затаскает.

— Пусть...

— Пусть...

Резко остановившись на полушаге, адвокат хлопнул себя по лбу:

— Лекарь!

Я замерла.

— Необоснованность требований вследствие душевной болезни заявителя? Bravo, Андрон Ипатьевич!

Хрущ меня приятно удивил, варит у мужика голова, на слабость к горячительному невзирая. С сумасшедшей ни один суд дела иметь не будет.

Вдалеке хлопали дверьми, грохотали сундуками, что-то со звоном разбилось.

— Как же мы теперь? — всхлипнула Нюта.

— Да уж как-нибудь. — Маша с трудом поднялась, закричала, приложив ладонь к пояснице. — Не хуже, чем раньше, даже лучше.

— Тебе нехорошо?

— Справлюсь, меня в поле рожали во время сенокоса, и я баба крепкая, в лучшем виде ребеночка доношу. — Девушка повернулась ко мне. — Его превосходительство приказал вам с нами остаться? Сейчас распоряжусь, чтоб вам спальню подготовили.

Барыня уехала, прихватив с собой двух горничных, а Мария Гавриловна, переваливаясь, как уточка, и поминутно останавливаясь, чтоб отдышаться, принялась хозяйничать. И так ловко у нее это получалось, что я уверилась, все у девиц Бобруйских теперь будет хорошо. Удостоверившись, что охрана расставлена, окна и двери закрыты, я отправилась в свою спальню, и в смежной ванной комнате провела не менее часа, отмокая в кипятке, и после спала чутко, но спокойно до самого рассвета.

Лекарь Халялин квартировал на Швейной улице и видел уже не первый сон, когда к его окнам подъехала пролетка с поднятым верхом.

Кучер соскочил с козел, направился к дверям, навстречу ему из-под козырька выступила высокая мужская фигура.

— Ваше превосходительство, — промолвил кучер дамским контральто и, сняв с головы цилиндр, изобразил шутовской поклон. — Какая неожиданная встреча.

Белокурые локоны женщины в свете фонаря казались седыми.

— Нинель Феофановна, — ответил Крестовский, — неужели вы думаете, что никто больше вашего страшного диагноза не подтвердит? Уберете Халялина, позовут другого психиатра, из Змеевичей или Мокошь-града, да целый консилиум соберут, если понадобится.

— А как же святое право мести? — хихикнула Бобруйская. — Или в нем мне отказано? Этот пьянчужка вашей любимой Гелечке гадостей про меня наговорил, а я спустить должна?

— Да смиритесь уже, ваша песенка спета.

— Это мы еще посмотрим. Деньги творят чудеса.

— Только их у вас нет — ни денег, ни чудес.

— С первым мне придется согласиться, — протянула барыня задумчиво, — но вот чудо... Маленькое сморщенное чудо в животе этой уродины вполне может стать моим.

— Для этого я вас и поджидаю, Нинель Феофановна.

— Неужели?

— Чтобы предложить себя.

— Взамен Манькиного ублюдка? — Женщина расхохоталась. — Или вы из этих, идейных? Высокая мораль, чистые руки, горячее сердце? Не бойтесь, что без вас вашу помощницу хитровыделанную на холодец пустят?

— Не боюсь. Евангелина Романовна, невеста господина Волкова, который, как вам наверняка известно, находится под патронатом могущественной чародейской организации... Впрочем, вы знаете. Обручальное кольцо защитит барышню Попович от всех напастей.

— Хитро... — Барыня посмотрела на окна халялинской квартиры, запрокинув голову. — Только вот не уразумею никак, пошто ты мне, великий чародей, сдался?

— Не вам — вашему хозяину, здешнему темному господину, — ответил Крестовский. — А нужен для того, чтоб воскрешающий обряд, начатый Степаном Блохиным, завершить.

— Что хочешь взамен?

— Чародейскую клятву, что после весь ваш покойницкий балаганчик покинет навсегда пределы Берендии.

— Так ведь сам тогда в труппе участие примешь.

— Это буду уже не я, всего лишь пустая оболочка.

Женщина посмотрела на Крестовского с веселым недоумением, склонив голову к правому плечу.

— Предположим, ты такой весь порядочный, за другом своим подчищаешь, пытаешься исправить то, что он от дурости и жадности натворил, хочешь Крыжовень пропащий охранить. Одно мне скажи: закордонных городишек, в которых мы после окажемся, не жалко?

— Там своя полиция, а я подданный Берендийской империи и ее интересы превыше всего блюду. — Семен ответил просто, без аффектации, вздохнул и изменил тон, будто передумав. — Ступайте, госпожа Бобруйская, убивайте Халялина, можете даже ему горло зубами драть. Зря я здесь перед вами бисер мечу, возможность перед господином выслужиться на блюдечке предлагаю.

Барыня, забавляясь, попыталась потрепать чародея по щеке, но он отшатнулся.

— Экий бука! И пойду и убью с превеликим своим удовольствием, чтоб хоть немного злость свою успокоить и потому что могу. До политических ссыльных никому в Берендии дела нет. А ты здесь подождешь терпеливо, потому что, кроме меня, тебя никто куда надо не проведет.

— Неужели? — спросил Семен с холодной улыбкой и позвал: — Сереженька, ко мне!

Из-за грязного ноздреватого сугроба на дорогу вывалилось чудовище, в котором с трудом уже опознавался Чиков, зубы его не помешались во рту, волосы торчали во все стороны клочковатой шерстью, сквозь прорехи превратившейся в лохмотья одежды виднелась синюшная бугристая кожа.

Барыня попятилась:

— Хорошо, уговорил. Садись, поехали, только этого сперва упокой.

— И не подумаю, Сергей Павлович прекрасно роль проводника исполнит, ежели вы, мадам, заартачитесь. Поэтому поедет он с нами.

— Хозяин — барин, — пожала плечами женщина, берясь за вожжи.

Чиков, которого Семен усадил в коляску, радостно забормотал:
— Барин, барин, барин...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в коей действительный статский советник исполняет клятву, данную чиновной барышне, чем повергает ее в форменное расстройство

*Вследствие потери прав собственности все
прежнее имущество осужденного в каторжную
работу или ссылку на поселение со дня
постановления и объявления ему окончательного о
том приговора поступает к его законным
наследникам, точно так же как поступило бы
вследствие естественной его смерти.*

*Уложение о наказаниях уголовных и
исправительных, 1845*

Еще не до конца оставив объятия Морфея, я лениво размышляла обо всех случившихся событиях. Бобруйская оказалась чудовищем, она, а вовсе не противный ее супруг. Хотя с него я тоже вины не снимала, скажем так, ядовитые зерна Нинель Феофановны упали в унавоженную почву. Сначала купцу нравилась новизна ощущений, после он уверился, что выше прочих, что ему доступно все, что запрещено им. Потом и вовсе вразнос пошел. А почему? Потому что не окоротил никто, не осудил вовремя. Общество оно для того и нужно, чтоб власть имущие не зарывались. И вера еще для этого. И закон. В Крыжовене этот триумвират сплоховал, одна из частей подломилась. Когда? Как? Бог весть...

Нинелька изображала перед всеми жертву, а Гаврила Степанович этому и рад был, он такой грозный, такой сильный, такой тиран. А она за его спиною с бабами куролесила. Тьфу, пакость! Даже не то, что с бабами, а то, что супружеские законы она тем самым обходила. Ведь изменяй она, положим, привычным для обывателей манером, с

противоположным полом, ее бы и церковно наказали, и через суд, а так... Хотя, если беспристрастно судить, по разному у нас в Берендии за адюльтеры осуждают. Там, где жену в тюрьму посадят и детей у нее отберут, неверному мужу только пальчиком погрозят. Несправедливость и неравенство. Но это Бобруйскую не обеляет нисколько.

Вчера я расспросила Машу с Нютой об их матушке и составила себе представление, как Бобруйской всех за нос водить удавалось. И очень даже просто: злонамеренная ложь и умолчание. Ну вот, к примеру, история с горничной Акулиной. По словам деда-мажордома, Акульку обварила Машенька, чтоб та папеньке удачно жениться не помешала. Что рассказала Маша? Она нашла полумертвую девушку в зарослях крапивы за огородами и несколько недель ее выхаживала. Что сказал на это Василий Васильич? (Его, к слову, еще вечер снесли с чердака в его комнату, Мария Гавриловна озаботилась.) А дед долго жевал губами и признался, что про Манину злобу сказала ему барышня Нинелька по секрету, побожился еще, что дальше него слухов не пойдет. Предположу, что это «по секрету» Бобруйская не только ему поведала. Большая она мастерица хулу разносить. Притворялась бессильной жертвой, страдающей женой и матерью, а сама чужими руками творила зло. И все ей сходило.

Хотя почему сходило? Сходит, Попович. Из-за того, бестолковка, что ты вчера сплеховала, нехорошо допрос провела. Увлеклась самолюбованием и главную виновницу упустила. Гордыня — грех, Попович. Твой грех. Как там тебя вчера Семен Аристархович похвалил? Канцлером станешь? Забудь. Шеф тебя поддержать приятным словом хотел, потому что день был трудный, а сегодня все твои ошибки припомнит. И на допросе, и то, что ты, болванка стоеросовая, сразу рук Дульсинеи не осмотрела. Это же просто было, как дважды два. Преступник намотал струну на руки, набросил купцу на шею петлю и тянул на себя, упираясь в грудь Бобруйского коленом.

Картина убийства так живо возникла перед мысленным взором, что меня затошнило.

Полно, Попович, самобичеваниям предаваться. Соберись. Все мы люди, все человеки, все совершаем ошибки. Качества сыскаря вовсе не допущенные промахи определяют, а скорость в их исправлении. Хрущ

обещает нынче же делу ход дать, заявить о безумии вдовы Бобруйской, опасном для окружающих. Еще пободаемся.

«Ежели Нинель Феофановну до конца жизни в скорбном доме запрут, свою службу я буду считать выполненной, — решила я, поднимаясь с постели. — Вот-вот появится Крестовский, нам с ним предстоит с его чародейскими проблемами разбираться. Потому самоуничижающие мысли прочь, все силы следует на новое дело направить».

Для начала разобрав содержимое сумочки, я отсортировала отдельно улики, проверила револьвер, убедилась, что завернутая в носовой платок чешуйка не повреждена. Любопытно, зачем она Семену? Обязательно выясню.

Умылась теплой водой с лавандовым душистым мылом, расчесала волосы. Сон меня освежил. У барышни, отражаемой зеркалом в ванной комнате, был чудесный цвет лица, блестящие глаза и две новых веснушки, в сравнении со вчерашним.

Несвежее платье надевать не хотелось, поэтому, набросив поверх сорочки, одолженной накануне Ньютой, ею же предложенный шлафрок и обув домашние меховые пантуфли, я вышла из спальни. В доме кипела жизнь. На втором этаже колотили молотками работники, снимая обивку поганой комнаты. Цепи с наручниками успели уже унести, от кровати остался лишь остов, похожий на скелет выброшенного на берег кита. Внизу было поспокойнее, по-прежнему траурно занавешенные зеркала настраивали на скорбный лад.

— Барышни до рассвета разговаривали, — сообщил мне Андрон Ипатьевич, сидящий в столовой за завтраком и газетою, — теперь спят. Желаете кофе?

Я желала. Хрущ был трезв и собран. Пока я завтракала, он рассказал, что успел нанести визит в приказ, оставив там донос на барыню Бобруйскую, пожаловался, что конкретных никаких фактов сообщить в нем не смог. Это было нехорошо, но ожидаемо. Дело служивые не откроют, но, когда до суда дойдет, зарегистрированный в крыжовеньском приказе документ дополнит заключение медицинской комиссии. Адвокат азартно перебирал возможные варианты развития судебных заседаний. С приятным удивлением я отмечала профессионализм Андрона Ипатьевича, им продемонстрированный, и

попивала кофе, ожидая прихода шефа. Время приближалось к одиннадцати, Семен явно задерживался.

— Вы разве не осведомлены? — удивился Хрущ, когда я спросила его, не видел ли он в приказе мое начальство. — Его превосходительство еще вчера отбыл. Погодите, я же забыл, служивые просили для вас конверт передать. Где же он...

— Отбыл? — Во рту стало противно, зов, отправленный Семену, остался без ответа, чародей либо скрывался, либо свой оберег снял. — Куда?

Адвокат с остервенением рылся в карманах.

— Мне не сказали, а я не спрашивал. Вот!

Конверт оказался обычным почтовым, без марки, надписанным: «Надворн. совета. Попович Е. Р. лично в руки». Почерк Крестовского. Надорвав конверт, я достала два свернутых листа бумаги. Оба они были чистыми, но немного отличались. Один был чуть более желтоватым, со следами старых сгибов, раньше он в квадратик сложен был, а не втрое, как для почтового конверта надобно. Едва заметная табачная крошка, прилипшая к уголку, убедила меня в том, что эта бумага из кисета Блохина.

— Что бы это значило? — Хрущ вытягивал шею, рассматривая послание.

Мои руки дрожали, а грудь сжалась от подступающей паники. Спокойно, Попович, соберись. Вдох, выдох, вдох, выдох.

Продышавшись, я хотела ответить адвокату, что сей же миг во всем разберемся, но не успела. Ливрейный лакей, появившийся в дверях, сообщил с неуместной торжественностью:

— Господин Зябликов с визитом к барышне Попович! Прикажете принять?

Герочка впорхнул в столовую весенней нарядною птичкой, проворковал комплиментик, приложился к ручке, облобызал полу шлафрока. Выглядел Геродот Христофорович расчудесно, а рабский свой ошейник поместил поверх галстука, подобрав последний в тон навского артефакта.

— Здоров, полностью здоров и готов к служению госпоже моей! Сундучок еще доставил, велите, ваше высокоблагородие, слугам багаж внести. Платьца все в порядке, мундирчик вычищен и отглажен, воротнички накрахмалены...

— Сядьте, не мельтешите, — перебила я Герочку и кивнула Хрущу: — Уединиться мне надобно, Андрон Ипатьевич, заодно переоденусь.

И, быстро собрав со стола бумаги, ушла к себе. Сундук уже ждал меня в спальне, но сейчас он интересовал меня мало. Упав на колени перед кроватью, я достала из сумочки чародейские очки. Они негодились. Туманная руническая вязь, оставленная Семеном на моем запястье, вспыхнула янтарным светом, осыпалась искрами на лежащее на постели письмо. Предполагая самое страшное, я смотрела, как чародейские светляки тускнеют, а под ними на бумаге проступают бисерные буквы.

«Прости, душа моя, — писал Семен Аристархович, — за невольный обман. Клятву я исполню, все тебе расскажу. Знаю, другого ты ожидала, разговора обстоятельного...»

Сморгнув набежавшие слезы, я поднялась с пола и села в кресло у туалетного столика, продолжая читать письмо.

«Я ошибся, Гелюшка, страшно ошибся, когда позволил тебе в уездный Крыжовень поехать, самому надобно было. Потому что не твоя это битва...»

Вот ведь болван какой! На ерунду чернила тратил. Не моя? Подробности где? Следующий абзац вовсе можно было пропустить за его неинформативностью. Отступи, отпусти, прости... Вот любопытно, Степан Блохин натворил дел, и теперь Семен должен был это исправить. Потому что друг, учитель и чародей. Блохин пытался в Крыжовене порядок навести, такой, каким он его понимал. Силенок ему для сбычи мечт не доставало, потому...

«Степка хотел новый источник найти, чтоб великим чародеем стать и ничем при этом не брезговал: ни навьими артефактами, ни колдовством темным. И в какой-то момент призвал с самой изнанки мироздания некую сущность...»

Крестовский эту сущность никак не называл, но считал, что именно она Крыжовень колпаком непроницаемым для чародейства накрыла. Она могла высасывать чужую силу, могла использовать ее. Семен писал, что в городе, по его наблюдениям, все чародеи слабосильны и бессилия своего не замечают, потому что служат проводниками и живыми источниками той самой хтони. Блохин тоже не сразу понял, с чем связался, а когда догадался, было уже поздно.

«Сущность эта нематериальна, для овеществления в нашем мире ей нужен сосуд, вместилище, и Степка должен был этим сосудом стать...»

Озарение Блохина наступило уже на пороге смерти. Он понял, что, помри он на земле, неназываемая хтонь займет его тело, потому как чародейство его с хтоническим по природе схоже. Крестовский не такими именно словами писал, но суть была именно в этом. Блохин понял, испугался и сделал все, чтоб последний вздох подвешенным сделать. И будучи покойником, все одно боялся, Семена призвал, чтоб тот над его телом обряд изгнания и запечатывания совершил. То есть работу переложил на других. Ах, еще предусмотрительно завещал себя за оградкою кладбищенской закопать. Потому как на погосте земля хтони принадлежит. А я бы и сама про это догадалась, если бы осмотрела захоронения со вниманием.

Здесь я отвлеклась, вызывая в памяти прогулку с Семеном по городскому кладбищу. Вот Крестовский читает эпитафию, дату изучает. Обычная свежая могила, холмик едва снежком припорошен, а дата... три года назад...

«Единственный выход, Гелюшка, все свои силы на эту сущность направить, перехлест у нее магический вызвать и зауклить на веки вечные, запечатав. И я это совершить должен, хотя бы ценою своей жизни. Посему прощай, душа моя, не держи обиды и зла. Зорину скажи, пусть дела в приказе принимает, ему теперь начальствовать. Дня три, самое долгое, затаись, ничего не предпринимай, а после призыв ребятам отправь. Если расчет мой верен, к тому времени колпак над городом развеется. Пусть чародеи наши здесь все, как положено, зачистят...»

До конца письма оставалось совсем немного, а вопросов у меня не уменьшилось.

«Другой листок Марии Гавриловне передай, пусть у нее одним горем меньше будет. И приказываю, Геля, прошу, требую: ничего не делай, не пытайся меня разыскать, помочь

ты все равно ничем не сможешь, только опасности подвергнешься».

И все! Только буквы С. К. в нижнем правом уголке, обратная сторона без следов чернил. Мало того, пока я вертела листочек перед лицом, он начал тлеть, и через минуту осыпался на колени пеплом.

Экая ты, Крестовский, высокомерная скотина чардейская! Убью мерзавца! Собственноручно придушу.

Отряхнув подол шлафрока, я пружинно поднялась и подошла к сундуку. Отглаженный мундир, завернутый в папиросную бумагу, лежал поверх прочей одежды.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказала я, одеваясь.

— Доброе... — молвила Нюта, переступая порог.

Подозреваю, вид мой в этот момент был страшен, потому что девушка запнулась, испуганно округлила глаза.

Кивнув, я посмотрела на Марию, которая вошла следом за сестрой, подхватила с постели сумочку, сунула в нее очки и протянула девушке блохинскую бумагу.

— Это, кажется, вам.

— Вы собираетесь покинуть нас? — пролепетала Нюта. И ахнула: — Маня, что это такое?

Чародейская клятва Марии Гавриловны была на ее правой руке. Как только она коснулась письма, на безымянном пальце проявилось скрытое ранее мороком массивное обручальное кольцо, золотой ободок без камня. Оно нестерпимо вспыхнуло. Девушка зажмурилась, из-под век на щеки хлынули слезы.

— Это, — проговорила она, протягивая руки с бумагой. — Это...

Синие казенные чернила, две официальные печати, столбик подписей.

— Брачное свидетельство, — сообщила я, опознав документ с полувзгляда. — Значит, Мария Гавриловна Блохина, ваш наследник, который в ближайшие месяцы на свет появится, клейма незаконнорожденного ребенка будет лишен.

— Маня мне все рассказала, — похвасталась Анна Гавриловна, целуя сестрицу в мокрые щеки, — и про венчание тайное, и про ночки сладкие.

— Степан добрый мужик был... — рыдала мужняя жена, то есть вдова Блохина.

— Как же вам все в тайне сохранить удалось?

— Да уж с трудом. — Мария выпила воды из поднесенного Ньютой стакана, промокнула рукавом слезы. — Особенно когда думала, что Степушка с Ньютой... Он говорил, верь мне, Маня, не отступлюсь, не предам... Подожди, говорил... А я... А он помер...

Анна тоже всхлипнула и разрыдалась с такой силой, что слезы брызнули во все стороны.

— Соболезную, — выдавила я без чувства, переживая дамскую истерику.

Первой себя в руки взяла Мария Гавриловна.

— Славно, — сказала она, пряча на груди брачное свидетельство, — а то я уже собиралась Андрюшу под венец приглашать, чтоб ребеночек в законном браке появился. Ему-то все равно, какую жену не любить. Теперь уже не нужно. Вдовой заживу, наследника воспитаю, Ньютку замуж выдам.

— Вот это не к спеху! — хихикнула сестра.

— Барышни... — начала было я.

— Простите, Евангелина Романовна, мы вас задерживаем. — Маня посторонилась, освобождая проход к двери.

— Не о том речь. — Я уселась в кресло и кивнула, предлагая девушкам последовать моему примеру: — Помощь мне нужна.

— Какая именно? Все сделаем.

О болване одном, который решил жизнь свою на победу разменять, я рассказывать им не стала. Спросила о Степане Фомиче покойном, о делах, которыми он в Крыжовене занимался. Разумеется, Ньюта знала меньше чем ничего, вся надежда была на Маню. Но и она особо не порадовала. Встречались они со Степаном вовсе не по три раза в неделю, что можно было предположить, помня распорядок визитов его в бордель. А в жовтне, когда против пристава колдовство через плетеные куколки началось, так и вовсе нечасто. Куда Блохин отправлялся, делая вид, что с веселыми девицами куролесит, девушки не знали.

— Степан скрытный был, — покачала головой Мария Гавриловна, — словечка лишнего не скажет. Опасался, что я батюшке случайно проговорюсь.

— А отчего он на тайный брак решился, до Пасхи не подождал?

— Боялся, что вот-вот все расстроится. У них дело какое-то было с папенькой.

— Торговое дело?

— Чиновникам это запрещено, я знаю, — смутилась Маша, — но да, что-то прибыльное и не вполне законное. Из-за незаконности этой батюшка Степана облапошивал. Степка про то прознал, они поскандалили.

— И Блохин вас под венец потащил?

— Я не упиралась нисколько. Любила я его, он один нужен мне был, а вовсе не бадины деньжищи. Только... — Маня жалобно улыбнулась. — Степке нужно было все: и деньги, что со мною получит, и победа над батей и... власть безграничная.

Признание было ей неприятно, но девушка говорила с рассудочной жестокостью.

— Велел бы за ним идти, я бы ни мгновения не раздумывала и ни о чем бы не жалела. Но он сказал, жди, папеньке твоему недолго царствовать осталось, родню твою не обижу, да и его не трону, если отступится.

Слушая этот рассказ, я думала, что для Марии, не погибни ее тайный супруг, все могло обернуться вполне ужасным образом, вместо тирана-папеньки она получила бы точно такого же мужа, жадного до денег и власти, беспринципного и жестокого.

— Понятно, — протянула я с шефовой интонацией. — А барин, про которого в городе говорят, что он всем заправляет, это ведь не покойный господин Бобруйский?

— Разумеется, он.

Нюта, почти не принимавшая участия в разговоре, сказала:

— Хотя ежели поразмыслить... ежели предположить, что какой-нибудь другой барин у нас есть... — Она задумчиво примолкла.

— Кто? — спросила я отрывисто. — Кого еще так называют?

— Ах нет, простите, это форменные глупости в голову лезут, фантазии.

— Поделитесь, умоляю, мне любой обрывочек пригодиться может.

Девушка вздохнула:

— Нинель Феофановна, которую я маменькой называть вовсе не желаю, время от времени величием бредила. Она же меня убеждала, что Бобруйский мне не отец вовсе, что от аристократа я происхожу.

— Теодор, — фыркнула Маня. — Граф Теодор, воображаемый страстный любовник.

— Фамилия его известна?

— Да куда там! Теодор, и глазами вверх ведет, будто в умилении. — Мария Гавриловна закатила глаза.

— Ваше сиятельство... — Нюта повторила сестрину пантомиму.

«Всего лишь граф? В фантазиях Бобруйская была неожиданно скромна. Почему не князь, по крайней мере?» — саркастично подумала я. Затем поднялась из кресла, поблагодарила барышень за беседу и попрощалась.

— На службу мне пора, из приказа пришлю кого-нибудь за сундуком.

— Не утруждайтесь, Евангелина Романовна, — предложила Мария. — Лучше у нас поживите, пока дела вас в Крыжовене удерживают.

Анна Гавриловна сестру поддержала, я сызнова поблагодарила хозяйек и, не мешкая, отправилась в приказ.

Ну как не мешкая... Геродот Христофорович Зябликов еще увязался со своею пролеткой и страстными вздохами. Первое меня порадовало, второе пришлось пресекать. Стукнув сумочкой по загребушим рукам отставного корнета, я пригрозила:

— Дудку навью поломаю — немедленно помрешь!

— Как можно, госпожа моя?

— Не смей меня так называть, особенно при посторонних.

— Не буду. А как?

— Ваше высокоблагородие. И трогать меня прекратить, на колени не бухаться, с лобзаниями не лезть, молчать, пока не спрошу.

Моноotonно перечисляя все «не», я подумала, что в крайнем случае можно будет Зябликову ногу сломать и отправить на излечение, чтоб не мешался, потому что если лечиться, то он от меня и подальше отойти может, а здоровому ему разлука, по его же словам, болезненна. И даже прикинула, какую именно конечность и каким образом калечить.

Герочка кивал послушно и теребил змейку-подвеску.

— Ожидать в коляске, — велела я, спрыгивая у приказного крыльца. — Жаловаться на меня публике не смей!

И, развернувшись на каблуках, уперлась любом в шинельную грудь постового.

— Не велено, — сказал служивый.

— Ты меня не признал? — распахнув шубку, я показала мундир. — Попович я.

— Пускать не велено.

— Кем не велено?

— Начальством.

Прохожие начали уже кучковаться, превращаясь в зевак, поэтому подсекать ножищи в казенных сапогах я передумала, спросила елейно:

— Каким именно начальством, мил-человек? Имя. Отчество. Фамилия. Звание?

— Не могу знать! Евангелину Романовну Попович из чародейского приказа Мокошь-града, надворную советницу, на порог присутствия пускать не велено, попытки ее проникнуть в упомянутое присутствие всячески пресекать.

Публика моему унижению радовалась.

— Эк рыжую ведьму окоротили, не все ей командовать!

— У ей револьвер имеется, у советницы энттой, сейчас выймет да палить примется...

— Экая ситуевина, никаких фильм не нужно, все туточки и задаром...

— Красненькую ставлю, что барышня полкана уделает!

— Не, не сдюжит...

Сделав шаг назад от возвышающегося надо мной постового, я заорала:

— Давилов! Выходи, шкура ты трусливая! Старунов! Оба сюда, дубины вы стоеросовые!

Шторка в окне второго этажа, там, где находился кабинет приставы, немного отодвинулась, но на крыльцо никто не вышел. Зато из арочного входа показалась целая процессия. Младшие чины, городовые и прочие двинулись к стоящей неподалеку приказной пролетке, четверо несли на носилках укрытого по подбородок верблюжьим одеялом Григория Ильича Волкова, пятый, Федор Степанов, держал в руках пухлый дорожный саквояж и трость.

Бросившись к последнему, я ухватила его за рукав и требовательно спросила:

— Что происходит?

— Велено господина пристава к вам доставить в бобруйский дом на Гильдейской улице.

— Кем велено?

— Начальством.

Бросив злобный взгляд на кабинетную шторку, я пробормотала:

— Крыса ты, Федька, предатель.

Мужик молча виновато потупился.

— Все вы крысы, Семена Аристарховича на смерть отправили, теперь воображаете, что вам все с рук сойдет. Отвечай, скотина, кто ваш барин и где обитает?

В ажитации я наскакивала на Степанова и толкала его в грудь, он отступал, не делая попыток защититься. Наконец пробасил примирительно:

— Охолоньте, вашбродь, не бабьего ума дело, без вас все порешали. Берите жениха своего, пару деньков обождите под его защитой, а там...

— Какая еще защита?

— Да известно какая, чародей сказал, вас обручальный перстень сбережет, ежели упыри... — Федор замолчал, вздрогнув, будто от удара, и заключил невпопад: — Совет вам да любовь с господином Волковым и детишек побольше.

— Это тебе тоже чародей сказал?

— Нет, это я от себя.

После самодовольного этого сообщения Федор кивнул и побрел к пролетке, где уже полулежал закутанный в одеяло Григорий Ильич.

Женихом я решила пренебречь, довольно балагана. Могла бы перстень его с руки сорвать — немедленно бы это сделала, да еще бы в площадную грязь втоптала. Но пришлось просто стоять и смотреть, как крыса-Степанов берет поводья, прочие служивые уносят пустые носилки и коляска неторопливо едет через площадь в направлении Гильдейской.

Перфектно! Ты, Гелюшка, ничего совершать не смей, а чтоб наверняка, я тебе таких палок в колеса повставляю, что и не сможешь.

Что делать? Что?!

Выругавшись вслух по-гнумьи и облегчения не испытав, я привлекла вокабуляр обитателей самого общественного дна, чем вызвала восторг зевак. Обведя толпу злобным взглядом, я закричала:

— Весело вам, иродам? Поганый вы народ, все до единого. Гнилые люди. Над вами тут упыри начальствуют, а вы и рады шеи под ярмо подставлять!

Расхристанная рыжая девица, под шубой которой чернел бесполезный чиновничий мундир, страха ни в ком не вызывала. Да и не хотела я их страха, орала просто, чтоб злоба наружу вышла, чтоб не болело так в груди.

Какие-то пацаны неподалеку уже начинали лепить снежки, зачерпывая мокрый снег руками из стаявшего грязного сугроба. Как только в меня полетит первый снежок, толпу будет не остановить, меня забросают всем, что под руку подвернется. Нарядный господинчик из публики широко улыбнулся, блеснув золотой фиксой, сказал спутнику:

— Экая амазонка, об такую даже барин клыки мог бы обломать! — Я без труда прочла фразу по губам, вздрогнув при слове «барин». — Ты, Косой, присмотри, куда барышня отправится, познакомиться...

Дальше разбирать не стала, чтоб действительно под обстрел снежками не попасть, отвернулась и прошествовала к пролетке с послушным Герочкой. Ушла в последний момент, промедли хоть немного, хлебнула бы еще больше позора. Хотя куда уже больше...

— С базарной площади правь, — велела я Зябликову, — не спеши, медленно поезжай. Направо останови у первой же попавшейся ресторации.

Геродот Христофорович пучил глаза, демонстрируя желание разверзнуть уста вопросами, но исполнял приказания молча.

Золотозубый сказал «барин», сказал «познакомиться». Он явно из фартовых. Его шестерка сейчас меня пасет, смотрит, куда я отправилась. Я отправлюсь в ресторан, сяду за столик и буду ждать приятного знакомства. Если от коллег помощи не получить, я буду искать ее в другом месте и у других людей. Это первое. Второе: Семен не собирался сдаваться без боя, не такой он мужик. Значит...

Предупредительный халдей провел нас с Герочкой к столику, я выбрала ближайший к витринному окну, чтоб с улицы меня было

видно, принял заказ, я тыкала наобум в золоченое меню. Официант удалился, пыхтение отставного корнета мешало сосредоточиться, я бросила отрывисто:

— Чего еще?

— Ваше высокоблагородие, — зашептал Геродот с преувеличенным почтением, — это правда, что наш жених Григорий Ильич с аглицкими чародеями на короткой ноге?

— А если и правда?

— Это ведь великолепно, гос... то есть ваше высокоблагородие, тогда нам с вами ровным счетом ничего не грозит, барин... — Зябликов ойкнул, прислушался к себе и продолжал увереннее: — Вы уж будьте так добры, когда отпускать меня будете, записочку отпускную черкните, что претензий не имеете и оттиск перстня поставьте, чтоб я барину показал.

— А он британских чародеев уважает? — спросила я светским рассеянным тоном, мысленно сделав сыскарскую стойку.

— Именно что уважает, не боится, нет, нисколечко, но почтение имеет.

— Любопытно, — равнодушно бросила я, складывая на столе перед собою салфетку с таким расчетом, чтоб перстень был виден собеседнику. — Как там они прозываются?

— Орден Мерлина.

— Да, кажется, так. В честь великого аглицкого чародея. Чем он там знаменит? Ах, кажется, змей всех на острове извел и хтонь какую-то до купы.

Зябликов кивал, я предположила:

— На вашу крыжовеньскую сущность похожую?

Герочка кивнул, ойкнул, захрипел, схвативши себя за горло, изо рта потекла дорожка розовой слюны. Передав ему салфетку, я велела:

— Пересядьте за другой столик.

В залу входил давешний золотозубый фартовый. Зябликов, уже было привставший, чтоб исполнить приказ, отнял от лица салфетку:

— Какие люди и без охраны! Туз! Наше вам почтение.

— Брысь, шавка. — Блеснула фикса, и на меня уставились невероятные серые глаза оттенка неба перед грозой. — Позвольте отрекомендоваться, Евангелина Романовна.

Не расхохоталась я чудом, сдержалась, наступив себе на ногу другой ногой, изо всех сил вдавив каблук. Фартового звали мистер Ас, Джек Ас. Хорошо еще без отчества, потому что эдакого надругательства над отечественными прозваниями я бы точно не перенесла. Ас по-бритски значило «туз», а Джек, скорее всего, при крещении звучало как Яков.

Яшка Туз был русоволос, круглолиц, обладал среднепривычным берендийским носом с чуть вздернутым кончиком, сломанными в драках ушами и в довесок к золотой нарядной фиксе — парочкой железных зубов в менее заметных снаружи местах, ростом в два аршина с половиною, то есть чуть выше среднего. Одетый с провинциальным шиком, мистер Ас демонстрировал окружающим столь непомерный апломб, такое непрошибаемое высокомерие, что мог на первый взгляд показаться безобидным шутком. Шутком он не был. В глазах видна была расчетливая хитрость и звериное равнодушие. Именно эти качества позволили ему стать королем местного преступного сообщества, и они помогали ему на шатком этом троне удержаться.

— Господин Волков, — проговорила я, жестом приглашая Туза сесть напротив, — был счастлив встретить в вашем лице англomана.

— Старина Грегори...

Развалившись на стуле, фартовый сперва погнал прочь халдея с подносами, после, дождавшись другого, изменил заказ, велел принести «ту самую бутылку», оказавшуюся не привычно круглой, а квадратной. Янтарное ее содержимое, похожее с виду на коньяк, но пахнущее вовсе сивухой, полагалось пить из стаканов, набросав туда льда. Повосторгавшись и чокнувшись за здоровье своего спящего жениха, стакан я отставила, не пригубив. Мистер Ас расспрашивал о Волкове, но без интереса, будто прощупывая почву, удовлетворялся общими ответами. Я, в свою очередь, спросила о здоровье знакомого мне по стычке в сиротской богадельне господина Обуха. Туз предложил выпить не чокаясь, за помин души. Не донеся до рта стакан, я поинтересовалась о судьбе похищенных из дома директрисы Чиковой драгоценностей. Мне предложили оставить поиск жемчужного гарнитура полиции и напомнили, что я в Крыжовене отнюдь не в служебном качестве пребываю. На что я опечалилась, подумав, что с

огромным удовольствием арестовала бы этого Яшку, вздохнула и сказала:

— Надеюсь, Грегори разыщет все украденное.

— Да сдались вам эти побрякушки, Евангелина Романовна! Вашу красоту смарагды оттенять должны, то есть изумруды. Желаете подарок?

— Не желаю. Лучше расскажите мне, какие драгоценности ваш барин предпочитает.

В дымных серых глазах блеснули смешинки.

— Надо мной бар нет.

— А кто есть? — спросила я быстро.

Туз ответил веско и спокойно:

— Один только Господь, перед которым я за свои грехи отвечу.

Торжественную паузу, воцарившуюся после этих слов, нарушать не хотелось. Мы с собеседником смотрели друг другу в глаза, не мигая. Фатовый первый отвел взгляд, сказал шутливо:

— Про барина вам лучше Герочку своего расспросить.

— Да помрет он, до сути даже не дойдя, — махнула я рукой. — Шестерка, что с него взять.

— А попробуем? Только придется головешку его набриолиненную после отрезать. Вы крови боитесь?

— Ни в малейшей степени, — ответила я честно, не уточняя, что крови-то нет, не боюсь, а вот покойников боюсь до тошноты и обмороков. — Голову сечь обязательно?

— Обычай у нас в Крыжовене такой, не древний, а вполне новый, чтоб покойники после не поднимались.

— Так барин ваш... некромант?

Туз кивнул и откинулся на стуле, позволяя халдеям расставить перед нами блюда со снедью. Еда меня не интересовала, я едва дождалась, чтоб официанты отошли.

— И давно он шалит? С какого времени замечен?

— Дайте подумать... — Яшка любовался жиденским супом в своей тарелке. — С год примерно упыри по Крыжовеню принялись шастать, но и раньше звоночки были всякие.

Он зачерпнул ложкой, снял пробу, мечтательно прикрыл глаза.

— И вы ничего не предпринимали?

— Мы — это кто?

— Да кто угодно. Люди, обыватели.

— У нас, Евангелина Романовна, каждый за себя. Кому удалось упыря обезглавить, тот молодец, а не сдюжил, отправляйся упырьё войско пополнять.

— А приказные?

— Они, что ли, не люди?

— Они законом на защиту подданного имперского населения поставлены. Пристав Блохин что говорил?

— В личной беседе? — продолжал куражиться Туз. — Что-то не припомню даже.

— Разумеется, — хлопнула я ладонью об стол, — у вас другие темы со Степкой были для разговоров.

Фартовый застыл, приоткрыв рот. Наконец сказал:

— Ваша горячность, Евангелина Романовна, вовсе удивительна. Пошутил я. Не знаком был со Степаном Фомичом.

— Меня ваши делишки с покойным приставом занимают мало, сейчас мало. Предположу... Хотя нет, даже предполагать не буду, чем вы втроем с Бобруйским промышляли. Мне нужна информация, мистер Ас. Кто такой барин? Где его найти? Кто ему служит?

— Купца еще приплели, — вполне натурально удивился фартовый. — А на вопросы отвечу так, на первых два — не знаю, а на последний — кто угодно из живых и все из мертвых, кому родня не озаботилась головы прежде погребения отсечь. Бобруйский! Может, он со мною дела вел, только я не с ним, с Сергунькой Чиковым договаривался. Но это пока он жив был, а как помер, я сразу Степану Фомичу сказал, что ничего общего с упырями...

— Погоди, Яков, — перебила я фартового, не заметив, что перешла с ним на «ты» и ухватив его за руку. — Чикова совсем недавно застрелили.

— А до этого он вешался, в травне еще, и топился, и от опия помирал. И всякий раз... — Он перегнулся через стол, не замечая, что окунает кончик шелкового галстука в суп, стиснул с силою мои пальцы. — Чую я покойников, Геля, как зверь кровь чую. Ходят среди нас, людьми притворяются, только гнилые внутри.

Я посмотрела на сидящего за соседним столиком Зябликова, тот без аппетита ковырялся в тарелке, любуясь настенным натюрмортом. Проследив мой взгляд, Туз хрипло хохотнул:

— Герочка живехонек, от него только страхом пахнет. Боится болезный, что его, такого раскрасавчика, мимо воли обратят.

— Он сам на себя навский артефакт подчинения нацепил, — пожаловалась я, — таскается вот теперь, никак не отстанет. Я уж собиралась его калечить, чтоб в больничке полежал.

— Очень на него похоже. — Галстук свой фартовый из супа вынул, а руку мою отпускать и не думал, перебирал интимно пальцы, поигрывал перстнем. — Хочешь, я эту змейку с него сниму? Поглядим, куда наш пострел метнется прятаться.

— Ты можешь? — Выразить крайнюю степень удивления можно было, лишь всплеснув руками, для этого мне понадобились обе конечности.

— Я на этих цацках навших собаку съел. Думаешь, чем мы с Блохиным промышляли? Всего-то и надо нужную мелодию наиграть. Доставай дудку, сейчас мы фраерка освободить будем.

— Не время, — остановила я фартового. — Зябликов мне еще пригодиться может, он единственный, про кого мы точно знаем, что он барину служит, он нас в логово отведет.

— Нас? — Туз покачал головой. — На такое я ни в жизнь не согласный.

— Тогда зачем ты мне это все рассказал?

— Молчать не мог больше. Ты когда на площади нынче кричала, что все мы гнилые, дрогнуло сердце. Я, Геля, в Бога верую, а то, что в Крыжовене творится, — воле его противно до самой крайней степени.

— А не боишься, что барин тебя накажет? Услышит и накажет. Он ведь слышит все, упырь, крысиное ваше величество.

— Он чародеев только слышит, — ответил Туз с улыбкой, — а я, к счастью, человек.

— На три примерно четверти. — Думала я уже о другом, потому говорила рассеянно: — Чего?

Посмотрев внимательно в серые глаза, я уточнила:

— Ну, или половина у тебя людская, на остальную ты, Яшка, явный неклюд. Где сегодняшней день проводить собираешься? Мне бы вечером переговорить еще с тобой коротенько.

— Неклюд?

— Ты сам говорил, что смерть, как волк, чуешь и страх тоже. Плюс у тебя зрачки забавно на свет реагируют. Предположу, что

внутренний твой зверь не волк вовсе, а, к примеру, рысь.

— Неклюд?

— Ну чего заладил? Бывает. У мамки спроси. Жива мамка-то?

— Приютский я, сирота.

— Тогда поверь мне на слово. Давай, мистер Ас, назначим друг другу свидание и попрощаемся до вечера.

Договорились встретиться здесь же часу в десятом. Я оставила за столом пребывающего в крайней степени растерянности фартового, Герочку даже звать не пришлось, сам соскочил с места, чтоб вперед халдея подать мне шубу.

Значит, по порядку. Что мы имеем? Некоего некроманта, появившегося в Крыжовене примерно с год назад, его частично живых, частично дохлых подручных. Упырье войско, как говорил Туз. Что у нас супротив этого? Надворная советница с револьвером. Ну, положим, если Семену удастся главного закуклить, армия его опасности не представит. Кстати, любопытная несостыковка получается. Крестовский вчера еще собою жертвовать не собирался. Что его передумать заставило? Что-то, что в тереме Бобруйских случилось? Вспоминай, Геля. Вы на поминках сидели, потом ты к лекарю бегала. Что происходило в твое отсутствие? И зачем Семен чешуйку у гнума приобрел?

Лавочка гравера оказалась закрыта. Не просто даже закрыта, витрина была поверх ставней заколочена крест-накрест досками. Не желая верить в неудачу, я пробежалась до «Фотографического храма искусств Ливончика», чтоб убедиться, что и это заведение покинуто.

— Ваше высокоблагородие, — догнал меня испуганный Зябликов, — что случилось?

— То, чего следовало ожидать, Геродот, — пнула я крылечко, — то, что всем нерасторопным болванам, навроде меня, причитается. Ступай за коляской, к кузнечным мастеровым поедем.

Зябликов рысцой устремился по направлению к ресторану, на двери за моею спиной звякнул колокольчик.

— Геля! — Соломон Леевич втащил меня внутрь. — Зачем ты здесь?

Ставни не пускали в салон ни единого солнечного лучика, носатое лицо гнума освещалось красной фотографической лампой, которую он держал в руке.

— Имущество-то свое упаковал уже, дядюшка?

— А что я, по-твоему, делать должен?

— Да делай, что тебе угодно.

— Пришла зачем?

— Да какая разница? У тебя же времени, поди, ни минуточки нет, скорб ждет. Беги, Ливончик, спасайся.

Гнум шмыгнул носом.

— Уезжай из города, Попович, пережди, пока чародеи меж собой разбираться будут.

— Где?

— Так у неклюдов, в таборе. Они наших всех примут беженцев, по договору стародавнему меж нашими народами, скажешь, что от меня.

— Нет, Ливончик. Я не про то спрашиваю. Где логово вашего главного упыря?

— Эх, Геля, — вздохнул гнум, красные отблески лампы пробежались по пустому помещению, — не стоит тебе туда соваться.

— Это я сама решу. Где?

— Ну придешь ты к барину, дальше что?

— По ситуации. У него мой любимый... начальник то есть.

— Рыжий чародей? Дворкин мне рассказывал, он чешуйку...

— Об этом второй вопрос. Для чего она надобна?

— Так для сплава.

— Это понятно. Что за сплав? Оружейный?

Может, Семен собирался изготовить специальный клинок против главного упыря, но потом решил, что не успеет? Достав из сумочки артефакт, я показала его на ладони.

— Так любимый... кхе-кхе... начальник тебе чешуйку преподнес?

Это «кхе-кхе» мне вовсе не понравилось, и тон вопроса, сочувственно-грустный, и повлажневшие глаза собеседника.

— Дядя Моня!

— Сразу видно, не в гнумьих традициях тебя маменька воспитала. Для кольца это сплав, для обручального.

— Что?

— Обычай такой. Когда парень девицу замуж зовет, эту блес гюшку преподносит, ежели гнумка согласная, она подарок берет и кует колечко суженому. Неужели ты не знала? — Ливончик вытер рукавом

глаза. — Трогательно так, мочи нет. Он тебе, дурынде, в любви признался, думал, приличную гнумскую барышню перед собою видит, а ты не поняла даже.

То ли мне сейчас морочили голову, то ли Семен Аристархович мою гнумскую семейственность несколько больше реального воображал. И, положим, чешуйку мне не преподнесли, я сама ее со стола во время допроса стащила. Маменька тоже еще... Как можно было дитятку о таких важных вещах не поведать? За родителя моего покойного она по людским законам выходила, в церкви венчалась, но все равно...

— Колечко ковать собственноручно надобно? — спросила я, пряча чешуйку обратно.

— Непременно самой. И как расплавишь, в котел крови своей капни, это уже не обязательно, но примета такая, чтоб любовь крепче в браке была.

— А прочие ваши мастеровые тоже из города подались?

— Ты немедленно, что ли, ковать собираешься? — Ливончик шмыгнул носиком жалобно.

— Так спрашиваю, из любопытства.

— Не осталось нынче в Крыжовене гнумов. Мы беду страшную лучше прочих чуем.

Со вторым он не врал, что касаясь первого, были у меня сомнения. В салоне, то есть в главной его комнатенке, мы с Ливончиком были одни, но из-за двери доносилось время от времени некое шебуршание, слышались низкие мужские голоса и лязг стали. Беженцы? Ну-ну. Насколько я успела прознать, гнумское население Крыжовеня составляли сплошь мужчины. Взрослые, холостые, бездетные и более-менее, по обычаям своего народа, вооруженные. Чародеями они не были в нашем человеческом понимании, но магией своей обладали.

Фотограф Ливончик, гравер Дворкин и еще пара десятков отважных воинов. Про самопожертвование Семена они знают, к чему-то готовятся. К битве? К войне?

— Где логово, дядюшка? — требовательно спросила я. — Все равно ведь узнаю, только времени займет больше.

— Не твоя это битва.

— Моя, даже больше чем ваша. Я...

— Мы клятву давали тебя в дело не мешать.

— Кому? Крестовскому?

Соломон покачал головой. Скрипнув зубами от бессилия, я подумала, что и здесь его превосходительство постарался все ниточки оборвать, не верил в мое послушание, правильно не верил. А я, дура наивная, ему доверяла, на целый день отпустила делишки тайные обтяпывать. И на что этот мизогин подаренное время использовал? На альянсы? На то, чтоб меня из игры вывести? Ладно, не время страдать. Клятвы мне не пересилить, но, может, удастся ее немножко обойти.

— Хорошо, — пожала я плечами, — в драку не полезу, но помощь-то оказать не запрещается? Тыловую, так сказать, поддержку?

— В церковь сходи.

— Чего?

— Помолись за чародея своего, женщина.

Перфектно! Как мне изящно на мое место только что указали. Ступай, баба, молиться, больше толку от тебя нет. И это говорит мне гнум, представитель расы, где женщины столетиями наравне с мужчинами сражались плечом к плечу! Все-таки некомпактное проживание размывает обычаи малых народностей империи.

Ну погодите у меня, носом землю рыть буду, но цели добьюсь! Соратник мне нужен разумный, в чародействе поднаторевший, с которым Крестовский ни о чем договориться не успел. Не соратник даже, а соратница. Потому как к противоположному полу доверия у меня вовсе не сохранилось. Умная женщина-чародейка? По счастью, знакома я с персоной, полностью описанию соответствующей. К ней и отправлюсь.

На улице уже некоторое время Геродот Христофорович выводил тенорком:

— Ева! Госпожа моя! Ваше высокоблагородие!

Я подтолкнула Ливончика к внутренней двери.

— Ступай, мне сцена нужна для представления.

Дождавшись его ухода, я вывалилась из салона на руки Герочки.

— Нет никого! Все ушли, крысы трусливые.

Зябликов бросил пытливый взгляд в дверной проем.

— С имуществом?

— Гнумы свое имущество обожают, — сообщила я гадливо. — Сквалыги малорослые.

— А зачем вам, ваше высокоблагородие, гнумы понадобились?
Окинув бывшего корнета придирчивым взглядом, я протянула:

— А ведь мне, Зябликов, толку от тебя никакого нет. Одни хлопоты.

— Госпожа...

— Прогоню я тебя, бестолкового, ты мне только мешаешь, конспирацию рушишь.

— Пригожусь! Отслужу! Евангелииа Романовна, никак мне от вас нельзя, помру ведь во цвете лет!

За спиною мужчины меж торговых рядов я заметила знакомую фигуру, потому проговорила рассеянно:

— Оставайся пока и думай, как заклятие свое хитроумное обойти, чтоб имя и место логова барина сообщить.

Герочка уверил, что все силы мысли немедленно задействует, я, не слушая, уже быстро шла через площадь. У скобяных лотков толпились покупатели, один из них, кряжистый мужик в треухе, был увлечен торговлей и не замечал чужих ручонок, нацеленных на его мошну. Ухватив рябое ухо отрока Михаила, я прошипела прямо в него:

— За старое принялся, преступник малолетний? — И потащила мальчишку прочь.

— Тетенька... Геля... пусти... прости...

Затолкав Мишку в простеночек между дощатых лавок, я брезгливо отерла ладонь о полу шубы.

— Ну? Безобразим?

— Бес попутал. Честное слово, не буду больше! Вот те крест.

— Почему не в приюте? Почему сызнова по карманам промышляешь?

— Так скучно, — оправдывался пацан, — мочи никакой нет. Ничего целыми днями не делаем, спим только до обеда да едим. Директриса говорит: «Играйте, вы же дети». Только сколько ж можно... А чего этот фармазон с тобой таскается?

Я обернулась мельком на Зябликова, тот переминался с ноги на ногу, прислушиваясь к разговору. Какой хороший вопрос. Действительно, зачем? И как далеко он может от меня отойти безболезненно? Нужно проверить.

— Слинять бы мне по-быстрому, — шепнула я Мишке, — чтоб фармазон не сразу догнал. Подсобишь?

— Легко, — сплюнул в грязь пацан. — Ежели чего, мы с мелким и Костылем у церкви обосновались, ночлежка там...

Не закончив фразы, Мишка сунул в рот пальцы, свистнул, прыгнул мимо меня из простеночка и, сорвав с головы Геродота Христофоровича цилиндр, припустил прочь. Зябликов рванул за ним. Я же быстрым шагом вернулась к салону Ливончика и взобралась на облучок Герочкиной коляски. Послушная поводом лошадка зачавкала копытами по грязи, и мы быстро покинули базарную городскую площадь, направляясь туда, где я могла найти поддержку сильной независимой чародейки. Елизавета Афанасьевна Квашнина была моей последней надеждой.

Два столичных чародея Иван Иванович Зорин и Эльдар Давидович Мамаев сидели друг против друга за массивным кабинетным столом и молчали. Между ними на зеленом казенном сукне столешницы лежала обычная телеграмма с обычными вполне словами. Картонка, на которую клеилась телеграфная лента, носила следы разнообразных на себя воздействий.

— Шеф приехал, зпт., - проговорил Эльдар по памяти, цитируя послание не в первый уже раз — встретили, зпт., поселили, зпт., обогрели, тчк. Попов ч, тчк.

Чародейское молчание происходило вовсе не от растерянности, а от усталости, вызванной многочасовой волшбою.

— Попов ч... — улыбнулся Зорин. — Просто, эффектно, в ее обычной манере. «Яти» свои она, скорее всего, во все шесть слов вставила, телеграфист их по правилам грамматики исправил. Ладно, шевелиться пора, Эльдар Давидович, посмотрим, что там в Крыжовене затаилось.

— К шапочному разбору только поспеем.

— Типун тебе на язык.

— И на него согласен, только бы ошибиться.

Шквальный порыв ветра распахнул оконные створки, смел со стола бумаги, закружил их хороводом, а когда ветер стих и белые прямоугольники посыпались вниз, укрывая ковром пол, чародеев в кабинете уже не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в коей Евангелина Романовна заручается чародейской поддержкой, но пожинает горькие плоды собственной служебной ошибки

Преступление или проступок, учиненные безумным от рождения или сумасшедшим, не вменяются им в вину, когда нет сомнения, что безумный или сумасшедший по состоянию своему в то время не мог иметь понятия о противозаконности и о самом свойстве своего деяния. Однако же учинившие смертоубийство или же посягнувшие на жизнь другого или свою собственную, или на зажигательство безумные или сумасшедшие заключаются в дом умалишенных, даже и в случае, когда бы их родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотреть за ними и лечить их у себя.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

Над стенами приютской богадельни потрудились маляры со штукатурками, громада здания теперь весело голубела в свете частых фонарей. Луна, казалось, с одобрением заглядывала в намытые окна, не смущаясь нисколько решетками на них. Я поднялась по ступенькам и дернула цепочку дверного звонка.

— Госпожа моя... ваше высокоблагородие... — Герочка тяжело дышал от бега.

— Зябликов! — позвонила я повторно. — Долго же вы меня искали.

— Так я за коляскою... а вы... а она...

— Коляску пришлось бросить. — Дернув в третий раз, я продолжала звонить без остановки. — Внимание она привлекала, и вообще...

— И шубу?

Свободной рукой я погладила воротник надетого на меня мужского пальто и, сдернув с головы парик (завитой конский волос, оттенок блонд, рубль десять копеек в лавке на углу Каретной улицы), сунула его Зябликову.

— Перфектно, правда? А что же вы, Геродот Христофорович, не померли в разлуке?

От необходимости отвечать Зябликов был избавлен лакеем, распахнувшим наконец двери богадельни.

— Евангелина Попович, — сообщила я, — к госпоже Квашниной.

— Извольте обождать.

Дверь захлопнулась, я повернулась к Герочке:

— Ну, как наши мысленные экзерсисы? Придумали, как мне информацию нужную сообщить?

Тот держал перед грудью парик, запутавшиеся в белесых локонах пальцы дрожали. Герочке было страшно, очень страшно. В продолжение всего времени, когда он безуспешно пытался меня настичь, ужас буквально рвал его на части. Но не разорвал. А это значило, что Зябликов мне врет. Не раб он мне вовсе, а вражеский соглядатай. Обиды или разочарования от открывшихся фактов я не испытывала, потому как, помри Зябликов во время эксперимента, вина на мне бы была. А так...

Распахнув пальто, я сняла с пояса сумочку (ну не носить же столь приметный аксессуар на виду), достала навью дудку.

— Держите. В ресторане, где мы с вами нынче столовались...

Отставной корнет в ужасе отмахнулся париком:

— Нет!

— ...в десятом часу господин Туз будет присутствовать, — заключила я с нажимом. — Он снимет с вас артефакт.

— Нет!

Разжав пальцы, я переступила через дудочку и вошла в двери богадельни, открытые лакеем. Сбежит Зябликов, и ладно, останется, тоже неплохо, есть у меня мыслишка одна про наилучшее его

использование. Герочка пока крайнее страдание изображал, бухнулся на колени, кричал истошно, плакал.

— Барыня ожидают, — сказал лакей с почтением и закрыл дверь, отсекая от нас звуки зябликовской истерики. — Извольте пройти в кабинет.

Эхо шагов возносилось к потолку вестибюля, люстра горела желтовато, еще более походя на созревший гигантский прыщ. В коридорах пахло паркетной мастикой, на подоконниках лежали детские игрушки и книжки с картинками, воспитанники, скорее всего, готовились отойти ко сну, учебное крыло пустовало. Дверь директорского кабинета была приоткрыта, лакей указал на нее, поклонился, предлагая мне войти. Мадам Фараония подняла голову от документов:

— Гелюшка, я так и знала, что ты не уедешь!

Квашнина встала из-за письменного стола, распахнула объятия. Я бросилась к ней, прижалась, вдыхая присущий чародейке запах жженого сахара, и отчаянно разрыдалась.

— Елизавета Афанасьевна, вы моя последняя надежда!

— Ну, ну, милая... ну, ну...

Фараония повела меня к уютно горящему камину, усадила в креслице перед низким столиком, дала в одну руку носовой платок, в другую — рюмочку с малиновой наливкой. Это было ошибкой, в расстройстве я телом не владела, попробовала одновременно пить и сморкаться, облилась липкой жидкостью, испачкала красным платочек.

— Эх тебя разобрало! — налив сызнава, чародейка поставила рюмку на столик. — Ну, рассказывай. Почему не уехала? Что стряслось?

Запах жженого сахара усилился, артритные пальцы чародейки сплели в воздухе аркан, и мундир мой очистился от грязи, а платочек вернул девственную белизну.

Сильна в волшебстве тетка, ох как сильна.

Одобрительно шмыгнув носом, я начала свой рассказ. История, изложенная с самого начала, с письма, пришедшего на адрес столичного приказа, времени заняла изрядно. Приходилось еще постоянно отвлекаться на уточнения.

— С того света? А как чародеи твои про то поняли? — спрашивала Фараония. — Всевидящее око? Некромант?

Я отвечала подробно и не таясь, Квашнина охала, ахала, всплескивала руками, опрокидывала в себя наливку, вытирая ладонью губы. Часть рассказа, касаемая событий в тереме Бобруйских, заставила Фараонию расхохотаться.

— Гаврилу любовница супруги порешила? Нинелька-затейница. А Манька успела за пристава замуж выскочить и даже пузо нагулять? Как же ты, Попович, барышня молоденькая, этот клубок умудрилась распутать? Восторг, чистый восторг.

О многом директриса и без меня знала: и о припадках Нюты, и о карточной игре барыни Бобруйской. Про графа приснопамятного даже слыхала кое-что, то есть сочетание имени Теодор и титула ей было знакомо, вот только сейчас она не припоминала, в какой именно связи.

Краснея от стыда, я рассказала о визите в приказ, о коллегах-предателях, о фартовом Тузе, о высокомерных гну мах, связанных клятвой, о Герочке, который сейчас бродит под окнами богадельни. И с каждым сказанным словом мне становилось чуточку легче. Пожилая чародейка была перфектным слушателем, именно таким, который был мне, переполненной обидой и отчаянием, надобен.

— Вот и получилось, что Крестовский меня будто бы для охраны Марии Бобруйской оставил, а сам... — закончила я со всхлипом. — И что теперь делать?

— Ты совета хочешь, или помощи?

— И того и другого, а в-третьих, понять хочу.

— Что понять?

— Все. Мотивы начальства, причину, по которой он на самопожертвование решился, ошибки свои.

— Ну, ошибка твоя одна, — хмыкнула женщина, — слепое доверие. Ты без вопросов и сомнений приказы своего чародея исполняла.

— Нас ведь подслушать могли.

— Я не про нынешнюю ситуацию, а вообще. Ты, Геля, не просто сыскарь, а сыскарь-чародей, а в волшебстве разобраться не удосужилась. Поэтому сейчас и не понимаешь, что к чему.

— Меня, Елизавета Афанасьевна, другому учили.

— Чему, например?

— О том, в чем не разумею, у специалистов советов спрашивать.

— Вот тебя и бортанули, разумницу. — Фараония кряхтя поднялась из кресла, достала новый графинчик. — Хорошо, я есть, не оставлю в неведении.

Мне пить не хотелось, полная рюмочка стояла нетронутая. Квашнина, задумчиво повертев в руках графин, вернула его в шкафчик и неожиданно спросила:

— На Семене твоём, когда он в Крыжовень приехал, никаких необычных украшений не появлялось?

— Кольцо, — ответила я удивленно, — на безымянном пальце, навряд ли обручального...

— Вот все и сошлось! — Квашнина плюхнулась в кресло и закинула ногу на ногу, подняв нижними юбками пенную волну. — Семушка твой большую часть сил кольцом запечатал, чтоб их на эту хтонь направить при случае.

— То есть он заранее к битве готовился?

— С первого дня.

Испытав облегчение от того, что колечко Семена оказалось вовсе не от Головиной, я немедленно устыдилась. (Недостойная бабья ревность, Попович!) И с удвоенным вниманием далее слушала Елизавету Афанасьевну.

— Почему он именно сегодня на битву решился? Тоже не тайна за семью печатями. Гнумы чародею о приближении беды сообщили. Может, некромант своими подземными щупальцами до Степановой могилы смог добраться. Оттого и спешить пришлось.

— И что теперь?

— Будем надеяться, что сил Семену Аристарховичу для магического перехлеста хватит.

— Предположим, хватило. Дальше?

— Хтонь закуклится, чародей при ней роль печати исполнять останется. Твои коллеги из столицы приедут, магический фон зачистят, оставшихся без командира упырей упокоят, над Блохиным обряд проведут. Хорошо все кончится. Гнумы еще алебардами своими побряцают.

— А Крестовский?

— Что — Крестовский? Такая его доля чародейская, знал, на что шел. Да, чуть не забыла. Григорий Ильич ото сна воспрянет...

— Зачем, — перебила я Фараонию, — некроманту именно Семен понадобился? На чем уверенность, что хтонь его на расстояние перехлеста приблизит, основывалась?

— Крестовского призвала сила земли, та же, что и Блохина. Судя по твоему рассказу, из Семена сосуд для сущности может даже лучше получиться. Потому что живое тело всяко вкуснее дохлого. — Квашнина задумчиво пожевала губами. — Граф Теодор... Конечно! Помнишь усадьбу, возле которой тело пристава обнаружили?

— Усадьба генерала Попова, — приподняла я брови.

— А звали его как раз Теодор. Теодор Васильевич Попов! Стой, куда побежала?

— Коляску одолжите? — обернулась я с порога.

— погоди! — Фараония со скрипом поднялась. — Одну не пушу, вместе поедем.

Именно этого предложения от Елизаветы Афанасьевны я и ожидала. Директриса призвала колокольчиком лакея, велела запрягать, распахнула дверцу смежной гардеробной комнатенки, где вперемешку с одеждой лежали на полках и подставках разнообразные предметы чародейского мастерства.

— Я тебя, Гелюшка, прекрасно понимаю, — говорила Квашнина, надевая богатую горностаевую шубу, — сама молодая была, что такое любовь девичья, прекрасно помню.

— Не из любви ерепенюсь, — возразила я, переминаясь на пороге, — то есть не только из-за нее. За правду я и за справедливость.

— Еще службу свою сыскарскую сюда приплети!

— С ней что не так?

— Да то, девчонка, что ты своими действиями прямые приказы начальства не исполняешь. Тебе Крестовский что велел? А ты?

— Я, Елизавета Афанасьевна, как раз служебному протоколу следую, в отличие от его превосходительства. Это он статусом своим пренебрег, чтоб дорогих людей защитить.

Мы уже шли быстрым шагом по пустынному коридору, Фараония из-за роста своего высоченного меня опережала. Обернувшись через плечо, она с издевкой спросила:

— То есть Семен Аристархович тебя любит?

— Нет! — Догнав женщину, я взяла ее под руку. — Нет, любить можно только равных, а я, к сожалению, ему не ровня, так, барышня

забавная из простушек, чуть полезнее собаки-ищейки. Семен Блохина покойного оберегает.

Коляска у директрисы была богатая, целый экипаж, запряженный четверкою вороных орлейцев. Чародейка сама взобралась на облучок править, я рядышком уселась. Щелкнул звонко кнут, застучали копыта, подпрыгнули ритмично рессоры. Эдак мы минут за сорок до места домчим.

— Ничего не понимаю, Гелюшка, — говорила Квашнина. — Не поспеваю умишком своим стариковским за твоими размышлениями.

Мимо нас проносились вывески лавочек, фонари, заколоченные ставни. Время было не особо позднее, к девяти приближалось, но город будто вымер. Тут даже не гнум догадается, что-то нехорошее грядет. Придерживаясь за каретную финтифлюшку, я привстала и поглядела назад. Геродот Христофорович следовал верхом в арьергарде.

— К Тузу ступайте, Зябликов! — прокричала я.

— Никак не возможно... госпожа моя строгая...

— Сядь, — велела Фараония, дернув меня за полу пальто, — упадешь еще. Ну едет и едет твой корнет.

— Он врун, Елизавета Афанасьевна, и соглядатай, самим барином ко мне приставленный.

— Отчего так решила?

— Вот вы скажите, человек, на которого навий артефакт надет, как далеко от своего хозяина удалиться может?

— До полуверсты, и то болезненно это.

— А Герочка вполне спокойно в больничке лечился, пока я убийство купца расследовала. Я специально на карте города линейкой мерила. Второе: подчиненный приказ хозяина как исполняет? То есть добуквенно, правда? А Зябликову госпожой меня величать я запретила, однако же вопит.

— Ну и зачем он при тебе, как думаешь?

— Это просто. Барин решил, что моя скромная персона ему для торга с Крестовским пригодится, он, видимо, тоже любовь между нами вообразил.

— Вот, кстати, про любовь ты мне не уточнила. Что-то там про ровню плела. Крестовский, что ли, навроде, тьфу, Хруща? По мужескому роду сохнет?

Скабрёзно хохотнув на фантазии старушки, я погрустнела.

— К Блохину у шефа больше чем любовь — дружба и ответственность. Если бы не это, он реверансы с вашей хтонью разводить не стал, по-простому бы действовал.

— Это как?

— Доставил бы некроманту покойника, позволил сосуд занять, да и тюкнул бы обоих, пока хтонь в новом теле не обжилась.

— Если бы это было так просто...

— Это просто, — перебила я сердито, — перфектно просто! Если не пытаться посмертно боевого товарища обелить, не бояться, что все его делишки на свет ползут, и не опасаться над трупом надругательства.

— Ты ревнуешь, Геля?

— Да, ревную! Но вовсе не потому, что Семен меня на свой идиотический мужской долг променял. Обидно мне, что ровней себе не считает, не советуется, а перед готовым решением ставит. Ему ведь, болвану высокомерному, даже в голову не пришло покойником-приставом торговаться, у него, болвана, под это думалка не заточена! Там про честь все больше, про заветы чародейские, про воинское братство. — Запнувшись, я заозиралась. — Мы почему на Гильдейскую приехали?

— Грегори-воина будить, — ответила Фараония. — Пусть тросточкой своей двум слабым женщинам подсобит.

Ворота бобруйского терема были настезь распахнуты, чародейка направила туда экипаж.

— Случилось чего? — бормотала я, удивляясь безлюдью. — Где слуги? Где все?

Открыв незапертую дверь, мы вошли в дверь, Квашнина подняла над головою руку с чародейским светильничком.

— Ау! — позвала я. — Есть кто?

— Позвольте, госпожа моя... — Зябликов щелкнул чем-то у стенки, все люстры первого этажа зажглись одновременно. — Есть от Герочки толк?

— Помолчите.

Достав из сумочки револьвер, я обошла комнаты и убедилась, что людей в них не наблюдается, а наблюдаются следы отчаянной

разрушительной драки: перевернутая поломанная мебель, сорванные портьеры, исцарапанный паркет.

— Евангелина Романовна! — Нюта Бобруйская осторожно спускалась по лестнице, моргая от яркого света. — Это вы?

— Где все? Что произошло?

— Нас пятеро всего в доме осталось, — ответила девушка, — забаррикадировались в женском крыле, — махнула она рукой наверх. — Я с Григорием Ильичом и охрана, прочие, как все началось, кто куда разбежались.

Фараония уже поднималась на второй этаж, Герочка почтительно замер в ожидании. Я спрятала оружие и приобняла барышню за худые плечи.

— Что началось?

Нюта всхлипнула:

— Маньку забрали.

— Кто?

— Не знаю-у... Только стемнело, полезли отовсюду... страшные, без лиц...

Она принялась рыдать, и больше ничего я от нее не добилась. Марию Гавриловну пленили какие-то страшилы, и господина Хруща с нею, потому что защищать барышню ринулся. Это мне сообщил уже начальник охраны, он и двое его подручных охраняли доставленного из приказа Волкова, поэтому нападение прошляпили.

Девушки устроили Григория Ильича в смежной с моей спальней комнате, там он и лежал, укрытый до подбородка атласным нарядным одеяльцем.

В комнате пахло жженым сахаром, Фараония колдовала, перебирая по-паучьи усеянными перстнями пальцами.

— Не желает наш Гриня пробуждаться.

Анна Гавриловна, перестав плакать, подошла к постели, поправила одеяльце. Вела себя барышня по-хозяйски и несколько ревниво, нравился ей красавец наш спящий, чрезвычайно нравился. Оттого и охрану к нему приставила, и не бросила одного, когда похищение сестрицы приключилось. Досадно даже, что Волков девичьего героизма не понимает, дрыхнет безмятежно, на усилия чародейки не реагирует.

Устало вздохнув, Фараония опустила в кресло.

— Сплоховала я, Елизавета Афанасьевна, — пожаловалась ей. — Мне велели Марию Гавриловну беречь. Не уберегла.

Чтоб как-то унять раздражение, я принялась мерять шагами комнату.

— Идиотка, форменная идиотка...

Зябликов, опасливо покосившись на охранников, сидящих рядом у стены, тронул наверх трости.

— Руки прочь! — рявкнула Квашнина, а мне сказала успокаивающе: — Бывает. Думаешь, беременную нашу барин уволок?

— Ему это зачем?

— Известное дело, в ней Степкин плод, из него тоже сосуд получиться может. Только выходит тогда, что с Крестовским у него не сладилось, значит...

Встретив ее взгляд, я едва заметно указала головой на дверь, приглашая на тайную беседу. Чародейка мне подмигнула и, кряхтя, стала подниматься из кресла.

— В уборную мне надобно. Гелюшка, деточка, сопроводи старуху. Нет, нет, подальше какую, дела у меня громкие, а тут господа мужеского пола, не хочется их слух оскорбить.

Мы вышли из спальни, я затолкала Фараонию в музыкальный салон, закрыла за нами двери и зашептала:

— Плохо все, очень плохо! И я в этом виновата, решила, что Крестовский меня при Мане для виду оставил, а это архиважно было. И что теперь? Некромант может прямо в Манькином животе овеществиться или родов ждать будет?

— Теоретически... — начала чародейка, но я ее перебила:

— Нам до рассвета Марию Гавриловну освободить надобно.

— Почему?

— Семен слабеет, — призналась я, доставая из-за ворота подвеску-оберег. — У нас в мокошьградском приказе у каждого такая штука на шее есть, через нее мы друг друга чуем.

— Сильный артефакт, — кивнула женщина. — Что делать будем?

— Маневрировать, Елизавета Афанасьевна, и вам за главный маневр отвечать.

— Какой еще маневр?

— Обманный. Во-первых, беременную нашу в логово барина потащили, я там же окажусь, отвлеку на себя внимание. Вы же тем

временем... — Замолчав, я приоткрыла дверь, проверяя, не подслушивают ли нас.

— Сама в усадьбу поедешь? — спросила чародейка.

— Если просто поеду, не сработает. Была я в той усадьбе, развалины. Логово на каком-то другом пространственном уровне обустроено, мне туда не пробраться. Надо сделать так, чтоб меня в плен забрали. Тут нам Зябликов пригодится, я его спровоцирую, чтоб он активничать начал. Пусть меня в логово заташат, а я оттуда придумаю, как вас впустить.

— Ты, Попович, воображаешь, что старуха малосильная супротив некроманта выстоит?

— Во-первых, не кокетничайте, я, может, и не чародейка ни разу, но ваши способности разглядеть способна. Во-вторых... — подняв перед лицом правую руку, я пошевелила пальцами. — Мы с господином Волковым обручены, стало быть, на правах невесты я вполне могу его тросточку позаимствовать. Оружие будет у меня, вы же его направите и усилите.

— Ну, положим...

— Не возражайте сразу, скажите, если вот все одно к одному сложилось, хтонь только-только в человеческое тело переползла, можно ее артефактом Ордена Мерлина упокоить?

— Можно, — вздохнула Квашнина, — только Семена ты тоже убьешь.

— Не Семена, — улыбнулась я, торжествуя. — Вы до рассвета господина Блохина эксгумируете и привезете его в проклятую усадьбу Теодора Попова.

— Однако, — хмыкнула Фараония, — если все, как ты придумала, получится, Крестовский тебя наградами с ног до головы осыплет.

— Не осыплет. Сердиться будет ужасно, из приказа выгонит.

— Почему?

— Потому что, Елизавета Афанасьевна, своими действиями я все местные делишки обнаружю, и общество поймет, какую опасность чародеи у власти для него представляют. Не того Семен Аристархович хотел. Он самопожертвоваться желал, беду от города отвести, и чтоб потом коллеги из столицы потихоньку все здесь зачистили. И не отправь он меня в Крыжовень для следствия, а явись сам, все так бы и случилось.

— А ты...

— Я к политике отношения не имею, только о законе пекусь и о справедливости.

Торжественность изреченных слов вызвала целую армию мурашек на моей слегка взмокшей от тепла спине. И пауза получилась в конце такая, как надо, даже нарушать ее не хотелось, но пришлось.

— Так что, госпожа Квашнина, поможете мне?

— Помогу, — вздохнула чародейка и сдернула со своего пальца перстень. — Держи, это артефакт, навроде твоего приказного оберега, по нему я тебя разыскать смогу.

На себя я перстень не надела, спрятала в кармашек мундира, не хватало еще, чтоб у меня артефакт полезный раньше времени отобрали. Фараония продолжала деловито:

— Двух бобруйских охранников возьму, пусть лопатами помашут, трость тоже прихвачу, на рассвете буду у развалин.

— Обождите, пока я Герочку отсюда уведу, чтоб планов наших он не прознал.

— Разумеется.

— Еще одно: я так уверенно пристава откопать предложила, это вам не опасно будет?

— Нисколько. Думаешь, почему покойник во снах многим являлся, не тревожить просил? Кто угодно его переместить мог.

— Перфектно. Тогда приступим. Я сейчас сбегу, вы в спальню вернетесь, изобразите удивление моим отсутствием. Зябликов непременно за мною устремится.

Расцеловав меня троекратно на прощанье, Фараония потихоньку пошла разыгрывать представление, я же юркнула в библиотеку и покинула этаж через тайный ход. Игра началась.

Убегать пешком было скучно, экипаж я решила оставить Квашниной, а воспользоваться клячей Зябликова опасалась из-за узости юбки, так что скучала.

Ничего не упустила? Все ниточки подвязала? Вроде да. Если бы еще Зорин с Мамаевым здесь со мной были, вообще бы не волновалась. Но они, наверное, моего простого шифра не разгадали. Я ведь не многослойные арканы на телеграмму накладывала, чего, впрочем, никакой, даже самый великий чародей, не смог бы, я всего лишь составила послание сплошь из слов, в которых «е» было. В

берендийской грамматике звук «е» может двумя вариантами изображаться, как обычной «е», так и «ятем», что где стоит, гимнастам зазубривать приходится. Я же, прикинувшись дурочкой, во все слова «яти» напихала, даже в подпись-фамилию. Мой оберег именно эту букву изображал, он в прошлой жизни в самописце служебном трудился. Предполагалось, что коллеги, удивившись обилию «ятей», поймут, что я на помощь их призываю. Но, наверное, телеграфист ошибки исправил и тем самым планы мои разрушил. Ну и ладно, хороша бы была надворный советник Попович, если бы только на других полагалась.

А я хороша? Разумеется, до крайней даже степени. Хотя ни наград, ни почету мне от этого не будет. Потому что в политику нос сунула, тут хотя бы не оторвали, как Варваре той пресловутой, а только прищемили. Я ведь правду Квашниной сказала про чародея Крестовского и планы его. Чародеев в Берендийской империи меньшинство, а с меньшинствами, только повод дай — возмущения общественные, драки стенка на стенку. После слушания сенатские, монарший указ, и опля — черта оседлости, за которую заступать не смей, ежели ты того самого меньшинства представитель. Проходили уже за вековую нашу историю. Семен по-своему прав, как только информация про художества Блохина в уездном городишке получит широкую огласку, чародеям непросто придется. Но это только по-своему, более общо, умолчание есть преступление, и чиновники полиции его совершать не должны. Его превосходительству придется решить для себя, кто он изначально, по сути — подданный или волшебн великий. А я так скажу: он попервости чиновник, а потом все прочее, иначе пусть от должности отказывается и в имение отправляется, колдовать на природе.

От правильности размышлений стало мне приятно. Вот какова сыскарка Попович, все мысли о благе и законности! А потом немедленно противно. Легко тебе со стороны, Евангелина Романовна, начальство осуждать. Все разложила по полочкам? Крестовский — в имение? А ты что делать будешь? В столице служить останешься?

Однако дошла я уже в своем побеге до конца Гильдейской улицы и успела даже за угол повернуть, а Зябликов до сих пор не появлялся. Часики показали половину десятого, и, решив, что место, откуда меня в плен поволокут, особой роли не играет, я отправилась в ресторацию,

на свидание с фартовым мистером Асом. Встречались мне прохожие, бестолково шатающиеся меж закрытых лавок, бродячие собаки, ничейная белая лошадь, поводья которой волочились за ней. А еще неожиданно вокруг опустился плотный сероватый туман, какой только на болотах бывает и вовсе не в начале березня. Он стелился по земле, доставая мне почти до пояса. Стало зябко, не от холода, от страха. Город казался вымершим, неживым.

И ресторан гостей не принимал, темно внутри было.

Пока я смотрела в залу, прижавшись носом к витрине, сбоку послышался звук. Ожидая увидеть Герочку, я повернулась. Давешняя лошадка чавкала копытами, пересекая освещенный фонарем пятачок. Голова ее была опущена, грива перекинута через шею, на открытой моему взгляду холке зияла рана, будто некто зубами вырвал из животины кусок плоти, в ней копошились опарыши. Сглотнув горькую слюну, я достала револьвер. От металлического щелчка лошадь подняла на меня белые глаза. Мамочки! Глазницы дохлятины были набиты теми же мушиными личинками. Оружие я держала на уровне пояса, без эффектов. Надо уходить. Два выстрела по бабкам. Туша рухнет. Я успею добежать до...

Меня схватили за щиколотку. Нажав на курок, я выстрелила себе под ноги, рухнула с головой в молочный туман, перекатилась на бок, уходя от захвата, и замерла, стараясь выровнять дыхание. Не видно ни зги, хорошо, что не только мне. Зря стреляла, на звук сейчас упырей набежит. Интересно, меня укусить успели? Когда я обращусь? Стоп, Попович, про одержимость через укусы это твои фантазии, даже не твои, ты фильму такую смотрела про злонравного нава, который девиц малоодетых похищал и кровь из них сосал. Цепень его звали, вы с Мамаевым ржали еще неприлично. Не суть. Для обращения тебе помереть сначала придется. Соберись.

Лошадиное ржание на высокой ноте перешло в утробный вой. Послышались звуки удара и падения, сызнава вой. Он длился и длился, становясь тише, пока не прекратился вовсе.

— Ваше высокобагорodie... — раздалось где-то неподалеку. — Ева... Госпожа моя строгая...

Кто говорит? Зябликов? Или дохлая лошадь морочит? Совсем уж ты, Геля, ополоумела.

Услышав шебуршание сбоку, я повела револьвером, его дуло во что-то уперлось. Я нажала на курок, щеку обожгла боль, а сверху на меня навалился некто, жестким прямым ударом выбивая из руки оружие.

— Убивают! — орал издали Герочка. — Ой!

Некто был пола мужеского, поэтому от удара моим коленом в половые свои признаки он ослабил хватку. Немного, но мне хватило. Ужом выскользнув из-под мужика, я поползла прочь на четвереньках.

— Вашбродь, — простонали сзади, — это я, Федор.

«Какая неожиданная встреча, — подумала я саркастически, переставляя быстро руки и ноги, — и до смерти приятная».

Макушка встретила какое-то препятствие, я шлепнулась на бок, намереваясь откатиться, чтоб местоположения своего не раскрыть, но была поймана за ворот и вздернута на поверхность. Запястье со щелчком охватило кольцо наручников.

— Есть! — сказал радостно коллежский регистратор Давилов. — Поймали птичку. Что там, Федька? Ранен?

— Никак нет. — Отставной гренадир вознесся над туманом во весь свой гренадирский рост. — Барышня мне приклад пулей расщепила.

— Экая неосторожность. — Свободной рукой, той, которая с моею не была скована, Евсей Харитонович вытащил из моей щеки осколок деревяшки. — Револьвер, Степанов, найди, нечего казенным оружием разбрасываться. Игнат, что у тебя?

— Убег, вашбродь, — сообщил запыхавшийся городской. — В туман сдриснул. Это Геродот Зябликов был, которого о прошлом годе за срамные карточки...

— Отставить, — велел Давилов с непривычной властью. — Возвращаемся.

— По какому праву... — начала я, упершись покрепче ногами, цепочка дернулась. — Никуда я с вами не пойду.

— Некогда объясняться, барышня Попович. Федька, подсоби.

Гренадир отдал городскому покалеченное ружье и подобранный из тумана револьвер, а сам подхватил меня на руки. Моя скованная с коллежским регистратором конечность болталась в такт шагам, и получалось, будто мы Давилова ведем на привязи. Евсей Харитонович

быстро семенил, держа перед грудью обнаженную шашку. Тоже мне, Аника-воин апоплексический.

— Куда вы меня тащите? К барину?

В принципе, мне было все едино, кто именно меня в логово доставит, я только надеялась, что наручники с меня снимут.

— В приказ, — ответил Давилов.

— Это еще зачем?

— Затем, что мы все его превосходительству поклялись вас защищать. Посидите, Евангелина Романовна, под замком, пока... Игнат, справа!

Городовой подпрыгнул, махнул шашкой. Бурая тень рассеклась на половинки, осыпаясь трухой. Под ногами Федора хрустнуло, когда мы снова двинулись вперед.

— Вы за мной следили? — возобновила я разговор.

— Нет, — ответил Давилов. — Думали, вы, как вам и было велено, у Бобруйских затаитесь. Там и охрана, и господин Волков с заграничными чарами. Кто же предположить мог, что юная девица самолично на охоту отправится! Вас, Евангелина Романовна, обходчики на углу Гильдейской улицы заметили, в приказ немедленно сообщили.

Перед приказным крыльцом громоздились набитые песком мешки, образуя нечто вроде бруствера. Давилов дунул в свисток, извлекая отрывистую мелодию. Дверь скрипнула, открываясь. Федор поставил меня на ноги.

— Ребятуськи, — взмолилась я, — отпустите! Христом Богом прошу, некогда мне с вами прятаться.

— Разговорчики! — Евсей Харитонович потащил меня к двери, Степанов подталкивал в спину, городской Игнат пятился последним, нашу группу прикрывая. — Давайте, ваше высокоблагородие, не ерепеньтесь. У нас и чаек, и печеньица к нему...

Наверное, я могла драться, могла выхватить у толстяка его шашку, отсесть пухлую конечность, освободиться и скрыться в тумане, уровень которого поднялся уже до плеч. Могла, но не стала. Послушно вошла в присутствие, увидела встревоженные мужские лица приказных служивых, вздохнула и... громко, по-бабьи, расплакалась.

Женские слезы — оружие верное, то есть супротив мужского полу. Ах, как меня жалели! Любо-дорого даже. Отчего-то решив, что

самое большое горе столичной барышни ссадина на щеке, мне наперебой предлагали примочки, сунули в руки с десятков носовых платков разной степени чистоты и даже одну портянку, видимо в азитации не опознанную. Мне дали чаю и хрустящего сладкого хворосту. Любо-дорого... Плохо, что перед этим надворную советницу Попович поместили в арестантскую клетку.

Я сидела на нарах, жевала хворост, пила чай. Давилов сидел рядышком, прочие приказные любовались картиной через прутья снаружи, Старунов держал наготове ключи.

— Вы на нас, Евангелина Романовна, зла не копите, — сказал Давилов, отстегивая наручники и колобком выкатываясь к Ивану. — О вас же заботимся.

Дверца захлопнулась, ключ скрежетнул в замке. За спиною Старунова городской положил на конторку мой револьвер.

Я пила чай.

— Сами рассудите, ваше высокоблагородие, куда вам, такой нежной юной барышне, супротив великих чародеев.

Просунув пустую жестяную кружку сквозь прутья решетки, я приняла ее от Ивана наполненной.

— А вы, не юные, не нежные и не барышни, что делать собираетесь?

— Ждать. — Давилов придвинул к клетке стул, уселся.

Прочие приказные разбрелись по помещению, не бестолково, а вполне осознанно, занимая места у окон и за развернутой, чтоб защищать от двери, конторкой. Блохин действительно отставных солдат на службу нанимал.

— Семьи ваши где? — спросила я. — Жены, детишки?

— В храме их приютили.

Храмами Крыжовень преизбыточествовал, и цветочный был, и фотографический, и наслаждений, но шутить над этим сейчас не хотелось. Евсей Харитонович имел в виду настоящий храм, церковный. Тот, в котором, по мнению гнума Ливончика, мне за Семена молиться полагалось. Такая наша бабья доля: кухня, дети, церковь.

— А ждем чего?

— Безобразия этого окончания. — Давилов покосился на окна, за стеклами которых пузырился серый туман. — Его превосходительство

сказал, дня два, в самом крайнем случае — три.

— Где главный упырь затаился, знаете?

— Нет. И Семен Аристархович не знал, велел Чикова из камеры выпустить, чтоб тот отвел.

— Понятно, упырь Чиков к упырю барину.

— Семен Аристархович такого ума человечище! Ничего не упустил, всем до мелочей озаботился. Евсей, говорит, Харитонович, плохо дело, барышня Бобруйская от пристава понесла, это значит, у сучности...

— Сущности.

— Чего?

— Правильно говорить «сущность», — объяснила я. — Значит, Крестовский из-за ребенка поспешил?

А все ты, Геля, виновата. Не красуйся умом своим и хваткою сыскарской, не открой Маниной тайны собранию, может, обошлось бы.

— Не только из-за ребенка. Он с главою гнумьей общины побеседовал, Дворкин который. А полурослики эти, знаете, они в пламени будущность прозревают... Потому Степан Фомич покойный их не жаловал.

— Так это Блохин отсутствию в Крыжовене гнумов поспособствовал? И неключодов тоже он не любил?

Давилов удивленно выпучил глаза.

— Отчего же неключодов? Хотя именно Степан Фомич покойный приказал конокрадов этих в город не допускать. Блохин, он за чистоту был, как в быту, так и по крови.

— Именно поэтому у вас за нарядными фасадами форменные помойки скрываются. Потому что пристав чистоту обожал. И именно поэтому он навъими артефактами приторговывал.

— Евангелина Романовна, негоже на покойников напраслину возводить.

— Не приторговывал?

— Мы теперь про то не узнаем.

— Отчего же? — пожалала я плечами, остывший чай был невкусным и отдавал веником. — Два-три допроса — и узнаем все доподлинно. Кто у нас для показаний есть? Носильщик вокзальный, кучер Рачков?

— Так одного по этапу уже на каторгу отправили, а другой в больнице помер.

— У вас в городе до конца не помирают, Евсей Харитонович.

Толстяк посмотрел на меня с хитрецей.

— Это пока господин столичный чародей порядка не навел.

— Степанов, — позвала я громко, — Федор!

— Чего изволите? — отозвался гринадир.

— Ты ведь на барина работаешь!

— Никак нет.

— Сейчас хоть не ври. Я слышала, как ты с подручными его на вокзале беседовал. — Дразнясь, я пробасила слово в слово: «Тьфу, нелюди вы, а не люди! Девка-то ни при чем. Отпустили бы ее, чародей вам на блюдечке»...

Степанов перекрестился, разговор он помнил и знал, что сквозь вагонное стекло слышать его я не могла.

— Федор, — протянула я обычным своим голосом, — самое время признаться.

За младшего чина ответил коллежский регистратор:

— Мы все уже перед его превосходительством повинились. И Семен Аристархович понял, что выхода у нас другого не было.

«Крысы вы приказные, — подумала я с отвращением, — конечно, Семен вас понял и простил. Что с убогих взять? Он же себя защитником всеобщим мнит, болван чардейский».

А Давилов все говорил...

Знали они, крысы, все знали, а чего не знали, о том догадывались. С фасадом-то у них все преотлично было — образцовый приказ на страже правопорядка, а что с непарадной стороны творилось, на то и глаза прикрыть можно. Навьи артефакты в Крыжовене откуда-то появляться начали? Так ведь и аресты регулярные производятся. Покойники по ночам шастают? Народ у нас темный в уезде, вот и напридумывал всякого. Нет-нет, никаких упырей у нас нет. А что головы перед погребением сечем, так опять же обычай народный. Приезжие пропадают? Вранье. Где от родственников заявления? Где доносы?

Незадолго до убийства пристава понятно стало, что долго так продолжаться не будет. Иван Старунов, единственный, кроме Блохина, чиновный чародей заметил, что неладно что-то со Степаном Фомичом.

— В каком смысле? — спросила я письмоводителя.

— У каждого чародея, Евангелина Романовна, в плетении арканов свой почерк, а еще, — он тщательно подбирал слова, — сила нажатия.

— Чего?

— Ну вот, представьте, вы начинаете букочки выводить, можете едва-едва бумаги кончиком пера касаться, а можете ее до столешни процарапывать. А еще лиловые чернила можете взять либо какие другие.

Метафора писарчука показалась мне удачной. Волшба, насколько я понимала, состояла из изначальной силы, даруемой источником, силы самого чародея, то есть его способности данное контролировать, и знаний.

— Блохин стал писать другими чернилами, то есть сменил источник?

— Получается, что да. Ну, абсолютно я не уверен, но очень уж похоже. Хотя его благородие отнекивался.

— Ты его спрашивал?

— Ага. Как-то во время сонной беседы. Вашбродь, говорю, а не перехлест ли с вами...

— Сонной? — перебила я азартно. — Блохин еще при жизни мог во снах являться?

— Ну да. Регулярно являлся, и не только мне. То есть сначала мне, а потом через меня к прочим.

— Ты Крестовскому про это рассказывал?

Парень покачал головой.

— К слову не пришлось. Его превосходительство вчера другие вопросы интересовали.

— Разболтался ты, Ивашка, — сказал Давилов, — только барышню тревожишь.

Старунов смутился и отошел от клетки. Бросив на Евсея Харитоновича злобный взгляд, я спросила, меняя тему разговора:

— С барином вы как связывались?

— Евангелина Романовна, — регистратор сложил молитвенно пухлые руки, — не было у нас с этим упырем никаких дел, Христом Богом клянусь! Его благородие сучность эту не замечал даже. Уже после, когда мы Степана Фомича по его завету в ничейной земле закопали, стали разные личности от барина являться с угрозами.

Подойдет какой на улице и будто между прочим шепнет: «Барин все видит, все знает, должок за Степкой, пусть вернет». Ну и всякое в таком роде.

— Ко мне злыдень этот, с вокзала который, — пробасил стоящий у окна Федор, — на ярмарке подкатил, когда мы с вами, ваше высокоблагородие, меченого неклюда ловили. А у меня уже от слова «барин» форменная трясучка была. Что ни ночь, пристав покойный: «Не трогайте меня, ребятушки, из земли не доставайте». А после ну стонать: «Барина бойтесь, барина!» А тут этот... тьфу! Подходит такой весь из себя: «От барина поклон, приказной Степанов. Девица ваша рыжая очень ему любопытна. Отчего одна? Когда чародеи ей из столицы на подмогу придут?» Я ему в рыло р-раз... Кулак даже разбил. А он хохочет глумливо, зубы гнилые скалит и язык изо рта показывает раздвоенный, на манер змеиного.

— А меня Зябликов давешний мучил, — признался городской Игнат, — неотлучно бродил, когда я по маршруту обход совершал. Я, значит, службу нес, а он шипит у плеча: «Все сдохнете, полканы подзаборные, ежели хорошего чародея барину не организуете».

— К тебе тоже Блохин являлся? — спросила я.

— А то! Чаше даже, чем при жизни. Раньше он в неделю пару раз приходил, а теперь еженощно. Сейчас вот я закемарил, а его благородие тут как тут: «Скоро, Игнат, все хорошо будет, ладно. Всех злодеев уничтожим, порядок в Крыжовене наведем».

Городовой зевнул и протер глаза.

— Только что-то мне от предвкушения новых порядков не радостно нисколько.

— Отставить хандру, — велел Давилов. — Наше дело маленькое, приказы начальства исполнять.

Мне очень хотелось уточнить, какого именно начальства, мертвого, чародейским сном спящего или еще кого, но я спросила о другом:

— Одно не пойму, ребятушки. Ваш пристав бравый несколько раз в неделю бордель посещал, уединялся для виду с работницей и куда-то отлучался. Куда?

Мужики недоуменно переглянулись, Игнат проговорил:

— Про то не ведаем, только сдается мне, что как-то все это с волшебной силой связано. Сколько раз замечал, его благородие к девкам — я

ночью не высплусь.

Попыток освободиться из заточения я не оставляла, уговаривала приказных, ковырялась шпилькой в замке клетки, когда никто не смотрел, расшатывала прутья решетки. Все было зря. Они стояли на своем: и прутья и приказные мужики, первые по причине перфектной гнумьей ковки, вторые, чтоб стыд за многолетнее бездействие не жег. Ну и от высокомерия своего посконного над слабым полом. Это уж непременно.

— Нет, Евангелина Романовна, и не просите даже. Приказ, исполнить его надобно. Не наше дело и не ваше. Подождем, переждем.

За полночь собрались ко сну. Евсей Харитонович посты расставил, приглушил светильники, и приказ накрыла тишина, которая нарушалась сопением, храпом и утробным воем, раздающимся снаружи. Поломав в замке последнюю шпильку, я расчесала пальцами волосы и прилегла на нары.

Может, задремать? Вдруг Блохин ко мне явится, что полезное скажет. Оберег на шее молчал, зато колечко Фараонии, лежащее в кармане, жгло кожу даже через ткань. Ничего, подождем, директриса тетка ушлая, придумает, как меня из одного плена в другой определить. Семен еще держится, непременно держится, он сильный. Барину я нужна буду, чтоб на Крестовского давление оказать.

Старунов, прикорнувший у конторки, вдруг дернулся, встал, доставая из кармана связку ключей. Глаза его были закрыты, но парень уверенно пересек присутственную залу, обходя мебель с кошачьей плавной сноровкой. Бросив взгляд на дежурных, я убедилась, что мужики сладко спят. Светильники едва тлели, тень писаря на стене казалась огромным рогатым чудищем, крадущимся к моей клетке.

Ни звука не издавать — ни словечка, ни возгласа! Иван находился в сомнамбулическом чародейском сне, им управляла Фараония, нельзя, чтоб он сейчас пробудился. Губы Старунова беззвучно шевелились:

— Да, вашбродь, так точно, будет исполнено...

Не дойдя до решетки двух шагов, приказной тихо опустился на пол и замер.

«Перфектно!» — подумала я раздраженно, пришлось распластаться на животе, просунуть сквозь прутья руку и попытаться достать ключи.

Длины конечности не доставало. Кончики пальцев скребли доски пола в верхке от связки. А будь я малоодетой девицей, обращенной навом Цепенем, у меня бы этих проблем не было. В фильме у барышень пальчики буквально на глазах вытягивались черными страшными когтями. Очень удобно.

Ну же, еще чуть-чуть!

Старунов сонно вздохнул, повернулся на бок, накрывая телом ключи.

Я раздраженно зашипела и подняла голову, услышав раздавшийся у внутренней двери голос:

— За ворот красавца к себе подтащи!

Актерка Дульсинея обращалась к мне через зарешеченное смотровое окошко.

Совет был хорош, я просунула наружу обе руки, ухватила приказного за одежду, он придвинулся ко мне вместе с вожденной связкой.

Справившись бесшумно с замком, я приблизилась к Дульсинее.

— Почему не в камере?

Та на вопрос не ответила, сказала:

— Давай, Попович, беги, мужикам этим не до тебя скоро будет, дверцу только за собою не запирай.

За окнами в молочном тумане копошились какие-то тени. Я посмотрела на них, на актерку, обвела взглядом спящих приказных и, пройдя к конторке и взяв свой револьвер, заорала:

— Тревога! Подъем, болваны! К оружию!

Семен умирал. Жизнь выходила из него по капле, будто кровь из разреза. Боли он не чувствовал, она была столь всеобъемлющей, что заменила собою прочие ощущения, она была запахом и вкусом, звуком и цветом. Семен знал, что уже сошел с ума, что бредит, что видения его вызваны перехлестом чародейской силы, но был абсолютно спокоен.

Все правильно, все идет по плану. Существо, с которым связала его колдовская петля, древний чудовищный монстр, пытается вырваться из пут, но ему этого не удастся. Семен выдержит и утащит эту хтонь с собою за туманные пределы мира. Мир очистится, очистится маленький уездный городок, случайно ставший ареной

битвы добра со злом. Добро победит. И пусть чародею Крестовскому для этого придется вечность служить печатью, пусть. Сила не дается просто так, она предполагает ответственность. Жаль, что он не смог внушить эту мысль Степану. Блохин ошибся, страшно ошибся, и теперь Семену эту ошибку исправлять. Потому что учитель и друг, и еще потому, что только он на это способен.

Геля его простит. Она ведь умная, его огнегривая Попович, умная и добрая. Поймет, что ради великой цели пришлось Семену их чувством пожертвовать. Великая цель... Пусть только Гелюшка долго не страдает, пусть горе отпустит. У нее вся жизнь впереди, будут еще в ней и кавалеры достойные и подвиги служебные. И пусть сейчас не суетится.

Обручальное кольцо Волкова... хорошо... Орден Мерлина Семену помогать отказался, но Гришку защищает, эта защита и Гелю прикроет. Только бы эта егоза не вздумала немедленно обручение расторгать, только бы ей не объяснили, как это делается. Пока она думает, что лишь Григорий Ильич с нее кольцо может снять.

Крестовский вспомнил драконью чешуйку, купленную у гравера Дворкина, улыбнулся. Забавные у гномов свадебные обычаи. Тогда он еще надеялся живым из передряги выбраться, надеялся у своей красавицы руки просить.

Дворкин долго на контакт не шел, вот Семен и придумал артефактами интересоваться, и заказал первое, о чем разговор зашел. Наверное, зашел он вовсе не случайно, наверное, давно это решение в голове чародея зрело. Только чешуйка у него оказалась, представилось, как после всего на колено перед Гелей опустится...

В результате артефакт именно у Попович оказался, ловко она его со стола у Бобруйских подхватила. Но это уже не важно, другой перед Гелей теперь на колено опустится, другой под венец позовет.

Семен тряхнул головой, не время кручиниться, у него целая вечность для страданий будет. Он все делает правильно. Гномы обещали несколько ночей город патрулировать, от упырей жителей беречь. Скорее всего, на рассвете все закончится. Крестовский ощущал, что тварь слабеет, чародейский перехлест сжимается. Указания ребятушкам он давал подробные, Зорин с Мамаевым горазды следы зачищать. Священнослужители еще непременно помогут.

Где-то там, за границами петли, суетились упыринные подручные, проводили смешные нелепые обряды, чтоб господина из захвата освободить, чтоб из перехлеста вытащить. Их черная поганая кровь лилась на жертвенный алтарь, к пещерным сводам возносились молитвы. Здесь же, в петле, чародей сидел за столом напротив эффектного пожилого брюнета в генеральском мундире и играл с ним в карты.

— Невероятно сильны вы, Семен Аристархович, — говорил генерал с ленцой, — и хитры сверх меры. Заморочили Нинельку флером своим чародейским, не дали ей блохинского отпрыска мне доставить. Дуры-бабы, что с них взять.

— Не стоит так огульно о всех говорить, Теодор Васильевич, — отвечал Крестовский. — Нинель Феофановна рассудила, что от половозрелого чародея вам больше пользы будет.

— Вот и страдаю теперь от этих рассуждений. А ведь завладей я зародышем, схоронился бы до полного его созревания, вы б меня и не нашли.

— Не стали бы вы, граф, хорониться, пожадничали, захотели бы и рыбку съесть и... Партия за мной.

Попов раздраженно отбросил карты.

— Надоело. Победил ты меня, мальчишка, под орех разделал. Думаешь, я твоих планов не разгадал? Ты утра ждешь, с рассветом мое колдовство на поверхности развеется, а перстенок твой, — он кивнул на стол, где на зеленом сукне лежало золотое кольцо, — со всей силы жахнет, под толщей земли нас погребая.

Генерал повернул голову, прищурился, разглядывая тени, мелькающие за янтарным туманным пологом.

— Ты все земляные жилы мне перерезал, лис рыжий, все до одной. Когда только успел?

— Еще во время первой нашей схватки, — признался Семен, тасуя карты. — Пока ты силою своей красовался, я ее источники примечал и блокировал. Это несложно было.

Крестовский положил на сукно веер бумажных прямоугольников.

— Сила твоя, Теодор, заемная, тебя, поганца, не любила, с готовностью ушла.

— А моей занять не хочешь?

— Нет! — усмехнулся чародей. — Брезгую.

— Дружок твой покойный чистоплюйством не страдал, двумя руками зачерпывал.

— Знаний Степану не хватало и осторожности.

— Ума! — припечатал некромант. — Форменный болван Степка твой был. А уж самомнение! Баба эта ему такого елея в уши налила. Великим чародеем станешь, величайшим, ни до тебя, ни после таких мир не видывал! Всем завладеешь: и первоэлементами, и навьим колдунством, и посмертием. Будешь царь и бог.

— Бог?

Генерал, не отрываясь, наблюдал что-то за завесой.

— Бог, бог... и жрецы будут, и девственницы на алтарях, и...

Он замолчал, его красные губы растянулись в улыбке:

— Какая приятная неожиданность. Гляди, Семка, кто к нам в гости пожаловал!

— Опять начинаешь? — фыркнул Крестовский. — Не куплюсь я ни на какие мороки. Проходили уже неоднократно, ни родители мои, ни начальство, ни друзья-товарищи петли снять не заставят. Смирись уже, Теодор, рассвет скоро, а там и конец нам с тобой придет.

Некромант гулко расхохотался:

— Ну же, Семка, не трусь! Посмотри. Ты, конечно, не бог, но девственница на алтарь тебе уже явилась.

Крестовский сжал в кулаке золотое кольцо и зажмурился, чтоб не видеть Евангелины, чьи распущенные волосы ярко рыжели даже сквозь янтарную петельную завесу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в коей надворного советника собираются принести в жертву, а сражение добра со злом протекает с переменным успехом на нескольких уровнях

За соращение из православного в иное христианское вероисповедание виновный приговаривается к лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и к ссылке на житье в губернии Тобольскую или Томскую, или, буде он по закону не изъят от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере, определенной статьею 35 сего Уложения...

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

Каждый человек должен то в жизни делать, к чему он склонность имеет. Я, Евангелина Романовна Попович, сыскная чиновная барышня, к военным действиям приспособлена не была. Прокричав: «Тревога! Подъем, болваны! К оружию!», я юркнула под прикрытие конторки, оставив Давилову командование служивыми.

Громыхнуло, стекла рассыпались осколками, дверь слетела с петель. Стрелять я не стала, приказные палили из винтовок, я же, засунув руку в сумочку, распотрошила коробку с патронами и перезарядила револьвер. В присутственной зале закипела рукопашная. Увернувшись от чьей-то когтистой лапы, я по стеночке продвигалась к ближайшему окну. С потолка на меня прыгнула визжащая тварь. Успев пригнуться, я выстрелила в оскаленную пасть другой, перевалилась через подоконник и, чавкая подошвами, перебежала к защитному

брустверу у крыльца. За мною шлейфом тащилась по грязи сорванная оконная штора. Туман поредел, фигуры, заполнившие площадь, были вполне различимы. На перевернутых лотках, как статуя на постаменте, горделиво возвышался господин Зябликов, опираясь картинно на трость, у его ног на земле стояла четверка... Я сглотнула горькую слюну. Четверка рослых человеческих скелетов. Их глазницы полыхали алым огнем, а кости белели. Присмотревшись к прочей собравшейся публике и ощутив приближение обморока, я убедилась, что со всех сторон меня окружают покойники разной степени разложения. Где заканчивались лохмотья и начинались обрывки сочащейся плоти, было затруднительно сказать, да и вовсе не важно.

— Господин, — провыли из окна, — девка заперта!

— Так отоприте, — велел Зябликов, — сюда ее тащите, да убивать не смейте, она живая нужна.

Один из скелетов повернул череп к Геродоту, клацнул челюстями. Зябликов командовал визгливо:

— Всех до одного живых забирайте, барину в жертву надобно.

Потихоньку, вершок за вершком, я подтащила к себе грязную и мокрую штору. Упыри выводили на крыльцо служивых. Мужики были ранены, избиты и видом своим от упырей отличались мало.

— Мы сдаемся, — причитал Давилов с поднятыми над головой руками.

— Конечно, сдаетесь, — хихикнул Зябликов. Дохлое воинство начальственного веселья не разделило, потому и он смеяться перестал. — В цепи полканов, в кандалы. Где девка?

Площадные покойники стояли, пошатывались. Те, у которых еще были глаза, смотрели прямо перед собой. Наверное, ожидали приказов.

— Поосторожнее, — визжала Дульсинея, появившаяся в дверном проеме, — я женщина!

Собачонка на ее руках тьякала и дрожала. Набросив на голову штору, я тихонечко поднялась и встала, пошатываясь, около синюшной девицы в истлевшем подвенечном наряде. С меня вполне аутентично капало.

— Это не та девка! — закричал Геродот. — Где Ева?

— Сыскалка? — Оттолкнув своего охранника, Бархатова подбежала к постаменту. — Усвистала, только ее и видели.

Герочка поморщился, пнул актерку, попав носком ботинка в плечо, полюбовался, как она копошится в грязи вместе с болонкой, забормотал себе под нос:

— Если Попович догадалась в церковь сбежать... Но она ведь не из таких, не из догадливых... Старуха пусть через артефакт свой разыщет... — прочла я по губам и присмотрелась повнимательнее к тросточке.

Увы и ах! Трость у Зябликова была та самая, созданная заграничными магами для моего бесполезного жениха. Значит, Фараонию тоже схватили.

Если до сего момента я собиралась сдать на милость отставного корнета, то теперь немедленно передумала. Дульсинею заковали вместе со служивыми, Зябликов махнул рукой, упыри повели вереницу пленных с площади. Герочка обратился к толпе:

— На охоту, дети ночи! Найдите в этом городе всех еще живых!

Чего он ожидал, непонятно. Покойники продолжали тупо покачиваться, никак на его слова не реагируя. Те упыри, что поактивнее, уже занимались сопровождением приказных. Зябликов ругнулся, сплюнул.

— Слабеют чары, рассвет скоро, пора возвращаться.

Он спрыгнул со своего постамента и, помахивая тростью, прошел к стоящей на углу карете. Скелеты следовали за ним; один из них сел на козлы, прочие, гремя костями, сложились в багажный отсек. Транспорт я опознала еще до того, как в приоткрытую дверцу увидела сидящую внутри Елизавету Афанасьевну.

Герочка заносил ногу, чтобы сесть в карету, когда я выстрелила. Другая его нога подломилась, Зябликов упал. Фараония посмотрела на меня безумными от ужаса глазами, во рту ее был кляп. Скелет-кучер спрыгнул с козел, его соратники высыпались бесформенной кучей костей на землю, моментально сложились в нечто невообразимое, похожее скорее на паука. Они бросились ко мне, я, заложив вираж, попыталась их обогнуть. Мне главное было Зябликова в повозку затолкать и успеть с ним там запереться. Не успела. Упырья вялая толпа пришла в движение, склизкие руки хватили мою одежду, держали за волосы. Револьвер упал, выстрелил от удара об землю и был затоптан десятками ног. Я тоже упала, скорчилась, прикрывая

уши. Все прочее не смертельно, до свадьбы заживет. Хрустнули ребра, по телу полоснула боль.

«Какой же ты, Семка, болван. И я тоже дурочка. Два сапога пара. Фараония еще, старуха бесполезная. Всего-то и делов было, гроб откопать, и то не справилась. Любопытно, как она попалась. Нет, вру, не любопытно нисколько. Ой!»

Не ощущая уже некоторое время ударов, я открыла глаза. Сапоги. Пара. Не истлевшие нисколько. Даже начищенные, ну то есть по погоде изгвазданные, но под грязью вполне гуталином блестят. Убрав руки с головы, я услышала:

— Непослушная девчонка у Вундермахеров получилась, просто позор семьи.

И всхлипнула радостно:

— Дядя Ливончик!

— Тебе сказано было, в храм ступай. Погоди, не вставай. Ребра...

— До свадьбы заживет. — Встав на четвереньки, я ухватила гнума за руку. — Помоги.

Меня поддержали за плечи, подняли.

— Дворкин, — поклонился гнум с алебардой. — Очень приятно.

— Взаимно, — ответила я, оглядывая поле боя.

Это было эпично. Два десятка низкорослых воинов поработали на славу. Хотя среди вооруженных гнумов сновали мужчины и вполне человеческих размеров. Мистер Ас, буквально несколько часов тому сообщивший мне, что покойников не обожает, вытирал тряпицей лезвие офицерской сабли, а встретив мой удивленный взгляд, поклонился со златозубой улыбкой.

Блатные вступили в альянс с гнумами? Невероятно.

— По уму, — говорил Ливончик деловито, — надо было бы огнем здесь пройти, но мы обычаи берендийские чтим, потому до рассвета пусть так полежат, в разобранном, так сказать, виде. А после священники перезахоронением займутся.

— Тьфу! — отплевавшись от кляпа, пожаловалась сварливо Фараония. — Чуть не задохнулась.

Гнумский парень в железнодорожной форменной фуражке развязывал чародейке руки. За ним виднелась куча белых костей, обложенная аккуратно по периметру расколотыми черепами, поначалу принятыми мною за огромные яичные скорлупки.

— Это сжечь, — решил Дворкин.

И через мгновение кости запылали, темнея и рассыпаясь пеплом от жара гнумьего огня. Я с некоторым удивлением отметила, что покойников бояться перестала, то есть прямо сейчас могла бы на вскрытии ассистировать. «Ну хоть какая-то польза от этого Крыжовеня. Не прибудняйся, Попович. А губочтение, которым ты здесь перфектно овладела? А познания в душевных расстройствах и всяческих... гм... половых девиациях? И даже новое богатое слово „девиации“».

Герочку пришлось вытаскивать из-под кареты, куда он в испуге забился. Отставной корнет повизгивал, плакал, обнимал трость, просил у меня прощения и жаловался на боль в простреленном колене. Поморщившись от боли в ребрах, я наклонилась к страдальцу и без почтения его обыскала. Дудочка и навья змейка лежали в кармане сюртука.

— Какой жадный чудила, — присвистнул подошедший Туз.

— Поможешь? — спросила я, приподняв обе части артефакта. — У меня со слухом не особо. Мелодия сложная?

Фартовый взял у меня из рук змейку.

— Музыка тебе, рыжая, — он бросил артефакт Зябликову в лицо, — не понадобится.

Змейка ожила, блеснула серебристо, обхватила Герочкин лоб у кромки волос, вжалась в кожу. Яшка кивнул:

— Дудка у тебя была, когда фраер удавку получал, стало быть, ты теперь его хозяйка.

— Ева! — завопил Зябликов. — Госпожа...

— Молчать! Говорить, когда спрошу.

Он поперхнулся, задышал с открытым ртом, не в силах ничего вымолвить. Змейка бледнела, стала почти прозрачной, почти невидимой. Так вот, оказывается, как это работает! И не заметишь даже, если не присматриваться. Скажем так, нечто подобное я и раньше предполагала, потому что, когда навский артефакт подчинения на моей щиколотке был, его только Гриня смог обнаружить с помощью своей трости. Предполагала, потому что Зябликову с самого начала не доверяла. Кстати, о трости...

На вопрос Герочка ответил быстро и четко. Я проследила взглядом его жест и громко с чувством выругалась. Чудесный артефакт

заграничных чародеев, неведомо как затесавшийся среди костей Зябликовой свиты, догорал, навершие растеклось оплавленной лужицей.

— Эх, — сказала Квашнина, — эх...

То есть слов было гораздо больше, но из приличных остались только эти.

— Елизавета Афанасьевна! Мадам Фараония!

— Нет, Гелюшка, ничего теперь у нас с тобою не получится. Гнумий огонь тем и ценен, что любую свиристелку в прах уничтожает. Экий треугольничек получился занятный. Трупное колдунство, чародейское, гнумье...

Ливончик возник у плеча, потянул за рукав:

— Парни здесь закончили. Мы решаем теперь, улицы на предмет упырей прочесать или попытаться приказных отбить. Что думаешь?

— Живых барину отдавать нельзя, он их в жертву принесет. Но и горожан без защиты оставлять плохо.

— Вот и мы о том же.

Подошел Дворкин, за ним Туз и еще пара-тройка незнакомых мне мужиков и гнумов. Мы стояли кружком, переговариваясь.

— Разделимся? — предложил Туз. — Мы с фартовыми здесь останемся, а вы невольничий караван догоните.

— Город на разграбление отдать? — хмыкнула я. — Из огня да в полымя?

— Обижаешь, вашбродь, неужто мы без понятия. Для ради блага всеобщего стараться будем.

— Время, — поторопил Соломон.

— Поклянись, — сказала я, обратившись к Якову. — Христом Богом, мамкой покойной, честным своим фартовым именем.

Он торжественно поклялся, перекрестился, мы ударили по рукам. Гнумы строевым бегом покинули площадь.

— Ты теперь куда? — спросил Туз, раздав команды своим парням. — Сопроводить?

Я отказалась, и скоро перед разоренным приказом остались только мы с Фараонией и Зябликовым.

— Этот... — Чародейка плюнула в Герочку. — Нехороший злыдень теперь бесполезен. Он... нехороший человек.

— Где он вас перехватил?

— Да на углу Гильдейской. Не заметила даже, когда с фонаря на меня костяное чудовище напрыгнуло, с облучка сбило.

— А работники?

— Какие работники?

— Вы собирались двух охранников на погост с собою взять.

Квашнина с чувством заехала Зябликову по роже.

— Чего теперь обсуждать? Без трости план твой, рыжая, невыполним, и покойный пристав нам бесполезен. Что теперь? Что? Младенчик нерожденный... Страшно даже представить, какие непотребства барин с ним сотворит!

Она продолжала методично избивать Герочку, он не защищался, пучил только глаза, пытаясь что-то сказать. Жалко мне его не было, тем более что немолодая уже Елизавета Афанасьевна ни поставленным ударом, ни силою не обладала. Утомившись, старуха, тяжело дыша, повернулась ко мне.

— Так тебе скажу, Гелюшка: мы с тобой обе женщины, не можем мы беременную нашу сестру с невинною душою в утробе на надругательство некромантское оставить.

Я всхлипнула и вытерла щеку рукавом, сумочка, чудом все еще висящая на запястье, стукнула в грудь.

— Да что мы теперь можем без трости? Нет, Елизавета Афанасьевна, мы проиграли, только и остается надеяться, что Крестовский сдюжит и хтонь эту закуклит полностью.

— Сдаешься? А как же любовь твоя к чародею Семушке?

Зябликов скорчился на земле, я спрятала в сумочку дудку, сказала устало:

— Семен Аристархович Крестовский на благо всего честного люда старается. В этом стремлении любящая женщина его поддержать должна.

— Он ведь не знал, что барин Маньку брюхатую в полон возьмет.

Герочка замычал, я наступила ему на ногу, Квашнина продолжала увещевания:

— На тебе вина, Гелька, ты Марию Гавриловну не уберегла и тем планы начальства под удар поставила. Он ведь не справится теперь, Семушка твой, сама говорила, слабеет. Невинная детская душа, на алтаре черном в жертву принесенная, его перехлест разрушит. Беда будет, такая беда, что полный город упырей пустяком покажется. Барин

всех берендийских покойников поднимет, орды, легионы, на столицу свое воинство поведет.

Гнилостный трупный запах, к которому я уже успела привыкнуть, разбавился нотками жженого сахара. Оберег на груди потеплел, завибрировал.

— Перестаньте, — попросила я. — Лучше по-простому, без чародейства. План у вас какой?

— План! — Фараония схватила меня за плечи. — Такой план. Заставь своего раба в логово нас отвести. Мне бы только внутри оказаться, там я Маньку учую, разыщу, вытащу.

— Так себе схема, — хмыкнула я. — Мы не знаем, сколько подручных при барине, где и как они рассредоточены. Предположим, нам удастся пройти незамеченными... Нет, глупо.

— Что предлагаешь?

— Нужно что-то на обмен. Блохин! Вот если мы барину за Маню гроб с покойником посулим... — Сбросив с плеч руки чародейки, я начала в возбуждении ходить туда-сюда. — Посулим, не доставим. Обмен! Так, мол, и так, ты, хтонь поганая, нам вдову Блохина, мы тебе самого покойника. Пока торг, пока то-се... Маню нам сразу не отдадут, вы, Елизавета Афанасьевна, с ней в залоге останетесь, я на кладбище поеду. Там уже рассвет...

Герочка опять замычал.

— Что? — бросила я гневно. — С рассветом что не так?

— Его может не быть, госпожа моя строгая, — поднялся Зябликов на ноги, оставшись, впрочем, скрюченным в полупоклоне. — По всем приметам уже рассветать должно, однако нет. Да вы на часики-то взгляните.

Он мотнул головой в сторону колокольни. Я посмотрела, достала свои часы, стрелки на них тоже не двигались. Хотя нет, секундная шевелилась, но очень медленно, чтоб заметить это, пришлось смотреть более минуты по ощущениям.

Фараония сообщила, что бывали уже в истории такие случаи, когда чародеям удавалось время как эластичную ленту тянуть. А про то, чтоб совсем остановить, нет, про такое она не слыхала.

Велев Зябликову молчать, пока лично не спрошу, я решила:

— Другого плана у нас нет, поэтому будем придерживаться этого. Вы, госпожа Квашнина, спасете Марию Гавриловну, а я...

Чародейка не слушала, теребила Герочку:

— Ну, злыдень, где барин твой обитает?

— Оставьте! — Освободив от ее хватки Зябликова, я пошла к карете. — Сказать он не сможет, заклятие на нем, в этом Геродот Христофорович не лгал. Он нас бессловесно сопровождает. Давай, раб мой верный, на облучок садись, правь.

К счастью, гнумы расчистили дорогу от мертвых тел, почтительно сложив их у стен домов, посему лошадки чавкали копытами по обычной площадной грязи. Я сидела рядом с Герочкой, Квашнина расположилась внутри, потому беседовать нам с нею не представлялось возможным.

Вымерший пустынный город, запертые двери, темные окна, приглушенный фонарный свет. Нацепив на нос чародейские очки, я видела на стенах размашистые руны. Семенова работа. Сколько же сил он на это потратил? Положим, не саморучно каждую малевал, а лентою пустил на манер телеграфной, но чардеил изрядно. Вместо того чтоб к последней битве силы копить. Болван!

Я посмотрела на спутника, даже сквозь стекла змейка на его лбу не просматривалась, это вам не Гринина трость неординарная. Эх, какой полезный артефакт погиб! Мерлинцы небось за головы свои аглицкие сейчас хватаются. Любопытно, а другую палицу они наколдуют? А если нет? С кого господин фальшивый пристав за потерю спросит? С меня? Ай, пусть. Скажу, что, во-первых, ни в чем не виновата, а во-вторых, сами. Потому что следить лучше за имуществом надо.

Шлагбаум заставы был поднят, торчал пальцем в небеса, грозил разрушителям. Постовой смотрел на нас из будки, крестился. На досках над его головой золотилась защитная руна.

— Гнумы давно пробежали? — спросила я весело служивого.

— Да уж с полчаса. — Он перекрестился и отдал честь. — Ваше высокоблагородие! А до того чудовища... приказные... неклюды...

Последние слова доносились уже издали, потому что кордон мы пересекли без задержки, Зябликов, не получив приказа придержать коней, старательно их подгонял. «Кстати, я б про неклюдов послушала, чего они там. Ладно, хорошо едем, скоро сама все увижу».

За городом снег сойти не успел, нарядно серебрился под луною, только дорога, превратившаяся в болотную хлябь, выглядела

бесконечным дождевым червем или вовсе пиявкой. Колеса вязли в грязи, но лошадки трусили бодро. Карета вознеслась на холм, открылся вид на реку, внизу на берегу сновали фигуры, частично человеческие, частично нет. Еще валялось всякого изрядно. Велев Геродоту придержать лошадей, я спрыгнула с облучка; под ногами хрустнул наст, и я побрела, увязая в снегу.

— Ты чего в очках? — спросил удивленно Ливончик и затараторил, ответа не дожидаясь: — Порешили супостатов! Тех, которые разбежались, неклюды в полях ловят. Ну, знаешь, те, у которых ипостась быстрая, волчья или лисья...

— Сыскарка, — прорычал некто огромный, светло-серый, с зелеными кляксами на шкуре. — Рыжая...

И стал обращаться. «Обзывается еще рыжей. Сам вообще в бриллиантовой зелени. Волшебное средство, доложу я вам, даже в звериной ипостаси не сходит». Я отвела взгляд в сторону, неаппетитное это зрелище, когда неклюды обратно перекидывается, а после — неприличное. Потому что они без одежды это все делают.

— Ну здравствуй, сыскарка, — сказал голый Шандор.

— Ты б прикрылся чем, дядюшка.

— Так нечем! — расхохотался неклюды. — Не смущайся, скромница, в теле мужском стыда нет, одна красота.

— Это очень от тела зависит.

Лед с реки еще не сошел, серебрился, как положено, островок вон темнеет живописный, я его рассматривала с тщательностью.

— Зависит, с чем сравнивать, — согласился неклюды. — Бабы, на мой вкус, гораздо мужиков красивше.

— Седина в бороде, бес в ребро. Ну чего над девицей куражишься, старичина? — Ливончик снял сюртук, оставшись в жилетке поверх льняной рубахи. — Пузо прикрой, сластолюбец косматый.

Шандор захохотал, но одежду принял. Его лицо, как обычно после обращения у неклюдов, поросло густой бородицей, волосы достигали плеч.

— Отчего вольные братья на ночную охоту выйти решились? — спросила я.

— Чародей твой просил. Ну, в смысле начальник. Семеном кличут. Хороший мужик, сначала к старшим на поклон пошел, на

коленях в шатре стоял. Да чего ты глаза таращишь? Обычай он получше некоторых чиновных девиц знает. Правильно просил и слова правильные молвил. Охраните, сказал, чтоб колдун подземный живых в свое логово не тащил.

— И вы согласились?

— Отчего хорошему человеку не помочь? — Неклюд качнул косматой головой. — Семен этот все правильно рассудил. Говорит, упырей в город барин тайными чардейскими тропами доставить сможет, а живых придется поверху таскать, тут вольный табор и пригодится. Предупредил еще, чтоб к логову не совались, там серебром все помечено. Сам, сказал, я этого не видел, но непременно некропуп защитой от вашего брата озаботился.

— Некромант.

— Точно! Мант! Откуда у меня этот пуп взялся? — Неклюд оттопырил сюртук и заглянул под него, видимо проверяя наличие собственного пупка. — Короче, хороший мужик чародей Семен, земля ему пухом.

Он прижал левой рукой одежду, а правой перекрестился.

— Пупом, — скрипнула я зубами.

— Чего?

— Того! Ладно, дядюшки, поздравляю с победой, вынуждена откланяться. Ах, еще... Служивые наши приказные, которых спасали...

— Так спасли! — Неклюд махнул рукою. — Вон, около повозки толпятся. Славные какие лошадки. Откудова такие? Эх, жаль, зверем пахну, не подойти, взбесятся.

Я повернулась и стала взбираться обратно на дорогу. Злилась на Крестовского, бормотала:

— Значит, вот оно как, ваше превосходительство? Все успели, всем озаботились, только мне сообщить забыли. Хватай, Попович, свою косточку, убийство Бобруйского расследуй, а мне не мешай. Мизогин! Высокомерный мужлан! Ты умница, Геля, канцлером станешь. А сам... Тьфу!

— Вашбродь! — Старунов подал мне руку, помогая. — Бегите!

Давилов стоял у открытой дверцы кареты; он обернулся к нам, замахал приветственно. Прочие приказные уже брели вразнобой по дороге к городу, штыки винтовок торчали над их сгорбленными

спинами. «Это хорошо, — решила я, — пусть Туз знает, что без присмотра не останется, что настоящая власть покой жителей охраняет».

— Чего? Куда бежать? — посмотрела на Ивана.

Парень затрясся, замотал головой из стороны в сторону, глаза его побелели, губы сжались в тонкую линию. Вздохнув, я сняла очки, спрятала их в сумочку и, придерживая Старунова за локоть, повела его к карете. Герочка неподвижно сидел на облучке, Фараония выглядывала изнутри.

— Евсей Харитонович мне всю баталию живописать успел. Что с мальчиком?

— Видения у него, — вздохнул Давилов. — Навроде снов наяву. Подергается с четверть часа, после прорицает, будто пристав покойный явился и что-то ему сообщил.

— Бывает, — сказала Квашнина, — сейчас в эфире такие эманации чудовищные происходят от столкновения разнородных сил, все что угодно приключиться может. Экая досада. Нам с Евангелиной Романовной торопиться надо, а мальчик сам идти не в состоянии.

— Начальство за ним присмотрит, — кивнула я на коллежского регистратора. — Не пропадут.

Давилов сказал с достоинством:

— Никак нет, ваше высокоблагородие, барышня Попович, с вами в логово отправлюсь. Уж простите меня, дурака старого, за недоверие, за то, что арест совершил. Сплоховал Евсейка. Не отговаривайте, Евангелина Романовна, должок за мною перед его превосходительством, перед вами.

— Так садитесь, — потянула его в карету Фараония. — И мальчика сюда давайте. Покатается, отойдет от транса.

Спорить я не стала, неожиданно навалилась страшная усталость. «Когда это все уже кончится, мамочки? Помереть бы уже, отоспаться и чтоб не говорить ничего и не слушать. Попасть бы в какое унылое посмертие, навроде киселя, и бултыхаться в нем без цели, без смысла. Перфектно бы получилось».

Мы поехали. Пока не скрылся с глаз берег Крыжи, я махала гнумам с неклюдами, а после придвинулась к Зябликову, ухватила его за подбородок грязными исцарапанными пальцами, повернула лицом к себе:

— Дело в следующем, Геродот: слуха у меня нет, удавку с головы твоей пустой я не сниму и через тысячу лет. Понял? Твой единственный шанс от нее избавиться — подле Семена Аристарховича со мною вместе оказаться. Единственный, Гера, и последний. Если я замечу, что нашу связь кто-то другой разрушить пытается, дудку немедленно сломаю и ты помрешь. Если понял, кивни.

Отставной корнет выпучил глаза, а когда я, сообразив, в чем, собственно, проблема, отпустила его голову, отчаянно закивал вниз-вверх.

— Вот и умница.

Брезгливо отерев пальцы о грязнейший подол, я погрузилась в невеселые размышления, а потом и вовсе задремала, убаюканная мерным покачиванием кареты.

«Экий безумный балаган, маменька. И в страшном сне... Именно... А вы, мил-человек, не лезьте. Во-первых, я по-аглицки не разумею, а во-вторых... Гриня? Почему ты вверх ногами?.. А вы вообще в очередь, ага, в конец. Что значит занимал? Нет, тут барышня была, невеста-покойница. Я с нею давеча на площади рядышком стояла, а она теперь туточки, перед вами... Юлий Францевич? Уф, показалось... Семен? Вот ты оставайся. Только молчи. Чего? Разумеется, раскрутила. Нет, не расскажу. Потерпи. Нечего кусочничать, когда обед скоро. А я б поела, мутит уже от голода... Маменька? Хорошо питаюсь, регулярно...»

— Ты сама не в тягости, часом? — неожиданно спросила Фараония, тряхнув меня за плечо. — Тошнота постоянная, слабость, верный бабий признак.

Карета стояла в чистом поле, лошади подевались куда-то, оглобли сиротливо лежали на земле. Здесь давно никто не ездил, и почву укрывал снег. Луна висела в сереющем небе как приколоченная, яркая, неживая, звезд не было, облаков тоже. Пейзаж походил отчего-то на театральную декорацию. Прибыли, значит, приехали, не в мирских уже пределах. Хорошо. Зябликов разжал пальцы, отпустив бесполезные вожжи.

Зевнув, я посмотрела на чародейку, та приподняла брови, сказала с нажимом:

— Евангелина!

— Чего?

Запахло жженым сахаром, взгляд чародейки затуманился, она смотрела будто сквозь меня, а потом расхохоталась, ухая по-совиному.

— Экая вы, Елизавета Афанасьевна, веселушка. — Я спрыгнула с облучка. — Давай, Герочка, отомри, спускайся. Евсей Харитонович, а чего вы Ивана-то по дороге не высадили?

Двери кареты с обеих сторон были распахнуты настезь.

Оба служивых топтались снаружи. Давилов хлопнул младшего товарища по плечу:

— Боязно было мальчика одного оставлять.

Старунов покачнулся от удара, но устоял, был писарь вял и тих, пришло в голову, что с Зябликовым они составили нелепую парочку пришибленных созданий. Эх, Ивашка-букашка, что ж тебе так не везет в жизни? Случайно ведь под раздачу попал, ни за что. Эх...

— Командуй, сыскарка, — велела Фараония.

— А мы, вообще, где? — повела я широко рукой. — В каком именно месте переход произошел? Каюсь, сама задремала и не заметила.

— Так все заснули, — ответила чародейка, — во сне и перешли. Ты зверушку допроси, Герочку своего покорного. Он непременно при себе амулет какой-то имеет, поганым колдовством напитанный.

— Амулет?

— Ну да. Отбери свиристелку, нам она пригодится обратно выбираться.

— Геродот, — подошла я к Зябликову, — ключик отдай.

Отставной корнет достал из-за пазухи куриную косточку в нитяной разноцветной оплетке, протянул мне на раскрытой ладони. Фараония выхватила амулет.

— Работа на навью похожа. Любопытненько... Здесь вот на земляную жилу привязка... Ого! Никогда еще такого не видала, темные арканы, которые кровь заклинают...

Она бормотала, держа артефакт у лица, цокала языком. Длинные костлявые пальцы без остановки шевелились, плотный привычный запах ее волшбы приобрел гнилостный какой-то оттенок.

— Веди, Геродот, — вздохнула я. — Пора нам с барином познакомиться.

Мыслей в голове уже никаких не осталось. Столько уже думано-передумано. Нечего воду в ступе толочь. Работай, Попович, и будь что

будет, пан или пропал.

Снег не проваливался нисколько, стелился под ногами плотным ковром до самого горизонта. Зябликов брел впереди, я за ним неотлучно, прочие поотстали. Обернувшись через плечо, я увидела Квашнину, чинно под ручку шествующую с Давидовым, замыкающего нашу процессию Ивашку, карету, издали похожую на выброшенного на берег моря дохлого кита.

— Далеко еще, Герочка?

— До луны только, она дверью в чертоги графские служит.

Я быстро ухватила корнета под локоть.

— Графские? Заклятие на молчание здесь не действует? И имя назвать можешь?

— Теодор Васильевич Попов.

— Перфектно! Место? Ты многословнее отвечай, подробно, разрешаю. И только правду.

— Проклятая усадьба, только не явная ее сторона, изнаночная. Вход у висельной осины, под тем холмом мы лошадушек и лишились. Жалко, я хотел их в изнанке костяными скакунами поднять. Амулет этот, который вы, госпожа, столь легкомысленно мадам Фараонии оставили, такое тоже может.

— Понятно.

— Вы б забрали от греха.

— Про барина рассказывай.

— А чего рассказывать? Упырь он упырь и есть. Лет сто уже здесь обитает, крестьяне из окрестных деревень...

— Не то, — перебила я корнета. — Что за чертоги? Сколько прихвостней при нем служат? Расположение комнат?

Он принялся монотонно и бестолково говорить. Из помещений его лишь в одну залу допускали, в обрядовую, там и алтарь, и ризница, и иконы разные на стенах, только не простые, а поганые. Лично барина он не лицезрел ни разу, распоряжения получал от лорда Асмодеуса, того господинчика, с которым я его на перроне заметила. Этот самый лорд Зябликова в некромантские приспешники и приспособил. Герочка фотограф был, любитель. На почве хобби сошлись. Асмодеуса не столько процесс интересовал, сколько карточки срамные.

— Я же кого снимал? Девиц непотребных, которые у Мими промышляли, у них ни фактуры, ни характеру, одно слово...

Смачно выплюнутое это слово мне не понравилось.

— А вам других хотелось? Чистых, нетронутых?

— Не мне! — испугался Герочка. — Я просто заказы исполнял, ничего более!

Он застонал, дернулся.

— Что ж вы со мною, госпожа, делаете? Приторговывал еще карточками через ту же Мишкину. Она, дурында, про барина не знала, не догадывалась даже, думала, всем в городе Бобруйский заправляет.

— А Чиков?

— Чиков знал, но рассказать никому не мог, даже ей, полюбовнице. От тех знаний вразнос пошел, опий безудержно потреблял. Только что ему, покойнику, сделается от зелья? Так, временное забытье. — Зябликов рассмеялся, будто припомнив нечто забавное. — Сереженька самоубивец. С вечера повесится, в петле повисит, а наутро трубочку раскуривает. Доныне положения своего не осознал, бегает на четвереньках, что пес подзаборный, кровушки просит. Его ведь одним из первых обратили, чтоб свой человек при главном толстосуме крыжовеньском был.

— А тебя почему обошли?

— Потому что я хитрый, облаточку, которой причащают, не жую, в кулаке прячу. Неохота мне вечной жизни вкушать, такой неохота. Госпожа, — корнет сильно прижал мой локоть, — давайте вместе сбежим? Отберем у старухи амулет, из холма выберемся, пусть чародеи меж собою разбираются, пусть хоть весь город под землю заберут. А? Вместе на воле заживем, я при вас до самой смертушки останусь.

Предложенная перспектива восторга у меня не вызвала, посему я велела собеседнику от советов воздержаться. Горизонт, к которому мы шли, приблизился, небо оказалось серым натянутым полотном, луна — круглым отверстием, из которого струился пульсирующий свет.

— Почти добрались. Страшно, госпожа, мочи нет. Неужели вы не замечаете, что эта тварь задумала?

— Без вопросов! — бросила я резко, остановилась, поджидая остальных. — Зачем тебя за мною следить приставили?

— Это я придумал, — похвастался Зябликов. — Прямо озарение накрыло. Как вы меня в поезде под орех разделали, бежать хотел, только с ножками переломанными не особо побегаешь, прочие

подельники меня бы в два счета настигли. Ну, я удавочку на шею приспособил, знал, что не подействует, ежели самолично, сделал вид, что сознание потерял, а когда меня к лорду Асмодеусу в Крыжовень доставили...

— Гелюшка! — позвала Фараония, которая шла, тяжело опираясь на руку Давилова, пеший поход давался ей нелегко.

Евсей Харитонович держался молодцом, успевал даже на ходу поддерживать беседу со спутницей. Старунову моцион вообще на пользу пошел, он встретил мой взгляд, зашевелил осмысленно губами. Я парню кивнула, громко ответила чародейке:

— Все хорошо, Елизавета Афанасьевна, мы вас ждем. — А корнету вполголоса велела: — Ни с кем, Геродот, кроме меня, говорить не смей. Со мною, только если по имени к тебе обращаюсь. Понял? Ты тот еще прохвост, гений-выживальщик, авось и сейчас вывернешься. Клянусь, если удастся мне подле Семена Аристарховича оказаться, я тебя освобожу. Тогда по своему разумению действуй. Только предупреждаю: беги, Зябликов, куда глаза глядят из Крыжовеня. После я амнистий устраивать не буду, арестую, засужу, за все свои делишки ответишь.

— Законом грозишься? — улыбнулась чародейка, расслышав финал моей речи. — Чиновная ты барышня.

— Какая есть. Значит, так, дамы и господа. — Я кивнула, указывая на светящийся круг. — Это двери, за ними — поганый некромантский храм с алтарем и прочими полагающимися прелестями. Переступив порог, мы окажемся в начале церковного прохода, по сторонам лавки, до алтаря саженой двадцать...

— Допрос провести успела? — хмыкнула Фараония. — Без разницы нам топография, внутри нас в любом случае кодла упыря поджидает. Посему... — Она резко выбросила вперед правую руку с косточкой-амулетом, та щелкнула, раздвинулась из кулака в обе стороны, утолщилась, превращаясь в посох. — Старушка-веселушка авангардом выступит. В атаку!

Герочка замычал. Отшатнувшись от костяной палицы, я проводила взглядом скрывающуюся в пятне света чародейку. Луна немедленно погасла, оставив на холсте косую пепельную руну. Зябликов дергал меня за рукав, чтоб позволила говорить.

— Чего? — спросила я недовольно, но обернулась на новый звук.

Евсей Харитонович стрелял из револьвера в улепетывающего со всех ног Старунова. Парень петлял, что твой заяц, и, судя по резвости, ни одна из шести пуль его не настигла. Скоро его нескладная фигура скрылась за снежными островерхими холмами, которых, в этом я могла поклясться, еще недавно и в помине не было.

— Трус! — выругался Давилов. — Трус и мерзавец, дезертир мокроштаный. Ну ничего, есть еще в Берендийской империи мужики с честью. За двоих сражаться буду.

Он отщелкнул барабан, гильзы упали под ноги горохом. Толстые потрескавшиеся пальцы коллежского регистратора слушались его плохо, он вставлял в гнезда новые патроны, оставляя на гладком металле грязные следы. Я посмотрела на Зябликова.

— Чего ты сказать хотел?

Корнет выпучил глаза, я поправила:

— Изрекай, Геродот.

— Вместе надо было, кучно, проход только амулетом открывается.

— Понятно.

— Отважная женщина боярыня Квашнина, — одобрил Давилов. — Подождем, она непременно...

Не слушая, я подошла к пепельной руне.

— А правду говорят, Евсей Харитонович, что в чардейских разных... — поискав в памяти нужное слово, я выбрала самое красивое, — ...кластерах время по-разному идти может? Например, здесь минуточка всего пройдет или две, а внутри два часа?

Я показала на руну, пальцем к ней не прикасаясь.

— Чего не знаю, того не знаю, — признался коллежский регистратор.

То, что его «кластеры» не впечатлили, было даже немного обидно. Геродот мычал — он знал, но я тоже знала, меня по этой теме такие специалисты натаскивали, не фотографам-любителям чета, поэтому к нему обращаться не стала. Помолчали. Из далеких запредельных далей донеслось петушиное кукареканье, сменившееся малиновым колокольным звоном. Рассвет. Там рассвет, значит, все хорошо, значит, Семка упыря удержал, передышку городу до следующей ночи выиграл.

Давилов вытер взопревший лоб, посмотрел на платок, скомкал его, спрятал в рукаве. Ноги изрядно утомились от стояния, я бы присела, но брезговала. Окружающий снег казался мне нечистым, не водою кристальной, а слипшимся пеплом. Оберег задрожал, нагрелся. То ли призывал кто, то ли колдовал во вред. Рассмотреть, тянется ли от груди ниточка и какого именно цвета, я не успела. Вспыхнуло нестерпимо ярко, Фараония возникла из сияющего круга, картинно опершись на посох.

— Елизавета Афанасьевна!

— Она самая! — Чародейка присела в реверансе. — Можете меня отныне великой истребительницей упырей прозывать.

Ее подошвы на снегу оставляли бурые следы.

— С главным-то что, с барином? — спросила я, отведя взгляд. — Он предложение наше принял?

— Упыриной истребительницей и великой дипломатшей. — Хихиканье женщины показалось мне не вполне трезвым. — Поначалу свиристелка дохлая в отказ пошла. «Что вы такое, боярыня, придумали? Какие такие Мани с пузами?»

— С самим графом говорили?

— Чего? А, нет, некромант явиться не соизволил, хотя пошумела я изрядно. С дворецким договаривалась, Асмодеус, что ли, урод трупешный, так его потрепала, что даже личину человеческую потерял, сызнава натянуть не может.

— Госпожа Квашнина, — перебил коллежский регистратор строго, — Мария Гавриловна где? Она в безопасности?

Фараония пожала плечами с томностью, ее возрасту и комплекции не подходящей.

— Асмодеус сказал, ее и пальцем не тронули.

Давилов шагнул к чародейке и наотмашь ударил по лицу, от пощечины голова женщины дернулась, на коже остался грязный отпечаток.

— Прощения просим, боярыня, не в себе вы, пьяны либо заморочены.

— Гадкий ты, Евсейка, — погрозила Фараония пальцем, — от силушки, что по жилам струится, от волшебной чистой силы пьяна. Знаешь, сколько лет таиться приходилось, по струйке, по капельке пользоваться? Хотя знаешь...

Квашнина запнулась, посмотрела на меня с виноватой улыбкой.

— Одну минуточку.

Схватив посох обеими руками, она зажмурилась, пробормотала какую-то абракадабру. Запах ее волшбы уже вовсе стал трупной, сладковатой вонью разложения. Раньше меня непременно бы замутило, сейчас просто поморщилась, стараясь дышать через раз. «Когда это уже все кончится, матушка? Семку, мерзавца, на коленях заставлю прощения просить! Будешь вместо меня два шкапа дел архивных в папки подшивать, на статую конную велю взобраться и кукарекать оттуда, пока городской не снимет».

Зябликов опустил мне на плечо дрожащую руку, то ли поддерживал, то ли, наоборот, поддержки искал.

— Извините, — сказала Фараония трезвым спокойным голосом, — увлеклась. Упыри с барышней Попович желают беседовать лично.

— Зачем?

— Чтоб ты на их реликвиях поклялась до наступления темноты гроб с покойным Блохиным доставить. Ты, деточка, не бойся, фикция одна это, а не клятва.

— Понятно. Геродот, пусти, больно. — Зябликов с такою силою сжимал мне плечо, что наверняка оставил там изрядный синяк. — Идемте.

Чародейка подняла посох.

— Держитесь, нужно, чтоб мы все к артефакту прикоснулись.

— Геродот, исполняй, — велела я, беря корнета под локоть, — моя связь с ключом через тебя будет. А вы, Евсей Харитонович, здесь обождите. Баталий у нас в ближайшее время не предвидится.

Коллежский регистратор не подчинился, цапнул палицу, его рука рядом с холеной Герочкиной выглядела вовсе ужасно, будто у растрескавшегося глиняного болванчика. Фараония шагнула назад, втаскивая нас в пульсирующий свет. Польшнуло, в уши ударил торжественный органый аккорд.

Я проморгалась. Высокий храмовый свод поддерживали резные колонны в виде обнаженных человеческих фигур, женщины, мужчины, похожие, даже идентичные. Видела я уже эти лица, они же украшали камин в развалинах генеральской усадьбы. Обещанных лавок не наблюдалось вовсе. По обеим сторонам прохода стояли на

постаменты закрытые одинаковые гробы. Чародейка все пятилась, под ногами болотисто чавкало, поэтому вниз я предпочла вовсе не смотреть. На стенах висели иконы, то есть, тьфу, срамные картинки. Покраснев, я отвела взгляд. Впереди, за спиною Фараонии, частично просматривался поганый алтарь и некто высокий, в парчовой ризе и рогатой золоченой шапке. Три раза тьфу!

— Девушка! — грохотнул некто. — Назови свое мирское имя.

За алтарем клубилось янтарное чародейское марево. Я отпустила локоть Герочки и остановилась. Мужчины продолжали движение, будто прилипнув к посоху. Зрелище выходило презабавное. Ризоносец то появлялся, то пропадал, скрытый идущими фигурами. Фараония, заметив мое отсутствие, позвала встревоженно:

— Гелюшка, нельзя, увязнешь!

Я посмотрела вниз, пронзительно завизжала и припустила к алтарю со всех ног. Увязать в том, что представляло собой пол в поганом упырьем храме, не хотелось абсолютно. Это было похоже на свежую требуху, или несвежую, не суть, но явно не приготовленную, а сырую. Мамочки!

На приличной крейсерской скорости обогнув троицу спутников, я вскочила на ступеньку алтарного подножия. «Забавно здесь пространство изогнулось. Мужик с рогами стоит еще выше, однако из прохода его фигуру скрывали от меня Квашнина со товарищи. Что это значит? Что низ здесь — это верх и алтарь на самом деле находится в углублении. Перфектно, Попович, эта бесценная информация — именно то, что тебе нужно! Да любая пригодится, лишь бы от подступающей паники отвлечь. Спокойно, Геля, дыши. Воняет-то как. А чего ты хотела? Представь, что у мясника обыск совершаешь. У мясника-неряхи, на него именно за небрежение донос настроили, он тухлятиной торговал. В этой самой шапке, а передник у него под ризой».

— Что ты там бормочешь? — спросил воображаемый мясник.

Я подняла голову. Лучше бы этого не делала. Ну и рожа! В жизни у него бы мяса не купила. Вообще мяса больше не куплю. Пусть Крестовский мне жалованье увеличивает, буду исключительно в ресторациях питаться. А еще членство в наимоднейшем вегетарьянском клубе оформлю.

Взвизгнув по случаю, я отвернулась, наблюдая, как спутники мои преодолевают последние аршины требухи. Прикоснувшись задом к ступеньке, Фараония выдернула артефакт и, задрав неприлично ногу, взобралась наверх. Герочка ее опередил, запрыгнул козленочком, присел у моих ног с видом комнатной собачки. Хуже всех пришлось Давилону, он попытался, кряхтя, подтянуться на руках, но грузное тело мешало. От усилий на граните оставалась глиняная крошка. Чародейка протянула мужику посох, он за него ухватился, повис, дождался, пока Фараония сплетет руну, и вознесся, будто выдернутый из пруда жирный карась. «Рыбы тоже есть не буду, хотя устав вегетарьянский, кажется, позволяет. Так чем тогда питаться? Ватрушками с расстегаями? Тебя с этой диеты разнесет, Попович, за считанные месяцы. От ватрушки, кстати, я бы сейчас не отказалась».

— Ну вот, Гелюшка, — сказала Квашнина, — этого господина зовут Асмодеус, ему тебе поклясться надобно.

— Приблизься, — громыхнул тот, — и назови свое мирское имя.

Отодвинув ногою Зябликова, я преодолела оставшиеся ступени, встала напротив упыря и представилась:

— Надворный советник Попович, мокошьградского чародейского приказа сыскарь. А я вас еще на вокзале запомнила, когда вы меня из Крыжовеня провожали, цилиндр на вас был и воротник бобровый, и лицо. То есть последнего побольше было, прям и щека была, и зубы сквозь эту вашу дырищу не просматривались, и нос орлиный такой. Давно гниете? Лет пять?

Чародейское марево немного просвечивало, за ним угадывалась обстановка приличной гостиной, стол, кресла, фигуры, в этих креслах сидящие. Семен? Так просто и не разглядишь. Сколько до него? Может, аршина два, а может, версты, это уж как повезет. Прыгнуть? Я скосила глаза на Зябликова, он стоял на коленях, покачиваясь из стороны в сторону, мало что соображая от ужаса. Фараония держала посох у груди, может, от атак магических меня прикрывала, Евсей же Харитонович щурился, пытаюсь, как и я незадолго, проникнуть взором за янтарную завесу.

— Ты безумна? — предположил после паузы Асмодеус без пафосных уже завываний. — Умишком повредилась?

— Чего? — Риза у него была новенькая, с иголки, парча, тиснение, жемчуга, а выше я глаз не поднимала. — А, нет... То есть,

может, и повредила по ходу дела, но пока этого не замечаю. Вас болтливость моя чрезмерная удивляет? Так от нервов, от них, зловредных. С нами, барышнями, ведь как: углядим чего противное, это я сейчас не о вашем, господин Асмодеус, обличье, а в общем... — Запнувшись, я поморщилась и предположила плаксиво: — Меняться с нами вы не будете? Мани Бобруйской за тело пристава не отдадите?

Упырь расхохотался, жемчужное шитье пошло волнами.

— Тебе, Попович, торговаться со мною нечем!

За спиной ахнула Квашнина:

— Что значит — нечем? Ты, свиристелка, посмел зарок нарушить и гроб с покойником выкопать?

«Свиристелки» у нее были всегда разные, но одинаково неприличные. Эта конкретно указывала на крайнее легкомыслие упырьей маменьки в выборе постельных партнеров. Ответа чародейка дожидаться не стала: грюкнуло, свистнуло, жемчужные горошины ризы брызнули во все стороны, Асмодеуса сбило с ног.

— Ногу его держи, Геродот! — прокричала я и прыгнула к янтарной завесе, оттолкнувшись ногами от алтарного постамента.

Прорвусь, смогу. Потому что не чародейка ни разу, потому что перехлест этот мудреный только на владеющих силою действует. А простецы вроде меня...

— Геля! — вопила Фараония. — Куда, бешеная?

Давилов стрелял из револьвера, не лучшее решение в искривленном волшбою пространстве. Герочка завизжал, одна пуля, срикошетив, Наверное, попала в него. Звуки доносились до меня приглушенно, я брела сквозь вязкий колдовской кисель, не в силах сделать ни единого вдоха. Семен! Это был он. Смотрел на меня сапфировыми очами, шептал: «Это неправда, бред, видение безумца. Сгинь, морок, сгинь!» Говорить без воздуха невозможно, я попыталась артикулировать: «Помоги». Он не мог, даже если бы захотел. Перед моими глазами мельтешили уже не янтарные кисельные разводы, а разноцветные пятна предсмертного удушья.

— Что ж, Гелюшка, ты, по крайней мере, попыталась. Все, занавес, прощальный поклон. Такая грустная история у нас получи...

Мамаев ковырнул землю носком сапога.

— Не сомневайтесь, вашбродь, — сказал приказной Степанов, — место то самое, здесь именно раньше висельный холм стоял, а

туточки, — мужик повел рукой, — усадьба проклятая генерала Попова.

Эльдар Давидович посмотрел на Федора, будто прикидывал, какую скулу ему первую ударом своротить.

— Туточки?

— Тамочки, — подтвердил приказной. — Кто угодно подтвердит. До третьего дня то есть.

Чародей с крыжовеньским болваном находились в центре круглого пространства выжженной до полной сухости земли. За пределами круга была непролазная грязь с островками не стаявших до конца сугробов, кое-где зеленела весенняя травка. Там стояли повозки, перебирали копытами лошади, мастеровые снимали с телег пузатые кувшины с маслянистыми потеками на боках, снимали осторожно, чтоб не растрясти.

— Копать надо, — сказал гнум Дворкин, опершись на черенок лопаты. — Сейчас ребята разметят по памяти.

— Обождем.

Мамаев осмотрел добровольных помощников. Местные жители, среди которых угадывались приказные, гнумы, неклюды, несколько селян. Сплошь мужики, одна только женщина, дурочка безумная с дохлой собачонкой, запеленатой на манер младенчика, прижимала сверток к груди, бродила бестолково, Ниночку свою звала, видно, дочку покойную. Несчастливая баба.

— Чего ждатель? Траншейки сейчас пророем, чтоб по ним гнумий огонь разлить. Зря, что ли, трое суток без роздыху его собирали? — Дворкин кивнул на кувшины. — Чисто все будет, надежно.

Другой шум, тоже из старших, который командовал у телег, посмотрел вдаль, приложив руку ко лбу, и направился к ним быстрым шагом.

— Едет кто-то из города, во весь опор несется!

— Это Зорин, — сказал Эльдар. — Обождем, мужики, может, он узнал чего.

Иван спрыгнул с коня за пределами выжженной земли, бросил повод помощникам, побежал, поднимая клубы пыли.

— Изрядно мы припозднились.

— На три дня. Геля точно с Семеном?

— Точно. Она, коллежский регистратор Давилов, письмоводитель Старунов...

— Знаю, Ваня! — перебил Мамаев. — Впятером их у Крыжи в последний раз видали. Еще некто Зябликов там наблюдался с госпожою Квашниной, директрисой сиротской богадельни. Только я надеялся, что они цели не достигли и в город вернулись.

— И в приюте их нет. — Иван Иванович вздохнул и достал из кармана серебряную витую подвеску. — В одной из камер приказа на гвоздике обнаружил.

— Семенов оберег.

— Он его нарочно снял. Ну и... — Зорин качнул подвеской. — Послание нам в него запаковано.

Эльдар схватил кулон, сжал в кулаке, зажмурился. Прочие присутствующие почтительно поглядывали на чародеев, негромко между собою переговариваясь. Только безумица продолжала громко звать Ниночку. Через несколько минут Мамаев открыл глаза и витиевато выругался:

— Спаситель... рода... человеческого...

— Другое важно, — сказал Зорин. — Семка уверен был, что Геля в безопасности будет, не знал, что она следом за ним отправится. Ты здесь все осмотрел, ничего не учуял?

— Глухо, как в могиле, петля их на изнанку утащила. Все, как Семен... трам-та-ра-рам... Аристархович задумал. Только и остается гнумьим огнем сверху заполировать.

— Вот-вот, — поддакнул издали Дворкин.

— Да погоди ты, огнелюб... — Зорин повел носом, будто принюхиваясь. — Изнанка дело такое, ее завсегда вывернуть возможно.

— Нечего выворачивать! А ну как оттудова опять упыри полезут?

— Ежели полезут... — Иван Иванович прошелся вбок, ступая с танцевальными перекатами. — Ежели вдруг... Много у вас мазута?

— Изрядно, — осторожно ответил гнум.

— Вызывающая пентаграмма? — встрепенулся Мамаев. — Огненный первоэлемент?

— Две. Одна на одну, внахлест. — Зорин подхватил с земли пучок деревянных колышков и подбросил их над головою.

— Десять лучей? Может...

Колья один за другим вонзались в сухую землю, размечая контуры геометрической фигуры.

— Не горячись. Нам не дыру до тонких пределов прожечь, а только наше обратно выдавить.

Мамаев повернулся к мужикам.

— Такое дело, ребяташки... Живыми друзей своих извлечь мы не надеемся, но попробовать обязаны. Подсобите.

— Делать чего?

— Лопатами поработать, канавки по разметке выкопать, ну и после огоньком угостить.

Другой из старших гнумов, представившийся Эльдару Ливончиком, сказал решительно:

— Ваш друг Крыжовень от страшной судьбы избавил. И поделимся и подсобим. За работу, парни.

Зорин еще несколько раз поднимал в воздух колышки, десять размеченных лучей касались кромки круга мертвой земли.

— Залетного брита видал? — спросил Мамаев друга, берясь за лопату. — Волкова этого замечательного? Когда он только успел с Гелей обручиться!

— Спит Григорий Ильич и любопытства твоего утолить не сможет. Эманации над ним не дай боже, меня чуть с ног не свалило. — Иван тоже копал, вгоняя лопату на полный штык.

— А блохинская могила?

— Разорена. В яме гроб пустой распахнутый стоит. — Зорин отбросил аккуратнo горстку земли. — Кладбищенский сторож сказывал, ночью барыня приехала за покойником, но опоздала. Кричала страшно, только сторож к ней выходить не стал. Семен на каждом доме в городе обережных рун наляпал, может, и на сортирах дворовых даже...

— Получается, сосуд для воплощения у некроманта уже имелся?

— Получается, что да.

— Это плохо.

— Это сейчас не важно. Ежели Семену удалось сущность закуклить, сосуд не сыграл.

— Почему?

— А я знаю?

— Ванечка, — Эльдар остановился, посмотрел вопросительно на друга, — не совершаем ли мы с тобою ошибки?

— Во-первых, Мамаев, я твое начальство, ты не раздумывай, исполняй, что велено, сам слышал, как Крестовский на меня приказ оставил. А во-вторых...

— Что во-вторых?

— Что бы мы с изнанки сюда ни призывали, обратно закуклим, запечатаем. А Геля достойна того, чтоб по-людски ее похоронить, по-человечески. Семен — ладно, он сознательно на самоубийство шел, решил вечность роль печати на зле исполнять, но Геля...

— Ладно. — Эльдар поплевал на ладони, обхватил черенок. — Уговорил.

Народ из города продолжал прибывать. Скоро выжженное поле окружала плотная толпа. В ней уже сновали коробейники, будто на ярмарке, шныряли вездесущие мальчишки. Любят берендийцы вместе собираться, даже по таким вот странным поводам.

— Дяденька, — дернул Зорина за полу сюртука конопатый пацан, — а правду сказывают, что вы ее высокоблагородие отроете?

— Брешут. Не отроем, а в мир возвернем.

— А вы сильный чародей?

— Сильный.

К ним подошел совсем крошечный мальчик, взял конопатого за руку.

— Пошли, Мишка, эти и без нас сдюжат, пошли, Костыль там за леденцы торгуется.

— Да, ребята, ступайте, — Иван посмотрел на малыша удивленно, будто уловил в его чумазой мордашке знакомые черты, — здесь скоро полыхнет все.

— Полыхнет, — хихикнул малый и потащил приятеля подальше от чародеев, — уж известно, кто у вас по полыханиям начальник.

Эльдар поднял голову.

— Звать тебя как, шпингалет?

Он ответил, обернувшись через плечо:

— Митенькой.

Мальчишки скрылись в толпе. Мамаев посмотрел на Ивана, тот ответил недоверчивым удивленным взглядом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ, в коей Евангелина Романовна в последний раз идет на поводу страсти к театральным эффектам

Кто при отправлении своей должности употребит какого-либо рода истязания и жестокости, тот за сие приговаривается... или к заключению в тюрьме на время от шести месяцев до одного года; или к лишению некоторых, на основании статьи 53 сего Уложения, особенных прав и преимуществ и к заключению в смиренном доме на время от двух до трех лет.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, 1845

— ...лась.

Споткнувшись, я упала лицом вниз, кисельно хлюпнула макушкой, раздвигая ею чародейский полог, глубоко вздохнула и поползла вперед. Ладони коснулись шерстяного коврового ворса, в уши полилась музыка. Последняя была не очень благозвучной, механическая, навроде граммофонной.

— Какой неожиданно приятный визит! — Глубокий баритон принадлежал не Семену, тот бормотал «изыди». — Имею честь познакомиться с Евангелиной Романовной Попович?

Выползши из завесы полностью, еще обернулась через плечо, чтоб убедиться, что да, целиком, я, побряхтывая, встала на ноги. Обычная гостиная, приятная даже. И хтонь, сидящая в удобном кресле, тоже отвращения не вызывала. Носатый седовласый красавец в мундире.

— У вас с господином Асмодеусом одна личина на двоих? — спросила я. — Просто вот именно это тело я на вокзале в другой одежде лицезрела.

— Может, это я был? — усмехнулся красавец, подвигая к столу третье кресло.

— Не вы.

Усевшись подле Крестовского, я положила на колени сумочку, с нее текло, из прорехи грозило высыпаться все содержимое.

— Отчего такая уверенность?

— Не думаю, что у вас возможность была свое логово покидать.

— Экая вы барышня раздумчивая.

— Мимика еще у вас иная, чем у Асмодеуса, — пояснила я дружелюбно. — И осанка. Асмодеус явно из военных отставных, а вы... Погодите...

Я бросила взгляд на Семена, вовсе не в поисках поддержки. Чародей бормотать прекратил, внимательно меня разглядывал. «Ну же, болван, это я, твоя Попович. Видение всяко лучший наряд бы себе сочинило. Это я, грязная, избитая, лохматая и голодная я!»

Механическая мелодия прервалась, скрежетнуло, будто действительно иглою по пластинке.

— Гелюшка, — позвала хтонь.

— Предположу, — вернулась я к разговору, — что генерал Попов вашим первым сосудом был. Правильно? И, стало быть, Асмодеус настоящий Теодор Васильевич Попов и есть.

— Bravo! — Барин изобразил бесшумные аплодисменты. — Все верно. Но я предпочитаю использовать термин «аватар».

— Вместо сосуда? Богатое слово. Запомню на будущее, чтоб при случае блеснуть.

Упырь хихикнул и покачал головой, выражая сомнения то ли в моей способности мудреное словечко запомнить, то ли в возможности хоть какого-нибудь будущего.

Ткань юбки неприятно липла к ногам, я поерзала, из прорехи сумочки выпало несколько патронов, бесшумно раскатившись по ковру. Темные глаза упыря на них остановились.

— Почему ты девушка? — спросил вдруг Крестовский.

— Чего? — Одним глазом я пыталась удивленно воззриться на чародея, другим не упустить барина, который опускался с кресла на ковер и полз на коленках к ближайшему патрону.

— Почему ты до сих пор девица? — повторил Семен с нажимом. — Невинная!

— Это у тебя надо спросить!

Упырь поднял все патроны, пересчитал их, шевеля губами, заозирался, пополз на четвереньках под стол.

— Ты не спала с Волковым?

— Что это с ним? — Я подобрала ноги в кресло, барин шарил уже под сиденьем. — Семен, сделай что-нибудь!

Крестовский заглянул под столешню:

— Граф должен всю мелочь рассыпанную собрать, особенность у его вида такая. Ты не ответила на мой вопрос. Ты с Волковым не спала?

Вот ведь... Мужик, что с него взять? На том свете пребывает, у черта под мышкой, а все о своем, мужчинском. Запустив руку в сумочку, я зачерпнула еще патронов и бросила их широким жестом за спину.

— Григорий Ильич ко мне в кровать без разрешения влез, когда я уже спала. Фактически да, мы провели ночь в одной постели. И целовал меня, наверное, потому что мне что-то такое мерещилось, правда с тобою в главной роли.

— Мерзавец! — прорычал Крестовский. — Почему ты сразу мне этого не объяснила?

— А ты дал? Набычился немедленно, отвращение показал.

— Какое еще отвращение?

— Для себя обычное! Высокомерное. Вот! — Я выбросила горсть патронов. — Весь ты в этом!

— В чем?

Я пошарила в сумке, патронов в ней не осталось. Барин поднялся с ковра, держа добычу в горсти.

— Вы продолжайте, молодые люди, не смущайтесь, обсудите недосказанное, чтоб в посмертии от мук ничего не отвлекало. Я подожду.

«Любопытно, ежели его сейчас по рукам стукнуть, он сызнава патроны собирать примется?» Видимо предположив такую возможность, упырь ладони схлопнул, измельчив цилиндрики в металлическую пыль.

— Возлюбленная ваша, Семен Аристархович, на редкость умна, рассудила, что лишь простой человек завесу преодолеть может, прорвалась. Правда, не подумала, как наружу с вами выбираться

будет. — Он сел, закинул ногу за ногу. — Мы, Евангелина Романовна, с господином чародеем сейчас одною ниточкой повязаны. Видите на столе колечко? Им Семен Аристархович свои силы чародейские располовинил.

Рядом с кольцом на сукне лежала открытая карта, чего-то там кубков. Неполный кубок, об этом мне провидица Зара толковала.

— Ну и, представьте себе, всех провел. Одинарный перехлест я бы порвал без труда, но Семушка ваш, когда я колдовать принялся, второй набросил, поверх первого. И теперь все вместе мы, и в жизни и после, закуклились, так сказать.

Крестовский сопел, прожигая меня гневными взглядами. Упыря он вряд ли слушал, на меня ярился. Хтонь же продолжала разливаться соловьем:

— А знаете, как дальше будет? Силы наши сплетенные рано или поздно иссякнут, и мы покинем эти пределы. Семен Аристархович навечно, а я... на некоторое время. Бессмертен я, Гелюшка, неуязвим.

— У меня под платьем, — соврала я, — четыре нитки речного жемчуга на шее висят, мелкого такого, и ежели вы, фальшивый Теодор Василия, не желаете остаток своего бессмертия на карачках провести, дайте с Семеном побеседовать.

— Позвольте вам не поверить, дражайшая...

— Надоел! — Крестовский щелкнул пальцами, сверху на нас градом посыпались серебристые шарики.

Барин бросился их собирать, а Семен усадил меня к себе на колени.

— Здорово придумала, мне и в голову не пришло так развлекаться.

«От меня же, наверное, воняет! То есть не наверное, а абсолютно точно. Как он может меня такую целовать? Так целовать? Семушка!»

Я вцепилась пальцами в львиную гриву, жарко отвечая на поцелуи.

— Люблю дуру безмозглую, — рычал чародей. — Зачем ты пришла? Спасайся, уходи.

— Ага, вот прям побежала. Я барышня, сам меня спасай.

— Не могу, Геля, не могу...

— Почему? — Я с трудом отстранилась, упершись ладонями в мужские плечи. — Объясни мне.

И он рассказал, прижал к себе, говорил негромко на ушко, поглаживая ладонью мои волосы.

Их было четверо, тех, кто испил из источника в дальних магольских степях. Иван Зорин, Эльдар Мамаев, Семен Крестовский и Дмитрий Уваров. Четверо великих чародеев. Митька самый из них талантливый был, Митька Уваров, которого после чародейский перехлест на злую сторону затянул. Помнила я его прекрасно, абсолютно безумного, запертого в скорбном доме, и дело, с ним связанное, тоже не забыла. Но Семен сейчас в другом мне признавался.

— Жадный я был, Гелюшка, и гордый сверх меры, Митькиным талантам завидовал, потому больше положенного в себя заглотил. Решил, справлюсь с силою, обуздаю, но не смог.

— Обезумел? Душою захворал?

— Да. Товарищам в том признаться не мог, от высокомерия своего стыдно было. Хотел руки на себя наложить; топиться пробовал, но вода меня не приняла, тогда я в петлю полез. Меня ординарец мой спас, Степан Блохин. И от смерти, и от безумия чародейского. Он часть моих сил в себя принял. Это непросто, Геля, ох как непросто.

— Вы с Зориным и Мамаевым друг в друга льете почем зря.

— Это потому, что мы... братья, это по-другому называется, в берендийском аналога нет, мы из одного источника испили, да и мощные мы с ребятами, а Степка... Там сила едва тлела. Его от потока чуть не разорвало, неделю в горячке метался.

— И за это ты считаешь себя ему по гроб жизни обязанным?

— Он меня от смерти и от позора спас.

Прислонившись щекою к плечу Семена я искоса смотрела на ужасную хтонь, собирающую мелкие бусины. От смерти и от позора...

— Барин тебя к себе подпустил, потому что у тебя с Блохиным, по сути, одна и та же сила? То есть твоя?

— Знай он мои пределы, разумеется, поостерегся бы.

— А на что твой Степка рассчитывал, его призывая?

— Да кто теперь разберет? Блохина ведь не учил никто. Моя вина.

— А тебя?

— Что?

— Кто учил тебя? А Зорина, а Эльдара? Дмитрия, наконец? В нашем отечестве чародейских университетов нет.

— Да сами понемногу набирались. Ванька основательно к делу подошел, книги глотал, в переписку с заграничными магами вступал, Эльдар вообще отыскал на родине какого-то огнетворца...

— То есть вы сами справлялись, а Степку ты должен был учить?

— Я перед ним виноват.

— В чем?

— В том, что силою его наделил.

— Против воли? Из-за угла напрыгнул и надул через соломинку, как деревенский хулиган лягушку?

— Геля!

— Прости. — Я поцеловала Семену в щеку. — Прости, пожалуйста.

Он нашел мои губы.

— Уходи, я твой оберег, на это хватит... Там Евсей этот смешной с револьвером, я видел, и тетка забавная... Мальчик из приюта, ты его в Мокошь-град...

— Если бы ты Митеньке блаженненькому сапфиров своих не отдал, на дольше бы хватило?

— Да... нет... не важно. Дитя ведь невинное...

Видно, Крестовского опять корежило чародейским перехлестом, он бормотал все невнятнее. Дурачок прекраснодушный. Люблю.

— Семка, — шепнула горячо, — а ты точно не за всех чародеев здесь страдаешь?

И шепотом же четко изложила свои политические размышления. Он негромко рассмеялся:

— Попович, все о Берендии думаешь! Мне, конечно, высокое мнение твое о хитроумии...

— Не ври. Ты на три шага вперед просчитал.

— Ну просчитал...

— И будешь Блохина от наказания отмазывать?

— На основании чего, если забыть на минуточку, что он уже мертв?

— Потому что чародей, как и ты. Кстати, ты, может, не заметил, но у нас полгорода мертвецов бегают.

— Чародеи перед законом наравне со всеми отвечают, иногда и сверх, потому как...

— Сила подразумевает ответственность, — заключила я с его же скучнейшими казенными интонациями и счастливо хихикнула.

Что-то пребольно стукнуло о колено, я вздрогнула, посмотрела вниз. Зябликов лежал, распластавшись на полу, сжимая в руке берцовую человеческую кость. Ну правильно, я же велела ему Асмодеуса за ногу удерживать. Вот он ее и не выпускает. Барин на явление нового персонажа внимания не обращал, не до того ему было, счет бусинам на тысячи уже шел.

— Христофор? — спросил Крестовский.

— Не Христофор, а Геродот, — поправила я. — Геродот, ну-ка, напой мелодию, которую на дудке сыграть надобно.

Герочка напел, я достала из сумочки инструмент.

— Ваше превосходительство, извольте повторить.

— Ты его в чем валяла? — Крестовский брезгливо вытер свисток о манжету.

«Тебе лучше не знать», — подумала я, умильно складывая руки у груди, как бы предвкушая грядущее удовольствие. Оно получилось ниже среднего, то ли дудка подкачала, то ли Семенов учитель музыки, то ли, кхе-кхе, сам исполнитель. Но навъему артефакту хватило и этого. Змейка скользнула в руку Зябликову и опала безжизненной лентой.

— Все, — помахала я, — прощай.

— Там вас, Евангелина Романовна, в жертву приносить собираются.

Тоже мне новость.

— Семен Аристархович немедленно позаботится, чтоб я в некондиции для жертвоприношения была.

— Евангелина Романовна, — сказал шеф едко, — позвольте вас просветить, что для того, чтоб стать жертвой на некромантском алтаре, девственницей быть не обязательно.

— Стыдитесь, ваше превосходительство! Как можно? При посторонних! Я имела в виду, вы жизни меня лишите. А вы про что подумали?

Геродот Христофорович явно счел нас ненормальными и покинул пределы чародейской петли по-бритски, то есть исподтишка, и дудку стащить тоже не забыл. Как все-таки выгодно иногда не быть чародеем либо нежитью. На всю тутошнюю кодлу — раз-два и обчелся, то есть,

натурально, я — раз, Зябликов — два. И больше никто сюда ни зайти, ни выйти не может. Перфектно.

— Сем, а Сем... — Я взяла ладони Крестовского и приложила к своим ушам. — Вот если бы, к примеру, у тебя сапфиры при себе были...

— Ступай, Гелюшка, уходи... Я безумен, совсем скоро остатки человечности потеряю, наброшусь... — Длинные твердые пальцы нащупали на мочках то, что я с таким трудом сюда принесла. Глаза его зажглись недоверчивым удивлением: — Как?..

— После расскажу. Бери, чардей, действуй. Сама я дотронуться даже не смогла.

— погоди! — Мужские руки крепко держали мою голову. — Ты, Попович, великолепно все исполнила. Не дергайся, внимательно слушай. Да, теперь я здесь со всем справлюсь. Но без тебя. Того, что буду сейчас творить, никому не перенести.

Я чувствовала, что он снимает с меня серьги, чародейские сапфиры, наполненные силою блаженненьким Митькой. «Передай гостинец, тетенька, мне они без интересу, а Семушке пригодятся. Добрый он, помочь хотел, уберечь. Нет, никто не усмотрит, даже сам не углядит. Ручками пусть трогает. Имя у тебя какое потешное, Ева и Ангелина». Какое счастье, что я успела с пацанами своими повидаться, не загляни перед визитом к Фараонии в церковную ночлежку, страшно даже представить, каких бы ошибок наделала.

— Поторопись, — попросила я чародея. — Снаружи меня отнюдь не место в партере ждет.

Он посмотрел на янтарную завесу, приподнял золотистые брови:

— Понятно... В последний момент тебя вытолкну.

— Хорошо.

Некромант, о существовании которого я мечтала бы забыть, закончил сбор бусин и теперь желал внимания.

— Воркуете, голубки? — Встать с коленей Крестовского я даже не подумала, смотрела, как хтонь возвращается к столу. — Дура-девка, болван-чародей...

Не боялась, вот ни капельки даже. Здесь мне безопасно. А вот там, за завесою...

Нос генерала съехал на сторону, открывая сочащиеся гноем дырочки, волосы сыпались на плечи, усеивали мундир седыми

ключьями, голос стал противно-скрипучим. Тело Семена, ощущаемое через одежду, теплело, я будто на печи сидела. Он готовился к волшебю, но раз пока меня не выталкивал, время для нее не наступило.

— С барыней Бобруйской, Теодор Васильевич, давно знакомы? — спросила я светски. — Во снах ей являлись?

— С Нинелькой-то? — хохотнуло чудовище, уже мало похожее на человека. — Было дело, баловался, морочил убогую, суккуба изображал. Страсть бабья, она вкусная...

На этом любопытном моменте — когда еще мне кто про иноземных демонов расскажет? — Крестовский решил, что пора. И, не дав возможности даже распрямиться в полный рост, швырнул меня в янтарный кисель. Хорошо, сделать вдох успела.

В полете я сгруппировалась, упала ничком, перекатилась на бок и не сопротивлялась, когда десятки склизких щупалец меня куда-то потащили. Было мягко, но очень противно. И воняло гадостно.

— На алтарь кладите! — громыхал Асмодеус.

Кто-то взвизгнул:

— Перстень жжется! Руку девке отнять!

Склизкость отступила, я вытерла о подол ладони, села. В алтарной плите зияло круглое отверстие, видимо, кровосток. Огляделась по сторонам. В мое отсутствие поганый храм претерпел разительные изменения. Многочисленные гробы были открыты, меж ними теперь сновали десятки отвратительных существ. Фараония с Давиловым, связанные по рукам и ногам, лежали на ступеньке под алтарем, Асмодеус же, ожидаемо одноногий, опирался на отобранный у чародейки посох.

— Что там, Гелюшка? — простонала Квашнина.

Упыри суетились вполне осмысленно, скорее всего, готовились к обряду, притом к обряду привычному и регулярному, каждый свою роль исполнял. Мне же по либретто полагалось ожидать незавидной участи. И ладно.

— Петля, — ответила я чародейке, — перехлест магический, двойной даже.

— Попрощаться-то с возлюбленным успела?

— Не особо.

— Обезумел соколик от перехлестов?

— Навроде.

Асмодеус велел нам замолчать, сплел в воздухе поганый аркан, обратившийся склизкими пиявками, направил его на Фараонию. Старуха задергалась, когда черви ее коснулись, сложились лентой, закрывая рот. Кошмар какой. Давилов был без сознания, лежал ничком со связанными руками, признаков жизни не подавал.

Среди поднятых покойников я узрела господина Бархатова, Сергея Павловича Чикова и даже Бобруйскую. Чиков был совсем плох, ползал в требухе, опознаваемый уже только по остаткам одежды. Бархатов... Ему, бедняге, перерезали горло, что называется, от уха до уха, а потом еще и бросили в какой-то канаве, судя по следам обморожения. Хотя...

Додумать я не успела, бойкий упырь подал Асмодеусу огромный ножище.

— Что за балаган вы тут устроили? — заорала я.

Орган исторг inferнальный аккорд, предсмертно запыхтел и, фыркнув напоследок, умолк.

— Облаточек из тебя настрогаем! — Нинель Феофановна устремилась к алтарю, бойко расталкивая толпу. — Причастимся, бессмертие получим.

Боялась тетка очень, на публику играла. Больше нас здесь среди присутствующих, не обращенных в упырей и не чародеев. Бобруйская точно жива и в сознании, думает сейчас, как причастия избежать. И точно, будто в пароксизме невероятного желания, она бросилась животом на ступень, неловко подсекая упыря с ножом. Тесак упал, звякнул о гранит металлом, отлетел вниз, скрывшись в кровавом месиве пола. Перфектно, Нинель Феофановна, так держать.

Из-под постамента выскользнул Геродот Христофорович в нелепом картузе поверх кудрей, перемазанный с ног до головы, почти неузнаваемый, смешался с толпой. Гений-выживальщик. Только потесниться ему на призовых местах придется, с Бобруйской второе место делить. Золото я, пожалуй, Эдуарду Милославовичу Бархатову отдам. Грим он себе сочинил свехубедительный, переборщил даже слегка, если б не излишества, я б точно поверила. Bravo!

Разноголосый вой, возносящийся к сводам залы, утомлял невероятно. И мельтешения эти... Я обернулась на чародейскую завесу. Крестовский сидел за столом напротив неопрятной кучи и играл с нею в карты. Это так он поспешает, пока меня на облатки

собираются потрошить? Асмодеус, между прочим, велел другой нож принести. А не найдут, здешняя публика и зубами с моей девственной плотью справится, потому как у кого они, зубы, не гнилые, то очень острые.

Я посмотрела на Асмодеуса:

— Ну и зачем это вам? Ну убьете меня, дальше что?

Он приблизился, хромя и покачиваясь, сел рядышком на алтарь, сказал неуверенно:

— Живая кровь силу барину даст.

— Не даст, Теодор Васильевич, ваш хозяин в двойной петле сейчас находится, до него ни крупинки эманаций не дойдет.

От обращения по имени-отчеству упырь явственно вздрогнул, бросил на Фараонию быстрый взгляд. Я спросила:

— Или жертва вовсе не хтони этой древней положена? Для себя хотите?

Квашнина тарасила на нас глаза, но говорить не могла, некромантский аркан все еще закрывал ей рот. Асмодеус махнул рукой, волна, прошедшая по зале, заставила толпу притихнуть. Перфектно! Я пошла вразнос:

— Ежели себе, граф, тогда давайте рассуждать. Сами барином хотите стать? Заслужили за годы, что аватаром для хтони работали.

Ага! Пригодилось словцо, как влитое стало. Асмодеуса бред мой куражный заинтересовал, слушал меня упырь внимательно, заглядывая в лицо. Поднажмем.

— Жертвенный обряд, чтоб силою от закукливания вас напитать. Он нужен мощный, полнокровный. Правильно? А во мне ее сколько, сами подумайте, чуть больше, чем у воробья. Для эманаций жертва покрупнее нужна, двойная, а лучше тройная. Вы вот, Теодор Васильевич, почему барыню Квашнину сразу не порешили? Потому что предусмотрительны и в чародействах поднаторели.

Похвала любому приятна, даже упырю. Уверена, если бы у Асмодеуса от губ больше ошметков осталось, улыбался бы сейчас от приятности.

— Умная ты, Евангелина.

— Ровно настолько, чтоб сторону победителя принять.

— И красивая.

— На фотографических карточках получаюсь прелестно, — кивнула я. — Представьте, сколько их вы со мною наделать сможете?

Он опять посмотрел на Фараонию, может, сравнивал, с кем из нас карточки в стиле «ню» получатся эффектнее. Разумеется, не в ее пользу. Но упырь все еще сомневался.

— Ты ведь Крестовского любишь, а наивысшие истечения происходят от любящей души.

— Душонка у меня так себе, — хмыкнула я скабречно, — все стремления — чин высокий получить.

— Надворный советник!

— В статские хочу, лучше в действительные статские, должность в столице и личный кабинет. Ну же, граф, решайтесь. Начальство мое почти уже ваше начальство упокоило, закалываем двоих человечков — Квашнину с Давиловым, она чародейка сильная, ее ихор большую силу имеет, вы становитесь великим некромантом, и мы с вами...

Эх, зря я про фотографические карточки упомянула, мысли упыря приобрели фривольное слишком направление, он уже прижимался косточками к моему бедру, придвигаясь все ближе.

— И что мы с тобою?

— Обсудим, — отодвинулась я, — когда вы на покойника перестанете походить.

— Брезгуешь?

— Я, Теодор Васильевич, девушка приличная, глупости всякие только после свадьбы вам позволю.

— Свадьбы? — испугался упырь.

— Именно. Поженимся здесь, в Крыжовене. Сначала с полгода я приставом прослужу, удобно даже, стану не Попович, а Попова, чуток документы подправить. Не перебивайте. Так надо. Через службу я ваши художества прикрыть смогу, бумаги официальные выправить.

— Графиня?

— Точно! И титул получу! Да мы с вами таких дел в империи наворотим!

Асмодеус поплыл, поверил, воображал уже те самые дела, славу воображал, почет, супругу молоденькую, что устремления его разделяет. Только, к прискорбию его, в чарах некромантский аватар нисколько не поднаторел, иначе догадался бы, что посох, который он держал сейчас в руке, с Фараонией его крепко-накрепко связывал.

Громыхнуло, алтарь под нами качнулся, посох дрогнул, вылетел из лап Асмодеуса. Свободная от пут Квашнина подхватила его в полете:

— Сдохни, свиристелка!

Яркая вспышка света, сызнова грохот. Огненный столб, вырвавшийся из глаз чародейки, опалил связанного Давилова, пережигая веревки. Евсей Харитонович прыгнул под ноги вскочившего Асмодеуса. Они покатались вниз по ступеням. Там немедленно образовалась куча-мала, я заметила, что троица выживальщиков по отдельности продвигается к дальней стене зала, в направлении предполагаемого выхода и попятилась от Фараонии. Чародейка широко улыбалась:

— Сдюжил твой Семен, зауклил супостата! — Магическая завеса выцвела до грязно-желтого оттенка, уплотнилась, напоминая уже вощеную бумагу. — Силен, ух силен Крестовский... был...

Костлявая рука Квашниной ухватила меня за щиколотку в тот самый момент, когда я уже почти спрыгнула с алтарной плиты.

— Погоди, деточка, остаточный фон сильнейший от эдакой волшбы остается. — Неподалеку после чавкающего противного звука раздался стук, на гранит выкатился человеческий череп. Фараония хихикнула: — Лорд Асмодеус голову от счастья, тобою предложенного, потерял. Экая ты, душенька, свиристелка оказалась.

Давилов тяжело залезал на ступеньку, мне было видно его растрескавшееся лицо. На полу, от стены до стены, белели кости и лежали беспорядочные кучи уже абсолютно мертвой плоти. Выжившие затаились. Бархатов, притворяясь покойником, лежал в открытом гробу у стены, двое других спрятались за соседним, единственным накрытым крышкой. Молодцы, каждому по медальке.

— Фонит, — сказал Евсей Харитонович, приближаясь.

— Об этом я нашей чиновной барышне и толкую, — пропела Фараония, дергая меня за ногу и возвращая на центр плиты. — Гудит, вихрится силушка ничейная, только и ждет умельцев, что ее обуздают.

— Семушка, — зарыдала я, — на кого ты меня покинул?

Взбрыкнула ногами, вырываясь из хватки, стукнула ненароком каблуком чародейку. Она попыталась меня удержать одной рукой, в другой был посох, но не преуспела. Давилов хлопнул бестолково, я ползла на спине, извиваясь ужом, не прекращая стенаний.

— По ком плач? — Бумажно хрустнуло, Крестовский прошел сквозь завесу, как цирковой клоун сквозь барабан — опля! — Геля!

Никем не удерживаемая, я бросилась к чародею:

— Ты жив! Ты все-таки жив!

— Ты в этом сомневалась? — Он меня поцеловал, обнял за плечи, осмотрел диспозицию. — Какая гадость.

— Семен Аристархович! — обрадовалась Фараония. — Мы уж не чаяли...

Мой упреждающий возглас запоздал, Крестовский щелкнул пальцами свободной руки и воздетый посох осыпался пеплом. Квашнина пошатнулась, замерла, будто заледенев.

— Ваше превосходительство! — начал Давилов.

Чародей его перебил, подсек под коленями воздушным арканом.

— Значит, так, Евангелина, мне пришлось все три некромантские сферы на изнанку затащить. Сейчас выбираться будем, а после ты все объяснишь наитщательнейшим образом.

— Можно с эффектами?

— Куда без них...

Отпустив мои плечи, он повернул голову, серьги блеснули под рыжими волосами привычным сапфировым светом и запахло хорошо, мятою. От привычности происходящего у меня на глазах навернулись натуральные, не притворные уже слезы. Сквозь них мне было видно и застывшую Фараонию, и Давилова, грузным кулем упавшего на ступени. Будут вам эффекты, обождите.

— Любопытно, — сказал Крестовский. — Огненный первоэлемент.

— Где? — Я подняла голову. Своды поганого храма закруглились, превратившись в гладкую сферу, на ней ярко пылала многолучевая огненная звезда.

— Нас снаружи вытаскивают.

— Кто?

— Попович! У кого в Берендии на это сил хватит?

— Ребята! — проорала я в потолок, подпрыгнув. — Иван, Эльдар, мы здесь!

— Евангелина Романовна, — раздалось издалека, — ваше высокоблагородие! Это я, Старунов. Мы уже близко...

— Старунов? — удивился Семен.

— Запасной девственник, — махнула я рукой. — И тоже Иван, как Зорин, видно, решил, что я его зову.

Со звуком сходящей горной лавины сфера раскрылась по огненным линиям, как разрезанный арбуз, осыпалась хлопьями серого пепла. Солнце, небо, люди! От свежего воздуха голова немного закружилась, но я прыгнула, побежала по сухой земле, успев крикнуть Семену:

— Этих держи!

Толпа, нахлынувшая со все сторон, движению мешала, я толкалась, вырвалась из объятий Ливончика, но через мгновение болтала в воздухе ногами, поднятая Зориным.

— Гелюшка, жива!

— После, Ванечка, пусти.

Заметив с высоты зоринского роста добычу, я настигла Бархатова в три огромных прыжка и исполнила свой коронный бросок через бедро.

— Ну уж нет, Эдуард Милославович, вы мне крайне нужны!

— Зачем? — спросил Мамаев, надевая на актера наручники.

— После, все после! — Чмокнув друга в колючую щеку, я позорно лишилась чувств.

«Все хорошо, теперь хорошо, маменька. Даже гордиться своею Гелюшкой можешь. Потому что на своем она месте и идеально службу несет. Сплоховала, разумеется, но по мелочи, не смертельно. Тросточку Грине загубила, барышню непричастную заморочила, в чем каюсь, ну и чуть все дело не испортила, доверившись тем, кому доверять нельзя. Впрочем, я молодец. Забавно, маменька, что после обморока сначала слух возвращается. Вот сейчас все слышу, а сказать ничего не могу, но это временно. Глаза бы только открыть...»

Перед глазами стоял туман. Я лежала в ванне, в горячей воде, любовалась клубами пара и потолком с трещинками на старой штукатурке.

— Геля, — позвал из-за ширмы Иван Иванович, — ты в порядке?

— Без купания никак? В кабинете пристава непотребство устроили.

— Семка велел. Но ты не стыдись, он самолично тебя разоблачал, нас с Эльдаром не допуская.

— Одежда моя где?

— Сжечь велел.

Я дернулась, поднимая волны, вода хлопнула через бортик на казенный ковер.

— А сумочка?

— Тоже сожгли. Да не переживай ты, содержимое я на диван вытряхнул, здесь, рядышком со мной лежит.

— Хорошо. — Успокоившись, я откинулась на удобный подголовник. Пахло скошенной травой, Зорин за ширмой колдовал, залечивая мои повреждения. — Много времени прошло?

— С какого момента? Под землей ты трое суток провела, а без чувств... Мы после полудня вас достали.

Настенные часы из ванны виднелись, показывали четверть восьмого.

— Изрядно.

— Истощение у тебя, нервическое и душевное. По уму, постельный режим не менее недели, полное спокойствие и...

— Понятно. Всех арестовали?

— Бархатова Эльдар в камере запер в подвале, боярыню Квашнину с коллежским регистратором в присутственную клетку определили. Семен сказал, ты представление желаешь показать, посему сцену подготовить надобно.

— А Бобруйская?

— Которая? Ах эта... Нет, Гелюшка, купчиху изловить не получилось. Там в толпе блаженная бродила...

Прикрыв глаза, я слушала Иванов бас, испытывая ни с чем не сравнимое удовольствие. Люблю, когда он вот так рассудительно, неторопливо говорит. Ай да Дульсинея, ай да хитрюга! Спасла-таки любовницу и от смерти, и от ареста. Только все равно мы вас изловим обеих. Знаешь, зачем мне супруг твой Бархатов понадобился? Против Нинельки признание получить. И я его получу. И тогда злонравная эта женщина, пол свой позорящая, от суда не отвертится. Ладно, это потом. Зорин сказал, парочка верхом уехала. Куда? Да известно, в столицу, не по лесам же им с их темпераментом прятаться, а оттуда за кордон отбыть попытаются. Я их в Мокошь-граде тепленькими возьму.

Зябликов тоже ускользнул, но им никто и не занимался особо, так что пусть пока гуляет, фотограф-любитель.

Когда вода в ванне совсем остыла, Иван Иванович сообщил несколько усталым голосом:

— Закончил я, Гелюшка, пойду. В приказ уйму всякого раскопанного притащили, надобно осмотреть.

— Чего притащили?

— Артефактов разных поганых, чтоб уничтожить, как положено.

— Понятно.

— Поздно мы с Эльдаром к вам пробились, — вздохнул Зорин. — А ты молодец, ловко «ятями» нас упредила.

— Вы молодцы, что поняли.

— Болваны мы. Сначала барышню молоденькую в пасть чудовищу направили, а после Семку, будто не знали, на что он ради... — Иван замолк и, судя по звуку, хлопнул себя ладонью по колену.

— Крестовский никому из вас за Блохиным прибирать не позволил бы.

— И то верно. Как тебе его убедить на жертву идти удалось?

— А я не убеждала, просто припасов поднесла. Здесь малышонок один проживает занятный в сиротском приюте, Митенька... Семен, кстати, хочет его с собою в столицу забрать, невероятный дар в мальчишке, силою делиться может.

Без стука распахнулась дверь, потянуло сквозняком. Мамаев спросил скороговоркой:

— Попович в себя пришла? Так чего сидишь? У меня пар из ушей уже пойдет скоро.

Зорин поднялся, диван облегченно скрипнул.

— Давай, давай, — торопил Мамаев, но вместе с другом не ушел. Прикрыл дверь, повесил на ширму ворох платья, сказал мне строго: — Евангелина Романовна, немедленно старшему товарищу отвечай, когда ты обручиться успела!

Выбравшись из ванны и вытираясь полотенцем, я начала рассказывать, закончила, уже зашнуровав ботильоны. Не знаю, каким образом, но коллеги достали мне не только новый мундир по размеру, но и прочую необходимую барышне одежду. Шпилек только не предложили, влажные волосы были распущены, когда я вышла к Эльдару.

— А Семен что? — спросил чародей, прищелкнув пальцами, шевелюра моя высохла и рыжими волнами разбросалась по плечам.

— За поцелуи злился, а кольцо, — я показала руку, — скорее одобрил, предполагал, меня через него британские чары оберегут. Эльдар, может, ты знаешь, как мне эту нелепицу снять?

— Сейчас никак. Это тебе придется со своим спящим принцем повидаться.

— Ждать, пока пробудится?

— Зачем? Встань у одра, скажи, помолвку с вами, Григорий Ильич, разрываю, в отступное даю... не знаю... дырку от бублика, большего этот фанфарон не достоин.

— И все?

— Все. — Мамаев пожал плечами. — Не брак ведь, так, намерение на будущее. Ты готова? Тогда идем. Очень мне любопытно.

Спускаясь по лестнице, я окинула взглядом присутственную залу. За конторкой привычно сидел Старунов, еще несколько приказных, работающих с документами, поднялись меня поприветствовать. В клетке на нарах лежал, отвернувшись от всех, Давилов, Фараония стояла у самой решетки в той же позе, в которой я ее последний раз видела: с кулаком, судорожно прижатым к груди, прямой спиной и отвратительной гримасой на лице.

Места для посетителей оказались заняты, и подоконники, и табуреты, все, какие нашлись. Здесь были горожане, люди и гнумы, неклюды. Непоместившиеся зрители заглядывали в окна снаружи.

— Геля, — позвал Мишка Степанов, — дело есть.

— Обожди, после поговорим.

— Вашбродь! — Беременная немолодая баба в платке ринулась с порога, падая в ноги, хорошо служивые придержали, не дали на полу униженно растянуться. — Давилова я, пожалейте супруга, Евсейку моего, невиноватый он...

А вот это было совсем не ко времени. Хороших новостей у меня для несчастной женщины нет, а от тех, которые есть, ей изрядно поплохеть может. Что делать прикажете?

Тут в приказ вошел Крестовский и от немедленного принятия решения меня отвлек. Чародей был свеж и наряден, выбрит и причесан, а в петличке его сюртука зеленела бутоньерка.

— Под цвет глаз прекрасной дамы, — пошевелил он губами и подмигнул.

Зардевшись, я отвернулась и прошла к конторке.

— Да не тревожьтесь вы так! — Семен подхватил Давилову под руку, согнал со стула какого-то купчика и усадил ее. — Вон ваш супруг, живой-здоровый.

Спина лежащего на нарах мужика вздрогнула, но оборачиваться он не спешил.

Крестовский дружелюбно переговаривался с уймой местного народа, будто годами в Крыжовене проживал, расточал улыбки, успокаивал, обещал немедленно во всем разобраться.

«Да, да, разумеется, все навьи артефакты будут уничтожены. Отчего же тайно? Завтра с рассветом, да, все желающие могут полюбопытствовать. В плавильном цехе паровозного депо. Крыжовеньская община предоставит для городских нужд две бочки гнумьего огня, не правда ли, господин Дворкин? Разумеется, уничтожение будет проводиться под опись при участии представителя власти... Да, все обнаруженные останки будут предложены для опознания. Неопознанные подлежат захоронению в предписанном законом порядке... Как можно? Разумеется, отпевание также произойдет. Для отправления обрядов вызвана помощь из Змеевичской епархии... Некромант уничтожен полностью, к сожалению, земля, на которой стояла усадьба генерала Попова, для жизни либо ведения хозяйства более непригодна. Надолго, пятьдесят лет самое малое. Туда лучше вовсе не ходить, а дорогу провести в объезд... Пристав? Как только у меня на руках окажутся официальные бумаги... Господин Волков? Ни малейшего представления не имею. Григорий Ильич пребывает в чародейском сне... Да, никакого запрета на проживание неключодов в черте города более не существует... Возмещение убытков? Господин Ливончик, вы бы о совести вспомнили, мы стражи порядка, а не имперское казначейство...»

Он отвечал спокойно, обстоятельно, дружелюбно, но без заискивания.

Хорошее у меня начадыство, лучшее из возможных.

Честно говоря, никаких представлений мне показывать не хотелось вовсе, хватило бы и в узком сыскаарском кругу обстоятельства

дела изложить. Но люди, те самые простые люди, без учета расы либо звания, подданные нашей империи, имели право знать правду.

Регистрационная конторка стояла на небольшом возвышении, я поднялась на него. Старунов держал перед собой незаполненный формуляр, готовясь записывать. Семен Аристархович подошел к клетке, сплел аркан, золотистыми плетями упавший за решетку. Квашнина опустила руку, зашипела по-змеиному:

— Свиристелка! — но, осознав, где находится, запнулась, сменила тон на праведно-возмущенный. — По какому праву?

— Пиши, Иван, — сказала я отчетливо, — Елизавета Афанасьевна Квашнина, купеческого звания, обвиняется в незаконном использовании чародейской силы, коей использование было ей строжайше запрещено...

— Я же тебе помогала любовника с того света вытаскивать!

— ...в покушении на убийства, совершении убийств посредством черного колдовства...

— Ложь! Вранье!

— ...присвоении чужой личности, нет, Иван, не так, вспоможении присвоению чужой личности...

— Докажи! Хоть что из этого докажи. Чардеила, да! Потому как ты меня, дуру старую, добрую, заморочила, умоляла Семушку твоего спасти. А я согласилась. И спасла. Полюбуйтесь, стоит тут весь из себя, а я в клетке сижу. За что? За то, что добрая? Произвол! Несправедливость!

Берендийский наш народ изрядно бедам ближних сочувствует, вот и сейчас публика была расположена скорее к пожилой арестантке, а не к молодой наглой столичной сыскарке. Ну то есть наглой-то я всяко не была, но выглядела в этот момент именно так.

— Эльдар, — шепнула я стоящему рядышком Мамаеву, — плохо дело, она сейчас подельника порешит, как пить дать.

Он протянул мне очки, видно прихваченные с дивана в кабинете.

— Семен это предусмотрел, разделил клетку на две половины.

Кроме перегородки сквозь чародейские стекла я рассмотрела еще и знаки на прутьях, и изрисованный пентаграммами пол. Основательно.

— Ты, Евангелина Романовна, по-простому говори, без официоза, от твоих вспоможений даже у меня зевота.

— Но...

Эльдар сдернул с меня очки и, ухватив за талию, усадил на конторку. В этой позе протокольно вещать было решительно невозможно. Пока я собиралась с мыслями, Квашнина развлекала публику описанием моего непотребного поведения в упырьем логове. На словах «собиралась отдаться на алтарной плите», я неистово зааплодировала:

— Bravo, Елизавета Афанасьевна!

— Правда глаза колет? Скажешь, вру? — Она пошарила под лохмотьями, в которые превратилась ее одежда, и достала белый человеческий череп. — Пусть начальство твое подворожит, пусть за меня упырьки останки свидетельствуют.

Она протянула руку к прутьям, те полыхнули.

— Умно, — заметил вполголоса Мамаев, — она хочет, чтоб мы защиту с клетки сняли.

Публика испуганно переговаривалась, многие крестились.

— Бойтесь? — расхохоталась Фараония. — Старухи слабосильной опасаетесь? Эх вы, чардеи!

Она обвела залу глумливым взглядом, остановилась на Семене, сидящем подле Давиловой.

— Думаете, ваше превосходительство, ваша Гелюшка любимая вас до последнего спасала? Думаете, не предала? Так я сама вам покажу.

Квашнина сплела аркан, распространив вокруг запах тухлятины, глазницы черепа зажглись синевою, исторгли лучи на манер проектора. В сгустившемся воздухе возникло изображение. Я, рыжая, грязная, сижу, ногами болтаю...

— ...поженимся здесь, в Крыжовене... с полгода я приставом прослужу... стану... Попова... и титул...

М-да, говорок-то у Евангелины Романовны Попович отнюдь не столичный, барышню из Орюпинска вывезти возможно, а вот Орюпинск из барышни никак. Позорище. Да нет, это я от нервов опростилась, временно.

— А, ваше превосходительство? — Фараония начала прятать череп. — Каково?

— Минуточку, — остановил ее Семен. — Давайте назад пленочку вашей фильмы отмотаем, любопытно и ваши беседы с лордом

Асмодеусом посмотреть.

— Простите? — Я почуяла запах мяты, чародейка с усилием дернула череп на себя, выругалась, бросила его под ноги, наступила, разбивая в мелкие осколки. Торжествующе хихикнула: — Экая незадача, не удержала, поломала!

Семен Аристархович зевнул в ладонь, достал из кармашка часы, отщелкнул крышечку.

— Затягивается наше собрание. Надворный советник Попович, как будете перед обществом оправдываться?

— Да чего вы девчонку позорите? — пробасил бородатый купец у окна. — Ежу понятно — брехала она, чтоб время выиграть. Я сам в таком положении чего угодно бы пообещал, хоть черепу, хоть берцовой косточке. Общество интересуется, Асмодей этот кто? Потому как Попова мы все тут знаем.

— Так подручный он был барина, — просветил кто-то из задних рядов.

— А Фараония при чем?

— Ни при чем я! — Квашнина сложила молитвенно руки. — Дело-то как было: свиристелка эта рыжая, Попович, прибежала, в ноги упала. Помогите, рыдает, тетенька, любовника спасти. Это потом уже я поняла, что я ей для жертвы понадобилась, чтоб кровь мою чародейскую на алтаре пустить.

— И я б пустил, — блеснул зубами сквозь бородищу купец, — только от крови твоей алтарь бы тот разъело, как от кислоты какой.

Переждав смешки присутствующих, я грустно проговорила:

— А я ведь вам верила, Елизавета Афанасьевна, симпатию испытывала. Знаете, когда перестала? Наверное, с самого начала рассказать надобно.

— Ну наконец-то нам с начала историю поведают! — На веселого купца зашикали, любопытно было всем.

— Однажды, — посмотрела я на Семена, — в чародейский приказ Мокошь-града пришло письмо с того света.

История, звучащая сейчас в присутственной зале, походила на байку, рассказанную у костра. Евангелина Романовна Попович отправилась в уездный Крыжовень вершить справедливость. Глупая рыжая барышня, по молодости наивная, но мнящая себя перфектным сыскарем. Сразу в злодеи купца Бобруйского определила, и из этого

исходила, прочее в расчет не взяв. Пристава он убил или по его наущению. Значит, он главное зло и есть.

Последовательно излагая события, я удивлялась, почему раньше в голове тревожных звоночков не прозвенело. В тот момент, когда поняла, что Фараония, на ссыльный запрет невзирая, чародеит, арестовать ее следовало.

— Почему? — спросил купец при одобрении прочих.

— Это преступление, — вздохнула я тяжело, — серьезное очень. Тогдашний пристав о нем знал, не мог не знать, но не пресек. А это, дамы и господа, значит, что Степан Фомич преступление покрывал. Боярыня Квашнина смертельные заклятия через глину наложила, он и это простил.

— Насильника извела, поганца! — взвизгнула Фараония.

— Молчите.

— Ты сама говорила, заслужил, сама...

— У меня, Елизавета Афанасьевна, недостаток один имеется, я всегда сторону женского пола в спорах принимаю, оттого ошибаюсь часто. Говорила, и теперь считаю что смерть поганую фартовый тот получил по заслугам. Однако того, что вы в уплату себе жизнь у поруганной девочки отобрали...

— Неправда!

— Правда. Это я раньше вам поверила, до того, как мне о природе вашей силы рассказали.

— Кто?

— Да сиротки ваши подопечные. Что, мадам Фараония, хорошо было силу из детишек-чародеев вытаскивать? Целый приют в свое полное распоряжение получили: играйте, болезные, кушайте, учиться вам не надо, и из дома ни ногой, здесь вы директрисе надобны.

— Что за нелепицу ты несешь?

— А я, дура, поверила, сама вам детей вручила. — Я посмотрела на Семена. — Когда обнаружилось, что его превосходительство мне официальные возможности действовать отрезал, хотела немедленно к чародейке за помощью бежать, но в церковь завернула, там в ночлежке беглые ребята приютские прячутся. Тут мне все и открылось.

Крестовский невесело улыбнулся, сказал:

— Молодец, Геля.

Привычно зардевшись от похвалы, я продолжала:

— Вернемся ненадолго на несколько лет назад. Имелась у вас в Крыжовене, дамы и господа, любопытнейшая комбинация. Опальная чародейка, сила которой от злодейств качества свои изменила, пристав Блохин, промышляющий навскими артефактами, чародей не особо сильный, но амбициозный и древний упырь за городом, тот самый генерал Попов, чей череп так живописно раскрыт сейчас на полу клетки. Треугольник, каждый угол которого желал свои силы преумножить и от двух других избавиться. Понимаете?

Мамаев присвистнул, кивнул Ивану, лицо Крестовского исказило страдание, прочие понимали не особо.

— Елизавета Афанасьевна, — повела я рукой, — в смешивании разнородных магий поднаторела, не удивлюсь, если с ее подачи Блохин иавыми безделушками увлекся, усилиться хотел. Квашнина проклятую усадьбу исследовала, с упырем знакомство свела, он там случайными прохожими питался, едва нежизнь свою продлевая, выяснила, отчего покойник Понов чудовищем обратился.

— Отчего? — пискнули с крыльца.

Я толкнула в плечо Мамаева, он объяснил:

— Некромантские сущности в изнанке нашего мира обитают, постоянно щели разыскивают, чтоб в явь просочиться. А щели эти возникают в местах, где страшное зло свершилось. Надобно в городских ваших хрониках поискать, какое именно событие...

— Чего искать? — перебил Эльдара старикан из первого ряда. — Генерал тот умом тронулся, семью свою с домочадцами погубил, усадьбу подпалил, сам на осине повесился.

— Вот и ответ. Покоя душегуб не нашел, остался нежитью маяться, а к щели, которую он своим преступлением проделал, с изнанки хтонь приникла.

— И Елизавета Афанасьевна с двумя своими помощниками, — продолжала я, — несколько потустороннему гостю помогли. Они думали, явится некий сгусток силы, поделится с ними.

— Источник, — прочла я по бледным губам Семена. — Боже мой...

— Да! Они думали, что получат в свое полное распоряжение источник. Но сущность одаривать собою не захотела, завладела останками Попова и... Тут еще уточнить следует: Блохин, наверное, Квашниной не доверял, к вызову не допустил, или, напротив, она

состорожничала, но по факту именно на ниточку его силы хтонь привязалась.

На Крестовского было страшно смотреть, я и не смотрела, бросая в толпу быстрые, жесткие фразы:

— Хтонь жирела. Блохин слабел. Фараония злилась. Попов стал Асмодеусом, подручным всеильного барина. Ситуация получилась патовая.

— Какая? — переспросил кто-то.

— Патовая, это термин такой шаховый, когда никто из игроков хода сделать не может. Не суть. Ее покушение на пристава изменило. Степана Фомича зарезали. Он ведь, шалун эдакий, жениться между делом успел, и супруга понесла. Вместе молодые не жили, венчание было тайным, и когда Блохину сообщили, что беременная его жена в лапах некроманта, он помчался к усадьбе, где и был убит.

Жалостливы мы, берендийцы, завсегда на слезливые истории покупаемся. Вот и сейчас залу наполнили вздохи сочувствия, женщины принялись плакать, Давилова, прижав ладони к животу, зарыдала в голос.

— Скорее всего, — сообщил шеф тем самым шефовым противным тоном, — Степан Фомич опасался, что через плод на него наведут связывающие чары.

Плач прекратился, не сразу, после череды всхлипываний.

— Это сейчас не важно. — В горле уже першило от долгих речей, голос сел. — Важно другое: в этот момент родилась та самая комбинация, развязку которой мы все с вами наблюдаем. Блохин решил воспользоваться случаем.

— Он же помер!

— Разве нет?

— Да не перебивайте, ироды. Давайте, барышня Попович, дальше.

Я попила водички, прокашлялась.

— Помер не помер, но в землю закопать себя дал, при этом озаботился, чтоб барин до него дотянуться не смог, и отправил послание своему другу и учителю чародею Крестовскому, чтобы помог. Расчет был такой: чародей прибывает, уничтожает барина с подручным Асмодеусом. Разумеется, соратника своего Степана решает перезахоронить, выкапывает, после положенных всяких колдунств, а

тот является из гроба живехонек. Потому что сила земли родимой помереть не дала. Народ ликует, пристав возвращается к должности в очищенном уже городе.

Фараония сидела на полу клетки, раскладывала мозаику из костяных обломков, Давилов не оборачивался, прочие же восторженно внимали.

— И все бы получилось, — развела я руками, — только работа почты нашей берендийской оставляет желать лучшего, долгонько письмо шло, да и короткую соломинку в жребии вытянула ваша покорная слуга...

Пережидая аплодисменты, я снова отхлебнула водички.

— И злодеям пришлось на ходу планы перекраивать. Ко всему, барин узнал, что чародейский сыск столичный Крыжовенем заинтересовался. Пришлось плести ему, что-де за надворною советницей непременно следом начальство приедет, что у начальства сила та же самая, что у Блохина, что начальство даже лучшим сосудом сущности послужит. То есть Фараонии пришлось.

Я кивнула на Семена:

— Начальство мое, действительный статский советник Крестовский, перфектнейший сыскарь и великий чародей. Прибыв из столицы, он предусмотрительно часть своей силы запечатал, посему на Квашнину особого впечатления не произвел, или, скорее, алчность в ней взыграла. Не суть, наши стратеги измыслили такую комбинацию...

На крыльце уже некоторое время шумели, кричали тоненькими детскими голосами:

— Маменька! Пусти, больно...

Толпа расступилась, пропуская в залу чумазых девчонок и мальчика чуть постарше. Давилова сорвалась с места, запричитала:

— Пашка, Машка, Глашка и Наташка! — и бросилась расцеловывать макушки. — Что приключилось?

— Тятенька, — ответил пацан, — с позавчера в рюмочной отдыхали.

Евсей Харитонович воздвигся на пороге последним, голова его с расцарапанной лысиной была опущена долу, по зале разнесся ядреный водочный дух.

— Закусить бы, — хихикнул кто-то.

— Завсегда Евсейка, как напьется, из дому пропадает.

— Вот ему супружница задаст! Быть ему битым.

Последнее исполнилось немедленно, баба отвесила коллежскому регистратору смачную оплеуху, поклонилась в пояс Крестовскому, попросила прощения и поволокла Давидова прочь, сопровождаемая отпрысками — Пашкой, Машкой, Глашкой и Наташкой, которая вовсе удочеренная. Я вытерла счастливые слезы. Жив толстяк, счастье-то какое!

За спиною всхлипнули, я обернулась, Старунов сморкался в носовой платок:

— Евсей Харитонович первым от Крыжи в город ушел, то есть я думал, мне показалось, потому что...

— Я знаю, Ванечка.

— Упредить вас хотел, вашбродь. Не мог, зачаровали меня.

— Знаю.

— Минуточку, — прокричал кто-то, — если Давилов от жены на орехи получает, то это кто?

Гул голосов одновременно прервался, сменившись настороженной тишиной.

— Иван Иванович, — попросила я Зорина, — можете арестанта нашего водичкой полить? Глина от нее непременно слезет.

— Грязь не хватало разводить! — Семен щелкнул пальцами, над лежащим на нарах мужчиной взметнулось и опало облачко глиняной пыли. — Извольте полюбоваться, дамы и господа, второй виновник нашего торжества — Степан Фомич Блохин, бывший пристав.

Крестовский широко улыбался, но в синих его глазах стояла такая боль, что у меня сердце защемило.

Блохин так и остался лежать, не толстяком уже, сотворенным из глины мастерством Фараонии, а поджарым, довольно высоким мужчиною. Он не повернулся, не показал своего лица, но на этом никто, впрочем, не настаивал.

Мы долго еще заседали, за полночь. Старунов исписал два десятка листов, я осипла, была излечена Зориным, до дрожи устала.

Они хотели силы, мерзавцы эти, дармовой силы. Для этого им требовалось при закукливании присутствовать. А как в логово упыря пробраться, ни Блохин ни Квашнина понятия не имели. И здесь им понадобилась я, та, которая отведет. Мой расчет на этом и строился. Ну как расчет...

Избавившись от соглядатая-Герочки, первым делом я пошла разыскивать своих ребят в церковной ночлежке. Костик лежал там на лавке, хворал. Митенька за ним присматривал.

— Не бойсь, тетенька, пиявок тутошних заарестуешь — в момент Костыля излечу. Без толку сейчас, я в него волью, а они вытянут.

— Мишка мне не сказал.

— Да чего он понимает? Ржавый протец, навроде тебя, он от скуки из приюта бежал. Буча сегодня ночью будет знатная, грядет, чую.

Малыш говорил рассудительно, как взрослый, шепелявил только. От его рассказа у меня волосы на голове шевелились.

— Нельзя, тетенька, в живом человеке белую силу с поганой смешивать, злеет человек от того, в плохого превращается... Квашнина-то? Она тебе про плод свой загубленный рассказала? Врала. Да нет, плод был. Только не в ней. И загубила его именно она, своим чародейством. Вот тогда Елизавета Афанасьевна свою силу и подпортила, даже не самим убийством, а тем, что не раскаялась. Дальше больше...

Он отдал мне сапфировые серьги, липко поцеловал в щеку.

— Постарайся, тетенька, одним махом всех одолеть.

Я вышла из ночлежки на ватных ногах, голова кружилась. Всех, одним махом. Кого всех? Как?

И тогда я решила устроить этим «всем» ловушку. Маня Бобруйская без возражений согласилась отправиться под защиту церковных стен, тайно покинув с Андроном Ипатьевичем хоромы на Гильдейской, слуги были распущены, а Нюта... Тут мне даже вспоминать стыдно. Я наврала, что Григорий Ильич еще на балу к ней страстью воспылал. Расчетливо наврала, будто между прочим. «Вы, Маня, в храм с сестрицею ступайте. Ах, какая жалость, что влюбленный в Анну Гавриловну Волков здесь без опеки останется. Ему-то в храм никак нельзя, святость чародейским делам помеха». Как-то так. Нюта, разумеется, заявила, что при Грине будет. Мне только того и надо было. Попросила барышню подыграть мне заодно. Вот такая подлая, да.

А дальше... Когда я с Квашниной на облучок кареты садилась, чтоб в усадьбу ехать, надежда еще теплилась, но, когда она на Гильдейскую лошадей направила, погасла. Не за Волковым она ехала

— за Манькой тяжелой, чтоб козырь в торговле с подельниками иметь. И бредни мои про использование трости поддержала с готовностью, хотя прекрасно знала, что даже пятьсот Грининых перстней власти над этим артефактом не дадут. Прочее — мелочи. Она не собиралась выкапывать Блохина, потому работников с собой не прихватила. Наверное, он сам к ней из могилы вылез. Или не к ней. Старунов говорил, фальшивый Давилов уже подле Крыжи появился. Парню показалось, что Евсей Харитонович впереди шел, его самого Квашнина кликнула, чтоб о брательнике что-то спросить. Брат Пашка у Елизаветы Афанасьевны секретарем служит. После — туман. Слышалось ему разное страшное про приношение его девственной крови, чтоб каналец для силы открыть, про то, как меня в обрядах используют заодно с колечком моим замечательным. Он поэтому и сказал мне «бегите!», и после, уже под холмом, в первой некромантской сфере упреждал. Губами шевелил бесшумно, но я ж прочла. К слову, как и беседы Фараонии со лже-Евсеем. Торговались они, стоваривались, как сподручнее Семена порешить, если он верх возьмет, да кем фоновые силы собрать.

Такие вот дела...

Публика представлением удовлетворилась. До меня долетали обрывки разговоров, крайне для нас с коллегами лестных.

— Для того чародейский сыск и надобен, чтоб с колдунскими преступлениями разбираться и чардеям укорот давать!

— Великий человецище Семен Аристархович, смерти не убоился...

— Рыжая молодцом, все злодейства вскрыла...

— Любопытно, какую персону нам в приставы определяют. Волков, конечно, орел, красавец-мужчина, но чародея бы хотелось для городского спокойствия...

Я сидела на конторке, негромкая разноголосица вокруг подчеркивала мое одиночество. Крестовский беседовал с городскими старейшинами, Мамаев... Кажется, Эльдар пошел провожать домой некую барышню, у него с этим быстро. Зорин возник передо мною, загородив обзор.

— Притомилась ты, Гелюшка, отдохнуть тебе надобно. Эльдар для тебя номер в отеле снимет.

— Зябко, — пожаловалась я.

Иван Иванович обнял меня за плечи, от его ладоней по телу прошла теплая волна.

— Ну-ну, милая, все уже хорошо. Сейчас почивать отправишься. Пойдем, Семен просил его наедине с арестантами оставить.

Я пошла на ватных ногах, поддерживаемая за плечи Зориным, и тут вспомнила:

— Вещи мои из сумочки...

— С собою прихватил, — успокоил чародей.

Эльдар Давидович встретил нас у порога.

— Отель «Империал», в обслуживании прелестные вовсе букашечки, кухня достойная, ужин я заказал.

Из приказа мы с Зориным выходили в числе последних, оставив Крестовского сидящим на стуле в двух шагах от арестантской решетки. Попрощались, на что Семен нам рассеянно кивнул.

— Тревожно мне, — призналась я на крыльце.

— Да ну, брось! — Мамаев был возбужден и весел. — Сейчас разносолов откушаем, тебе полегчает. Не твои, часом, поклонники?

Повернув голову, куда он показал, я увидела Мишку Степанова с Костиком и отправилась к ним. Пацаны были не вдвоем, с ними стояла губешкинская прислуга Дуняша.

— Барышня Попович, — поздоровалась она первой, — хоть вы охламонам этим скажите!

— Чего сказать?

— Чтоб не отнекивались, а к нам на Архиерейскую шли, барыня и ночевать пустит, и не прогонит.

— Захария Митрофановна здорова?

— С Божьей помощью, мы ночи эти страшные в храме пересидели, потому упырям не достались, только там на картах гадать нельзя, потому барыня... Евангелиночка Романовна, — девушка всплеснула руками, — вот я бестолковая! Меня же к вам отправили.

— Кто?

— Так барыня! Мы как домой возвратились, провидица сразу расклад... Все доподлинно прозрела, до мелочи, точно так, как вы в присутствии нам рассказали.

— Ты в приказе была?

— Ну да, Феденька мне наилучшее местечко спроворил. — Дуняша хихикнула, прикрыв ладошкой рот, поправила на плече

нарядную шаль.

Понятно, упыри упырями, а любовная осада приказного Степанова по расписанию, неудивительно, что дева о поручении Губешкиной позабыла.

— Так о чем бишь я? Ах да... Захарочка Митрофановна как на карты посмотрела, это расклад седьмой, наверное, был, как побелеет, как закричит: «Дунька, сей момент к Гелюшке отправляйся!» — Она закатила глаза, вздохнула. — В общем, барыня велели вам до второго часа пополудни казенный дом покинуть, иначе...

Мы синхронно посмотрели с Дуняшей на башенные часы, было без четверти два.

— Что иначе?

— Смертью лютою помрете.

— Понятно! — Я побежала к крыльцу.

— Евангелиночка Романовна, нельзя! — кричала за спиною девушка.

— Куда? — Зорин перехватил меня на ступеньке.

— Семен... там...

— Без нас управится.

Пока я трепыхалась в попытках вырваться из зоринского захвата, Мамаев торопливо расспросил прислугу, излив на нее такое море обаяния, что та чуть не сомлела.

— Почему именно два часа? — спросил он Ивана, приближаясь к нам.

— Предположу, — тут Зорин охнул от удара под дых, — что это время смерти Блохина.

— И чего? — Извиняться я даже не подумала, фыркала рассерженной кошкой, когда меня наконец на землю поставили.

— Ежели так, в два часа у Блохина всплеск силы произойдет.

— И чего?

— Вот заладила. Стой!

— Ванечка, — попросил Эльдар, — подчардей для нашей влюбленной барышни, покажи, что сейчас в приказе происходит.

Пацаны с Дуняшей подошли поближе, им тоже было интересно.

— На что вы меня подбиваете? — От зоринского вздоха мои волосы взметнулись волной. — На вторжение в личное пространство нашего драгоценного начальства.

Он посмотрел на меня, убрал локон с лица.

— Ладно, покажу, но без звука, нечего подслушивать.

Иван Иванович отступил на шаг, воздел перед собою руки, пошевелил, будто на фортепьяно клавиши попробовал, и с усилием их опустил.

— Любуйся, барышня.

Приказная стена исчезла, или стала прозрачной, не суть. За нею болталась распахнутая створка арестантской клетки, в которой сидела на полу Фараония. Странно сидела, не по-дамски, со скрученными перед собою ногами и раскрытыми ладонями, расположенными на коленях. Она бормотала что-то, видимо, иноземное, потому как я ни словечка не понимала. Семен сидел на том же стуле, где мы его оставили, только обернулся к соседнему, занятому теперь белокурым чернобровым господином.

— Он выпустил Блохина! — ахнула я.

— Спокойно, Геля. — Мамаев взял меня под локоть. — Все под контролем.

Спорить не получалось, все силы на губочтение уходили.

— ...нет тебе прощения, — говорил Семен, — ты не только законы...

— Бросьте, вашбродь, чистенького из себя разыгрывать. Уж мне-то известно, какими путями вы себе силу добывали.

— Это он о чем? — спросил Мамаев и я поняла, что чародеи, в отличие от нас, прочих, не немую картинку наблюдают.

Блохин между тем продолжал:

— Умыкнули тайно у товарища, не побрезговали. Что ж теперь мне пенять?

— Дратся-то будут? — Мишка азартно вытягивал шею.

— Непременно, — решил Костик. — Гляди, директриса как раз арканы на связывание плетет. Помнишь... Ах, тебя же она не...

Дуняша, картинно испугавшись, прижалась к Мамаеву с другого бока. То, что я на это все отвлекалась, стоило мне куска беседы.

— ...наказание приму, — закончил Семен фразу.

— И скорее, чем думаешь!

Башенные часы начали бить. Раз, два...

От бесшумности происходящего за стеною мне было еще страшнее, и оттого, что волшбы без очков я не замечала, видела

нелепую позу, принятую Блохиным, раззявленный в хохоте его рот, бешено снующие пальцы, Фараонию, будто тянущую к себе невидимый канат, бьющегося в силках чародея.

— Степан, — кричал он, — опомнись!

— Не желаю, не буду! всю жизнь свою под вами, благородными, страдал, света белого не видя. Беленькие, чистенькие? Вот вам!

Блохин пошатнулся и рухнул, сбивая телом стулья.

— Чего это он? — спросил Мишка.

Ответил опять Костыль:

— Так понятно, барыня-директриса его до донышка дососала, у ней ведь... Сейчас самая заруба и начнется.

Семен Аристархович отвернулся от бывшего ординарца.

— Bravo, госпожа Квашнина, ваши таланты во взаимодействиях...

— Высокомерный глупый мальчишка, — проскрежетала она, — чтоб вы все сдохли! Чтоб кошка твоя рыжая бесплодной была, чтоб...

— Фонит изрядно, Ванечка, — сообщил Мамаев. — Останься наша Евангелина внутри, действительно... Экая бабища злоязыкая, вправду ведь прокликает, третий уже наговор от Гели отвожу. Барышня Попович, расслабься, не мешай. Кстати, надо бы с тетужкой нашего Митрофана познакомиться.

Крестовский стоял перед клеткой, будто связанный, с прижатыми к телу руками.

— Прекратите, Елизавета Афанасьевна.

Та не слушала, металась по клетке, высматривая что-то на полу, остановилась, подняла на чародея искаженное от ярости лицо.

— Ах ты, свиристелка! — И прыгнула вперед, выбрасывая из пальцев кинжальные когти.

Время будто остановилось. Фараония зависла над связанным Семеном, рука-лапа в верхушке от его лица, юбки колоколом, волосья во все стороны торчат. Да нет, время нормальное, действительно зависла, повисела немного и медленно всплыла назад в клетку.

— Не дерусь я с дамами, — сообщил Крестовский, щелкая пальцами, дверца захлопнулась, — по возможности. Почивайте, боярыня Квашнина, завтра вас полностью чародейских сил лишат, и ваших личных и заемных. Прощайте.

— Так себе заруба, — решили разочарованно пацаны.

А Зорин едва успел стену приказа на место вернуть, когда дверь открылась, выпуская на крыльцо Семена Аристарховича.

— Добрый вечер, — сказал он без удивления. — Эльдар, не в службу, а в дружбу — Степку вниз в камеру запри. Идем, Геля, прогуляемся.

— Ваше превосходительство, — пискнул Мишка.

Крестовский посмотрел на него абсолютно больными глазами.

— Да?

— Помните, вы когда в приют приходили, Митенька вас леденцами угощал?

— Конечно помню. Талантливый мальчонка. Где он?

— Такое дело...

— Митька наш не Митька был вовсе, — вступил в беседу Костыль. — То есть... Мы сами думали, ну, мелкий на голову слабый, блаженненький. А он сущностью оказался.

При слове «сущность» я дернулась.

— Еще один некромант?

Парень меня успокоил:

— Да нет, Геля, хорошая сущность, правильная. Навроде охранителя, потому как, ежели где зло беспримерное творится, оттуда, — Костик ткнул рукой вверх, — всегда кого-нибудь присылают.

— Мы о чем толкуем, — перебил Мишка. — Малой, то есть охранитель, перед тем как к своим вернуться, просил его превосходительству на словах передать.

Он запнулся, припоминая, и Костыль, опередив друга, выпалил:

— Непременно, когда в грядущем душевные всякие терзания изучать будут, одно из них Семкиным именем назовут.

— Простите, ваше превосходительство, — протянул смущенно Мишка, — именно так и говорил. Назовут, потому как Семен Аристархович самозванцем себя мнит, на случайную удачу либо чужие заслуги свои победы списывает.

Крестовский краснел редко, на моей памяти, наверное, никогда. Сейчас же залился краской от воротника до границы волос. Мальчишки, этого не замечая, тарахтели, перебивая друг друга:

— Передайте, чтоб не сомневался, что сам герой.

— Сам.

— А что уваровской силы отхлебнул...

— Место, наверное такое, Уваровка.

— Не остебятничай! А то, что уваровской силы отхлебнул, так Дмитрий у него не меньше тогда увел, может, и поболее. Так что квиты. Ха-ха... ха-ха-ха.

— Пять раз засмеялся — и отбыл, истаял маревом и леденец с собою прихватил.

— Понятно, — сказал несчастный Крестовский, пряча глаза. — Спасибо, молодые люди.

Пацаны ушли с Дуняшей, та, оборачиваясь через плечо, все прожигала Эльдара страстными взглядами.

— Митенька? — Мамаев рассеянно послал девице воздушный поцелуй. — То-то мне мальчонка знакомым показался. Скажи, Вань.

— Тебе, Эльдар Давидович, — Зорин обнял друга за плечи, — велели Блохина в камеру тащить, а не горничным куры строить. Пошли, подсоблю.

Мы остались с Семеном у приказного крыльца, молчали. В лицо ему я старалась не смотреть, он, наверное, плакал, а любая особа женского полу, будь она семь раз суффражистка, знает, что для мужчины это стыдно.

Страдает, болезный, кручинится. Ну ничего, ничего, время лечит. Все равно ты лучший, и человек и сыскарь. Добрый, умный, сильный. Идеальный просто. За тобою и в огонь и в воду пойду без раздумий. Знаю, обережешь, направишь.

— Геля... — Встретив взгляд сапфировых очей, я немедленно была награждена поцелуем. — Прогуляемся, душа моя, до отеля, а по дороге ты мне еще раз все в подробностях расскажешь.

— Ты первый, Семка. И с самого начала. И еще, давай сразу договоримся больше ничего друг от друга не скрывать. Потому что, если бы не Митенька блаженный, я бы таких дел наворотила в неведении... Кстати, что там у вас с графиней Головиною? Я ведь ревнивая, оказывается, до последней степени, по семь раз на дню мечтаю за рыжие вихры некую сиятельную даму оттаскать, за крашенные ее патлы. Не хохочи, точно крашенные, у меня глаз наметан!

Отсмеявшись, Семен Аристархович заключил меня в объятия, поцеловал, сказал серьезно и, кажется, удивленно:

— За какие заслуги меня тобою наградили?

Вопрос был риторическим, то есть ответа не требовал, а прогулка наша затянулась до самого рассвета.

ЭПИЛОГ ПЕРВЫЙ, в коем столичные сыскари заканчивают дела в уездном Крыжовене

К Бобруйским меня сопровождал Эльдар Давидович. Я несколько дней уже откладывала визит, не специально, просто времени особо не было. Крестовский лавировал среди городского начальства, демонстрируя чудеса дипломатии, налаживал связи, которые будущему приставу непременно пригодятся. Зорин неотлучно был при храме, на тамошнем подворье проводились опознания подвергнутых некромантскому поруганию тел. А еще Ивану Ивановичу пришлось ассистировать в обряде лишения боярыни Квашниной чародейской силы, для которого из... непонятно откуда прибыл неприметный безымянный господинчик и свершил его тайно, без свидетелей. Блохин знакомства с анонимусом не удостоился, потому как стараниями подельницы и без того опустел.

Ах как хитро поступил Крестовский, спровоцировав поганую чародейку на эти действия! Не высоси она досуха Степана да связи свои в высших имперских сферах обнови...

— Исключительных талантов баба, — объяснил мне Зорин, — то, как она арканы из разнородных сил закручивает, пожалуй, вообще никому из ныне живущих недоступно. Представляешь, Гелюшка, что произойдет, если кто-нибудь в своих целях ее использовать надумает или мастерству композиторному пожелает обучиться?

Но Квашнина ошиблась, поспешила, пожадничала. Искушение, которое она исполнила, — самый главный чародейский грех. Потому анонимус загадочный и явился немедленно, обезвредил, наказал. Теперь Фараонию людской суд ждет.

Нас с Эльдаром начальство к уничтожению навых артефактов определило. Хорошая работа, вещественная, жарко только в литейной. Собиралась сначала, между делом, к ковке гнумьего своего кольца приступить, но передумала. Волковский перстень до сих пор

красовался на безымянном пальце, при нем жениться с Семеном было неловко. Ничего, в Мокошь-граде выкую перфектно.

— Дворец целый! — присвистнул Мамаев, когда наша коляска въехала в ворота на Гильдейской улице.

— В котором богатые невесты обитают.

Лакей проводил нас в кабинет к Марии Гавриловне, та поднялась из-за стола, явив заметный уже животик, бросилась ко мне с поцелуями. Мы дружески поболтали обо всем и ни о чем. Ну, то есть разговор и происшедших страшных событий касался, но эмоций сильных они уже не вызывали. Маня спросила о судьбе Блохина. Я честно ответила:

— В крепость его пока переводят, а после, скорее всего, казнят, слишком много на нем преступлений. Разумеется, на родственниках его приговор не отразится, все имущественные и прочие привилегии при них останутся.

— Невероятная удача для родственников, — сказала Мария Гавриловна равнодушно, погладила животик и широко улыбнулась. — Мы с Андромом Ипатьевичем обручились в ту страшную ночь, когда упыри в городе хозяйничали, через неделю свадьба.

Мы с Мамаевым невесту поздравили, а когда покидали кабинет, я заметила, как она бросает в горящий камин лист бумаги. И даже когда от жара он искорежился и развернулся, усмотрела лиловые казенные печати брачного свидетельства. Значит, Маня решила жизнь с чистого листа начать. Пусть счастлива будет, пусть ребеночка здорового родит, маленького Хрущика, который и знать не будет, каким поганцем его настоящий отец оказался.

— Чего загрустила? — спросил Эльдар, когда мы, сопровождаемые горничной, поднимались на второй этаж.

— Стыдно, — призналась я шепотом. — И перед Волковым за трость сгоревшую, и перед Ньютой. Эх...

— Да наколдуют твоему Грине новую палицу, лучше прежней, не кручинься. Я отсюда волшбу чую не нашу, чужеродную.

Григорий Ильич почивал, Анна Гавриловна вышивала, устроившись в креслице подле кровати.

— Евангелина Романовна, — подняла от пялец голубые глаза, поглядела на Эльдара без интереса.

Тот представился с поклоном, похвалил вышивку, подошел к спящему.

— Будьте любезны, барышни, меня ненадолго наедине с господином коллежским асессором оставить.

— Зачем? — встревожилась Нюта.

— Для тщательного чародейского осмотра, — ответил Мамаев строго, — с полным заголением. Не для невинных девичьих взоров зрелище.

Для Анны Гавриловны телесных тайн в Грине, кажется, давненько уже не было, но меня она решила от них уберечь, пригласила в смежную горенку. Она как раз была оборудована для рукоделья, и свет хороший, яркий из большого окна, и столик с нитяными коробочками. Мы присели на стулья, Нюта прислушивалась к доносящимся из-за двери звукам. Мамаев двигал мебель, звякал чем-то стеклянно, бормотал с завываниями, изображая волшбу.

— Простите, — проговорила я покаянно, — дорогая Анна Гавриловна, за обман мой подлый. Мне очень нужно было, чтоб вы в доме оставались, когда...

Голубые очи барышни посветлели, будто затянутые льдом, она фыркнула:

— Ты чего вообще сюда явилась, Попович? Не извиняться ведь? Грегори забрать хочешь?

— Куда забрать?

— Получается, когда ты с другими мужиками по подземельям скакала, не нужен он тебе был, а теперь вспомнила? Воображаешь, я в лепет твой поверю? Скажешь, Григорий Ильич не интересовался мною нисколько?

Ответила я честно, но осторожно подбирая слова:

— Разговора о тебе с Волковым у меня не было.

— Вот и молчи! Нравлюсь я ему, точно знаю, сердцем.

— Но...

— Никаких но! Ступай, и басурманина своего забирай, Грегори тебе не отдам. Притвора! Ах, простите-извините! Да, если бы какой другой барышне Григорий Ильич колечко на палец надел... — Глазки Нюты затуманились, лед в них моментально растаял, сменившись поволокою.

— Точно! — Я хлопнула себя по лбу. — Мне же еще перстень вернуть надобно. Одно скажи: зла на меня не держишь?

— Прощение от меня, Попович, получишь сразу после того, — она повела головой в сторону спальни, — как перестанешь ты невестою Грегори называться.

— Перфектно! — поднявшись со стула, я дернула ручку двери. — Вы закончили осмотр, Эльдар Давидович?

Мамаев быстро накрыл спящего одеялом до самого подбородка.

— Да. Господин Волков в здравии пребывает, связь с чародейским кругом, который его пользует, мощна и непрерывна. Покой, неподвижность, и месяца через полтора, самое позднее два, пробудится коллежский асессор с новехоньким мудреным артефактом.

— Благодарю. — Четким строевым шагом я пересекла комнату, взяла левой ладонью безымянный палец правой, кольцо сидело как влитое, и скороговоркой забормотала: — Я, Евангелина Попович, дворянского звания, желаю помолвку с Григорием Ильичом Волковым немедленно расторгнуть.

Кольцо не двигалось. Нюта обогнула остов кровати, уставилась на меня требовательно. Я посмотрела на Эльдара, тот шевельнул бровями: продолжай.

— Расторгнуть по причине того, что была она понарошечной. — Ободок держался, сниматься не желал. — Другому мое сердце отдано... Значит, на мне вина? Точно! Так как именно я, Евангелина Попович, инициатором разрыва выступаю, в отступное даю...

Тут я смешалась. Что дать? Дырку от бублика? Ерунда. Гриня, конечно, тот еще прохвост, но и я не ангел безгрешный, использовала мужика по-всякому, трости лишила. Нет, не я ее брала, не я в огонь совала, но косвенное касательство имела.

— Значит так, Гриня, ежели слышишь меня сейчас, прости, в компенсацию клянусь дать все, о чем попросишь.

Говорила я, продолжая тянуть перстень с пальца, потому, когда он соскользнул, левая рука описала полукруг, и золотой ободок упал на одеяло, покатился по ткани, упал на ковер к ногам Анны Гавриловны.

— Зря, — шепнул Эльдар, — опасный выкуп ты назначила.

— Какой в голову пришел.

Нюта присела, а когда разогнулась, перстень с сапфиром уже украшал ее безымянный пальчик. Экая барышня скорая.

— Два месяца? — спросила она нараспев, оглаживая одеяльце на Грининой груди. — До травня?

Мамаев взял меня за локоть:

— Ну, раз Григорий Ильич под присмотром и в здравии, чародейский сыск откланивается.

— При условии, что Анна Гавриловна от себя мне прощение даровала, — отвлекла я барышню от ощупываний жениха.

Так Гришке и надо, будет знать, как к сонным девицам под бок тулиться, бессознательностью пользоваться.

— Ступай, Попович, — хихикнула Нюта, — прощаю.

Она много еще чего наговорила, про то, что некоторые девки пупом земли считать себя привыкли, а им вот, представьте, отлуп прилетел, что воображают некоторые, что...

Дослушать Эльдар не дал, увлек из спальни под руку, а когда мы сбежали по ступеням бобруйского дома, расхохотался:

— Экие жаркие месяцы джентльмену предстоят! Умора.

Дела наши в Крыжовене подходили к концу, а березень, первый весенний месяц, перевалил уже за половину. Много же мы успели, даже на свадьбе отгулять. Торжество получилось скромным, только для своих, но довольно веселым. Подружка невесты больше прочих веселилась, не забывая на меня поглядывать. «Завидуешь, Попович, наряду моему драгоценному, красоте неземной, перстеньку сапфировому?» Вот ведь дурочка.

В распахнутые окна кабинета врвался площадной шум, на ковре угасали лучи закатного солнца.

— Утренним поездом отбываем, — говорил Крестовский, сидя за письменным столом. — Иван!

Зорин обстоятельно отчитался, сообщил, что зачистка всех подозрительных мест произведена, что снос приютского здания, в котором Фараония обряды поганые проводила, завершен.

— Детишек по разным сиротинцам распределили, епархия озаботилась. Некоторых горожане усыновить пожелали. Мещанка Губешкина, к примеру.

— Ага, — радостно кивнула я. — Захария Митрофановна Мишку с Костиком забрала, бумаги все честь по чести оформила.

— Хорошо, — одобрил его превосходительство. — Артефакты?

— Под опись изничтожены.

— А те навьи поделки, что в городе оставались?

— Тоже. — Эльдар смотрел в окно, на его скуластом лице мелькали отблески зажегшихся фонарей. — Пришлось немного повоевать. Геля тебе не говорила? Блохин в старых доках склад целый оборудовал под защитой местного разбойного элемента.

Сапфировые очи начальства прожгли во мне дыру, я всплеснула руками:

— Было бы о чем рассказывать! Не стреляли даже ни разу.

Мамаев, будто нарочно, подлил в огонь маслица:

— Мистер Ас, главный по тутошним фартовым, Евангелиною Романовной очаровался.

— Ас? — хихикнул Крестовский недоверчиво.

— Представь. — Эльдар отвернулся от окна, сел рядом со мной на диван.

— Чего забавного?

— А того, скрытная барышня, — пояснил Семен, — что кличка эта слегка неприлична.

— Так «туз» это по-аглицки.

Мамаев придвинулся ко мне, шепнул на ушко, я возопила:

— Задница? То есть... зад?

— И я фартового господина про казус этот вариантный просветил. Вообрази, букашечка, какая серьезная беседа грядет между носителем сего прозвища и носителем британского наречия, последний ведь немало над Тузом потешался.

«Бедный Гриня», — подумала я и неприлично, в голос, заржала.

— Что ж, сыскарики, — вернулось начальство к совещанию, — проблема у нас с вами остается только одна. Решить надобно, кто из нас в Крыжовене на должности пристава останется.

— Семушка... — осторожно нарушил Мамаев повисшую паузу.

— Да, Эльдар, ты. Сам посуди, Геля и без того здесь на полную выложилась, мое присутствие в столице необходимо, а Зорин... — Его превосходительство обратило взор на Ивана Ивановича, будто прикидывая.

— Ладно, — вздохнул тот, — жребий бросать будем.

— Это ведь ненадолго, — утешила я друзей, доставая монетку. — Волков пробудится, дела примет. Орел — Иван, решка — Мамаев.

— Не желаю решкой.

— Без разницы, — отмахнулся Зорин. — Что же до Волкова, я бы ему города не доверил, мутный он тип, судя по рассказам.

Крестовский кивнул и сказал:

— В любом случае приказ о назначении мы пока не получали. Геля, бросай.

Я только успела поднять руку, когда в дверь постучали. После разрешения начальства она распахнулась, явив приказного секретаря Митрофана Губешкина.

— Добрый вечер, дама и господа.

Невнятное слегка приветствие его было прервано дружелюбным вихрем, в который обратился Эльдар Давидович.

— Митрофанушка! — лез он целоваться. — Соколик, как вовремя! Поездом прибыл?

— Поездом, — защищался секретарь от поцелуев тисненой кожаной папкой. — Документы привез разные, о которых вы в спешке позабыли. Там и приказ о должности пристава...

— Кто? — выдернул Эльдар папку. — Кто назначен?

— Прочерк там на месте имени. В канцелярии сказали, что по сиятельному повелению Семен Аристархович сам определить должен.

— Семушка, — Мамаев протянул добычу через стол, — ваше превосходительство, определяйте.

— А хорошо получится, — басил Зорин, усаживая Митрофана, — господин Губешкин — кристальной душевной чистоты человек, а то, что робок, не страшно, ему и совет городской в помощь будет, и общины.

— Он чародей, — поддержала я, — горожане в должности пристава чародея видеть предпочтут.

Объект наших переговоров хлопал глазами, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Робок, — протянул Семен, — чародей. Местный почти, родня тут...

— Федора Степанова, гринадир который в прошлом, повесить надобно, — пришло мне в голову. — Мужик статный, сильный, с пониманием. В деле себя показал перфектно, старается службой ошибки свои загладить.

— Точно, — подтвердил Эльдар. — И с фатовыми разбираться умеет, и с неклодами, и гнумы уважают.

— Решено! — Начальство раскрыло папку и, прошуршав бумагами в поисках нужной, вписало: «Митрофан Митрофанович Губешкин». — Поздравляю, господин пристав, с назначением. А теперь, сыскарики, пойдем праздновать.

В ресторации отеля «Империял» нас ожидал самый настоящий банкет, там, кажется, собрался весь уездный город Крыжовень. И было очень весело. Я танцевала, вкусно ела, пила без разбора разнокрепкие напитки, целовалась в щеки со знакомыми, прощалась, благодарила, принимала комплименты, отказывалась многократно от смарагдового гарнира, подносимого фатовым Яшкой, который велел Асом себя более не величать, обещала не забывать, писать, маменьке приветы от Соломона передать, помнить и, наконец, растворилась полностью в вихре хорошей праздничной радости.

— Гелюшка, — шептал Семен под перестук колес уносящего нас в Мокошь-град поезда, — душа моя, любовь моя.

— На коленях прощения просить будешь... архивы подшивать... кукарекать...

— Люблю...

— И я...

ЭПИЛОГ ВТОРОЙ, в коем представители сильного пола ни в коем случае не сплетничают и не интересуются заметками в бульварных газетенках

Весна в столицу пришла окончательно, украсила шляпки барышень искусственными пока цветами, сдернула с Мокоши ледяное покрывало, растопила сугробы и наледь с крыш, наполнила улицы перестуком срывающихся сосуллек.

— Хорошо! — распахнул Иван Иванович окно кабинета и полной грудью вдохнул свежий воздух.

— Попович куда убежала? — Эльдар Давидович шуршал газетой, прихлебывая чай из личной кружки.

— Ей кто-то из осведомителей вбросил, что-де в кафешантане на Мясоедской видали господинчика с артефактом навьим мудреным. Вот Геля и отправилась выяснять, не Зябликов ли это ее знакомый.

— Непременно ирод появится, характера своего злодейского не обуздав, — передразнил Мамаев пискляво, но нисколько не похоже. — Ею вся пресса столичная полна, Евангелиной Романовной нашей. «Надворный советник П., то есть, разумеется, советница развлекла столичную публику арестованием. Многочисленные свидетели, находившиеся в момент ареста на городском вокзале, в кошмарах вспоминать будут рыжеволосую фурию, с револьвером наперевес преследующую вдоль перрона двух провинциального вида дам. Особенно им запомнится мгновение, когда одна из беглянок бросила в толпу набитое соломою чучело болонки мальтезе, отчего в публике последовали обмороки экзальтированных барышень, числом три, а также господина Ж., начальника пароходного департамента».

— «Чижик-пыжик»? — заглянул через плечо Зорин. — Бульварная газетенка.

— И чародейский приказ ей непрерывно новости поставляет. «Самый завидный мокошьградский холостяк, некий господин К., был

снят городскими с конной статуи Берендия Четвертого и, даже находясь в руках служивых, продолжал кукарекать. Кстати, верные наши источники сообщают, что господин К. появляется в обществе с некоей барышней П. вовсе не по служебной необходимости». — Эльдар смял «Чижика-пыжика», забросил бумажный ком в корзину.

— Ну пишут и пишут.

— Геля кольцо обручальное кует. Нет, в газетах о том ни слова, сам узнал. Обручальное, из драконьей чешуи, как у гнумов принято.

— Значит, поженятся. — Иван Иванович пожал пудовыми плечами. — И хорошо, и ладно. Семка повеселел, не хандрит совсем. Не думал даже, что он такую вину перед Митькой чувствовал.

— Я знал. Вы напились как-то давно, Семен в откровения пустился. Ты не помнишь, после знатной драки заседали, тебя сморило, на столе уснул. — Эльдар поморщился. — Ерунда же, форменная ерунда, а ему душу выедало. Денщик еще этот постарался, спасителем себя изобразил.

— Ну да, Крестовского с одной стороны вина за воображаемое воровство у друга силы чародейской придавила, с другой — благодарность. Степка тот еще жук был, вечно ко мне подкатывался с просьбами.

— Ого!

— Ну. И главное, лебезит: «Вашбродь, войдите в положение, как мужик к мужику, эти-то — дворяне, белая кость, голубая кровь, а вы наш, простой, правильный, отлейте силушки, сколько не жалко».

— А ты?

— Отказал, не люблю, когда меня хитростью заставить пытаются. Но он не отставал. Однажды... — Иван поморщился гадливо. — Никому об этом не рассказывал, слово дал. Проснулся я однажды среди ночи от боли, вокруг чары сонные вихряются, скверно сплетенные, рука вдоль кровяной жилки разрезана, истекает в подставленный таз. Ну я этим тазом Блохина и отходил. Он плакал, божился, что никогда впредь, что про способ через кровь чародейскую силы зачерпнуть от Семена услышал, умолял не губить, никому не рассказывать. Когда он тот самый нож, которым мне плоть вскрывал, к своему кадыку приставил, пришлось пообещать.

Они помолчали, думая каждый о своем. Потом заговорил Мамаев:

— Раз пошли откровения, и я признаюсь, только Геле ни слова, она и без того себя за погибель британского артефакта винит. Это у них с Крестовским, кажется, семейной чертой будет, без вины виноватиться. — Он тряхнул волосами. — Когда мы в Крыжовене с Попович визит господину Волкову наносили, я настоял, чтоб наедине с ним остаться. Удивился: чарами домина полнится от подвала до крыши, а артефакта на замен трости не наколдовалось.

— Не артефакт?

— Там ему сразу к левой руке механизмы какой-то приспособливают, наверное, чтоб не терял впредь. Не важно. В какой-то момент, когда я тело его осматривал, Грегори глаза открыл и говорит: «Знаешь, какое у меня прозвище? Фенрир, волк я страшный, цени разрывающий, враг богов, враг чародеев. Бойся меня, Илидар, все меня бойтесь. Там, где являюсь, рушится все. Вам явлюсь, вас порушу».

Иван Иванович задумчиво барабанил пальцами по подоконнику. Предположим, исконную форму мамаевского имени и угадать можно. А что касается Фенрира... Ну да, знакомая зверушка по мифам чужеземным.

— Гелю расстраивать не будем, — решил наконец Зорин, — а Крестовскому расскажем, но чуть погодя. Семке сейчас не до этого, с Брютом воюет, чтоб Попович в тайный приказ не отдавать.

— Геля к тайным не согласится.

— Разумеется. Кстати, вот и она. — Зорин смотрел в окно. — С Семеном возвращаются.

Мамаев обошел стол, тоже оперся о подоконник, присоединяясь к товарищу.

— Красивая пара.

Внизу мужчина и девушка под руку шли к чародейскому приказу, прозываемому в народе «Кресты». Пара молодых людей, действительно красивых и невероятно, до умопомрачения друг в друга влюбленных.